

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

На правах рукописи

Кишбали Тамаш Петер

**АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕЙ АНАТОЛИИ:
ТИПОЛОГИЯ, ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ
КОНТАКТЫ. КУЛЬТОВО-МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
ДОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА**

Специальность 17.00.04 –

Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения

Научный руководитель –
кандидат искусствоведения, доктор исторических наук, профессор
Никулина Наталья Михайловна

Москва – 2016

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Хронологические рамки исследования.....	6
Географические рамки исследования – выбор материала.....	8
ГЛАВА I. Основные проблемы изучения анатолийских культур	15
1.1. Земли и народы древней Малой Азии	15
1.2. Хронологические рамки.....	19
1.3. Археология на территории Анатолии.....	21
1.4. Анатолия в контексте истории и культуры Древнего мира. Проблема оценки.....	29
1.5. Историография. Обзор отдельных работ.....	34
1.6. Монументальная архитектура. Проблемы и подходы	47
ГЛАВА II. Монументальная архитектура Малой Азии от древнейших времен до распада Хеттского царства.....	53
2.1. Первые этапы.....	53
2.1.1. Гёбекли-Тепе	56
2.1.2. Чатал-Хююк.....	62
2.1.3. Общая типология дома	64
2.1.4. Планировка поселений и фортификации до бронзового века.....	65
2.1.5. Поселения раннего бронзового века. Конец IV-первая половина III тыс. до н.э.	67
2.1.6. Планировка поселений раннего и среднего бронзового века	70
2.1.7. Отдельные типы построек – «домашние святилища».....	71
2.1.8. Мегароны и мегароноподобные постройки	73
2.2. Архитектура II тысячелетия до н.э.....	76

2.2.1. Рост укрепленных центров и развитие «дворцов» Центральной Анатолии во II тысячелетии до н.э.	76
2.3. Бронзовый век. Хеттский мир	81
2.3.1. Храмы.....	82
2.3.2. Ворота.....	84
2.3.3. Дворцовые комплексы.....	87
2.3.4. Иные сакральные сооружения	88
2.3.5. Семантика хеттской архитектуры	91
2.3. Западная Анатолия и Эгейский мир в эпоху Поздней бронзы	96
2.3.1. Пределы определений.....	99
2.4. Выводы.....	101
ГЛАВА III. Архитектурные комплексы первой половины I тысячелетия до н.э.	104
3.1. Малая Азия в I тысячелетии до н.э.	104
3.2. Фригия.....	107
3.2.1. Фригийские тумулусы	111
3.2.2. Фригийские скальные фасады	112
3.2.3. Керкенес Даг.....	118
3.3. Лидия.....	123
3.3.1. Погребальные сооружения Лидии	130
3.3.2. Лидийские тумулусы	131
3.3.3. Другие погребальные сооружения Лидии.....	135
3.4. Ликия	139
3.4.1. Столбовые гробницы	143
3.5. Кария	146

3.6. Ахемениды на территории Малой Азии.....	152
3.7. Выводы.....	159
ГЛАВА IV. Культурно-мемориальные комплексы IV века до н.э.....	161
4.1. Особенности культуры Анатолии в IV веке до н.э.....	161
4.2. Ликия.....	162
4.2.1. Монумент Нереид в Ксанфе.....	163
4.2.2. Героон в Гельбаши-Трисе.....	165
4.2.3. Героон Перикла.....	169
4.2.4. Ликийские скальные гробницы.....	170
4.3. Кария эпохи Гекатомнидов.....	175
4.3.1. Галикарнасский Мавзолей.....	182
4.3.2. Письменные источники о Мавзолее. Результаты раскопок.....	186
4.3.3. Реконструкция Мавзолея.....	195
4.3.4. Воплощение династической программы Гекатомнидов.....	197
4.3.5. Другие погребальные сооружения Карики.....	203
4.3.6. Святилище в Лабрандах: монументальный комплекс эпохи Гекатомнидов.....	211
4.4. Выводы.....	220
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	223
Библиография.....	231
ПРИЛОЖЕНИЕ	

ВВЕДЕНИЕ

Анатолия является неоднородной территорией, как в географическом, так и в культурном отношении. Эта особенность приводила к тому, что в древности местные народы, хотя состояли как в постоянных контактах друг с другом, так и с более удаленными территориями, успешно сохраняли локальные традиции. Одним из наиболее наглядных примеров этого явления можно считать, на наш взгляд, Карию и Ликию VI-IV вв. до н.э. – эти регионы активно общались с греками (как местными, малоазийскими, так и «заморскими»), однако в их культуре можно проследить собственные, локальные черты, а также отголоски более древних традиций.

Таким образом, Анатолия образует некое особое, самостоятельное пространство. Как отмечает Махтельд Меллинк, одна из самых значимых анатолийских археологов середины-второй половины XX века: «ни одну из частей этого замечательного полуострова нельзя отсоединить и переместить под какую-нибудь другую из соседних культурных категорий»¹.

В настоящей работе сложные процессы взаимного влияния, синтеза локальных и внешних черт предлагается проследить на материале **архитектурных комплексов**. Наше внимание привлекают религиозно-культовые, репрезентативные, мемориальные сферы архитектуры: комплексы, обладающие особыми функциями, и вследствие этого, особым расположением, конфигурацией и оформлением. Именно совокупность этих свойств позволяет организовать сооружения по типам, выстраивать типологию.

Обладая высокой степенью видимости, подобные здания сыграли важную роль в сложении первых цивилизаций, ведь «интерес к монументализации часто сопровождал культуuroобразующие периоды, когда общественные здания

¹ *Mellink M. Anatolia: Old and New Perspectives // Proceedings of the American Philosophical Society, Vol. 110, No. 2, 1966. P. 129.*

выступали в качестве «вещественных метафор» для обозначения социальных отношений»². Типология является неотъемлемой частью архитектуры как таковой, наиважнейшим признаком «архитектурного присутствия»; она обозначает наличие «устойчивых, повторяющихся и повторяемых, но не изобразительных структур, отношений, схем»³, а исследовательская попытка выявить эти группы «прямо отражает <...> специфику архитектурного языка, построенного на обращении с устойчивыми типами»⁴.

Архитектурные памятники нередко образовывали комплексы. Либо монумент являлся частью более крупной сакральной зоны (например, святилища, дворца или некрополя), либо сам он включал в себя множество разных составляющих. Поэтому помимо структуры, самого состава монументальных комплексов, необходимо уделить определенное внимание их месту в культовой и общественной жизни данной территории или всего региона, бытованию и функционированию этих сложных, особо значимых образований, их образности и определяющей строительной традиции.

Хронологические рамки исследования

Хронологические рамки нашего исследования достаточно широки: во второй главе мы обратимся как к ранним доисторическим периодам (VIII-III тыс. до н.э.), так и ко II тысячелетию до н.э. Это необходимо для полного понимания культурных процессов: во-первых, позволяет на более широком материале, «панорамно» обрисовать пути и способы взаимодействия Анатолии с другими регионами Древнего мира, во-вторых, позволяет поставить вопрос об истоках некоторых явлений I тысячелетия до н.э.

Далее, в истории малоазийских культур хотелось бы особенно выделить период, обозначенный в заглавии нашей работы как «**доэллинистический**». Под

² *Thomas E. Monumentality and the Roman Empire. Architecture in the Antonine Age.* Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 5.

³ *Ванеян С.С. Тело символа. Архитектурный символизм в зеркале классической методологии.* М., 2010. С. 675

⁴ Там же. С. 29.

этим мы подразумеваем временной отрезок, охватывающий примерно **X-IV вв. до н.э.** Границы этого периода условны и, в определенной мере, расплывчаты. X век до н.э. был выбран как отправная точка, ибо это то время, из которого нам известны следы монументального строительства на территории Центральной Анатолии (в Гордионе). Т.е. начало периода отмечено не конкретными событиями, а постепенным нарастанием изменений, в конечном итоге приводившем к переходу к иным условиям. Поэтому нам кажется удачным определение Экрема Акургала, выдающегося турецкого археолога, выбранное им для названия книги: «от Гомера до Александра»⁵. В этой формулировке одновременно заложены и отсылки к «героическому прошлому» - к событиям поздней бронзы, и контекст совместных поисков греков и других малоазийских народов, и резкий переход, олицетворяемый Александром.

Необходимо подробнее раскрыть основные периоды и процессы, связанные с ними. В ходе «катастрофы бронзового века» карта Анатолии полностью перекраивается, и, действительно, в некотором смысле наступают «темные века». Но в IX в. до н.э. начинается усиление отдельных народов и сложение более или менее прочных политических образований – и, что для нас особенно важно, снова начинают создаваться выдающиеся архитектурные комплексы. Этот первый этап связан с возвышением Фригийского и Лидийского царств, с активной деятельностью малоазийских греков. В конце VII-начале VI вв. намечаются и первые заметные движения таких «малых» территорий, как Ликия и Кария. В середине VI в. с востока выдвигается новое действующее лицо – Ахеменидская Персия, подчиняющая себе фактически всю территорию Анатолии. При этих новых условиях окончательно складывается-синтезируется культура вышеупомянутых территорий. IV век до н.э. – особый период «предэллинизма», при котором синтез греческих и локальных черт достигает наивысшую точку развития. Этот период отмечен созданием архитектурных комплексов невиданного масштаба и сложности. Они в определенной мере предвосхищают

⁵ *Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin: de Gruyter, 1961*

монументальные проекты последующей эпохи. Однако сам эллинизм уже выходит за (и так достаточно широкие) рамки данного исследования.

Географические рамки исследования – выбор материала

В данной работе наибольший интерес для нас представляют центральные, западные и юго-западные территории Малой Азии (т.е. эгейское и средиземноморское побережья). Этот выбор связан с несколькими причинами, в первую очередь историографическими.

Архитектурное наследие восточной и юго-восточной Анатолии (т.е. регионов, соседствующих с Сирией и Месопотамией) изучено в более полной мере, чем западных и центральных территорий. Здесь в первую очередь имеются в виду т.н. «сиро-хеттские» (или неохеттские) княжества. Их изучение как *самостоятельных* культурных явлений началось раньше, чем тенденция анализа, например, фригийских или карийских памятников в отрыве от грекоцентрического подхода. На наш взгляд, даже будучи рассматриваемыми в рамках ассириологии, такие объекты как Каркемиш или Самал/Зинджирли обладали большей «культурной автономией», нежели, например, лидийские памятники в контексте изучения греческого искусства. Таким образом, «сиро-хеттский» архитектурный (и архитектурно-пластический) материал в целом лучше освоен, и на сегодняшний день имеются интереснейшие публикации⁶.

Вышесказанное не значит, что восточные территории не будут привлекаться в работе, однако основной акцент будет сделан на центральных и западных территориях Малой Азии. Доэллинистический период в северной части Анатолии (т.е. фактически в Южном Причерноморье) пока слабо засвидетельствован⁷.

⁶ Pucci M. *Functional Analysis of Space in Syro-Hittite Architecture*. Oxford: Archaeopress, 2008.; Brown B.A. *Monumentalizing Identities: North Syrian Urbanism, 1200–800 BCE*. PhD Dissertation, University of California, Berkeley, 2009.; Gilibert A. *Syro-Hittite Monumental Art and the Archaeology of Performance*. Berlin-New York: de Gruyter, 2011.

⁷ Обзор греческих колоний в регионе см. у: Максимова М.И. *Античные города юго-восточного Причерноморья*. Синопа. Амис. Трапезунт. М.-Л.: Наука, 1956.; Сапрыкин С.Ю. *Греческие полисы Причерноморья (эпоха архаики и классики) // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред.*

Степень научной разработанности темы можно охарактеризовать следующим образом: изучение древней Анатолии – мультидисциплинарная область, соответственно, существует большой, постоянно расширяющийся корпус научных трудов (археологических, исторических, лингвистических), имеющих, однако, часто лишь косвенное отношение к теме настоящей диссертации. Исследований, посвященных непосредственно архитектуре Анатолии, их особенностям, функциям и межрегиональным связям, сравнительно мало. Особенно остро ощущается недостаток обобщающих работ.

Причиной такой «фрагментарности» научного поля является сравнительно запоздалое обращение исследователей к региону как *самостоятельной единице*. История археологических исследований на территории Анатолии хорошо известна⁸, но необходимо отметить основные вехи и этапы, выявить их специфику (см. в **главе 1**). Исследование процесса сложения науки способствует пониманию генезиса проблем и, возможно, приблизит нас к их решению.

Актуальность темы исследования обусловлена постоянным появлением нового материала и непреходящим, а даже возрастающим, интересом к анатолийским древностям. При этом, недостаточная осмысленность культурных процессов Анатолии в разные периоды, не полное понимание связей с соседними регионами и другие проблемы затрудняют синтез накопленных данных. «Анатолийские исследования» как научное направление уже существует, однако, как нам кажется, искусствоведение (и изучение архитектуры в частности) представлено в недостаточной мере.

Таким образом, главной **целью исследования** мы видим многостороннее изучение архитектурных комплексов древней Анатолии в доэллинистический

В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 74-80.

⁸ См. напр.: *Marek C., Frei P. Geschichte Kleinasiens in der Antike*. München: Beck, 2010. S. 37-72; *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia* / Ed. S.R. Steadman, G. McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 15-93.

период, который в данном исследовании определяется как XI-IV вв. до н.э., а также предшествующих периодов. Основными аспектами исследования являются 1) выявление общих и частных тенденций в создании архитектурных комплексов, 2) определение локальных особенностей региона, и 3) определение места древней Анатолии обозначенных периодов в общей системе архитектурных традиций Древнего мира в целом.

Для достижения цели исследования, можем поставить следующие **задачи**:

1. выработать подход к изучаемому материалу, позволяющий объединить периоды и ареалы, редко попадающие в одно исследование;
2. расширить существующие представления об архитектуре рассматриваемых культур с учетом их взаимосвязей и контактов;
3. определить характер взаимоотношений Анатолии со смежными регионами в разные периоды истории. Для полной картины привлечь и памятники, предшествующие основному материалу исследования;
4. выявить особенности отдельных регионов Анатолии IX-IV вв. до н.э., определить, насколько эти особенности обусловлены прежней традицией (напр. наследием II тыс. до н.э.), общественной и культовой жизнью, и другими факторами.

Названные цели и задачи определили **структуру работы**. Во **Введении** обоснован выбор темы диссертационного исследования, сформулированы его цели и задачи, объяснена актуальность и важность работы. Здесь дана общая характеристика культур Анатолии в системе Древнего мира и обозначены некоторые особенности местных архитектурных комплексов.

Ввиду сложности и многоплановости изучения региона и его архитектуры, было принято решение перенести **историографию** в отдельную главу. Это дало нам возможность выделения и детального анализа главных проблем. Таким образом, **первая глава («Основные проблемы изучения анатолийских культур»)** представляет собой комплексный очерк, объединяющий в себе обзор истории изучения культур Анатолии (с акцентом на постепенное обретение

регионом «статуса» самостоятельного объекта научных исследований), определение места анатолийских культур в общей системе древних цивилизаций. В последнем параграфе главы на основании вышеуказанных теоретических разработок и обзора работ, посвященных уже непосредственно архитектуре Малой Азии, предлагается методика настоящего исследования.

Вторая глава («Монументальная архитектура Малой Азии от древнейших времен до распада Хеттского царства») содержит два раздела. В первом разделе рассматриваются основные типы древней анатолийской архитектуры – дома-святилища («особые сооружения»), храмы, выделенные жилища и «дворцы», а также связанные с ними проблемы планировки поселений и организации комплексов. Хронологические рамки этого раздела (VIII-III тыс. до н.э.) предполагают общий обзор, и, что для нас главное, дает предварительный опыт применения исследовательской методики, а также обрисовывает основные направления культурного влияния. Во втором разделе рассматриваются архитектурные комплексы II тысячелетия до н.э., в первую очередь важнейшие для Анатолии памятники хеттского круга. Также поднимается вопрос о характере «не-хеттских» культур этого периода.

В третьей главе («Архитектурные комплексы первой половины I тысячелетия до н.э.») рассматриваются памятники Фригии, Лидии, Ионии, Ликии и Карии. Народы, населяющие эти области Малой Азии, обладают своими традициями, а также состоят в тесном контакте друг с другом, в результате которого зарождаются общие тенденции, создается своего рода общий художественный ареал. В главе уделяется особое внимание двум «волнам» влияний: во-первых, контакту с восточными греками (в первую очередь ионийцами), во-вторых, влиянию персидских Ахеменидов, покоривших Малую Азию во второй половине VI века до н.э. В главе показано, что эти два влияния могут быть комплементарными.

Четвертая глава («Культово-мемориальные комплексы IV века до н.э.») посвящена архитектурным комплексам IV века до н.э. на западных территориях Анатолии, в первую очередь Ликии и Карии. Такие знаменитые

сооружения, как «героон» в Трисе, Монумент Нерейд в Ксанфе, Мавзолей в Галикарнасе, рассматриваются в контексте местных традиций, наряду с другими, менее известными памятниками. Особое внимание уделено их месту в пространстве городов. Эти комплексы (и поведение их заказчиков) во многом предвосхищают культуру эллинизма.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Имеется также **Приложение** с иллюстрациями (в отдельном томе). В основном тексте на соответствующие иллюстрации даются ссылки в формате (Рис. 2.1. = номер главы и номер иллюстрации).

Предметом исследования становятся особенности архитектуры древней Анатолии. Она рассматривается, с одной стороны, на локальном уровне, а с другой стороны, на межрегиональном, т.е. в системе культурных взаимоотношений Древнего мира.

Объектами исследования являются архитектурные памятники, контексты их создания (цели и ориентиры заказчиков-создателей, возможная связь с уже существующими постройками) и бытования (использование и восприятие современниками и последующими поколениями, собраний, влияние на архитектурную традицию). Особое внимание уделяется архитектурным комплексам, например святилищам, городским ансамблям, и т.д. По мере необходимости привлекается произведения скульптуры, керамики (фигурной, расписной) и другие художественные изделия, а также, где это возможно, письменные источники.

В рамках данного исследования нас, в первую очередь, интересует архитектура как явление, тесно связанное с жизнью общества в котором (и для которого) она создается. Помимо этого, по памятникам архитектуры можно наглядно проследить синтез локальных и заимствованных черт. Следовательно, наше исследование имеет комплексную **методологическую основу**, сочетающую в себе историко-культурный подход, типологический и сравнительный анализ, а также элементы архитектурной феноменологии. Во второй главе мы

руководствовались типологическим принципом группировки комплексов. В третьей и четвертой главах памятники рассматриваются по регионам и по типам.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем предпринята попытка анализа архитектуры древней Анатолии в широком контексте. В рамках работы сравниваются памятники культур, которые в большинстве исследований рассматриваются обособленно друг от друга. Комплексный анализ архитектурных сооружений X-IV вв. до н.э. (доэллинистического периода) предпринимается нами впервые.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Древняя Анатолия представляет собой особое, самостоятельное пространство в динамичной системе культурных связей Древнего мира. Характер и направленность взаимодействий с соседними регионами, а также внутри непосредственно самих анатолийских областей, меняются от периода к периоду;
2. Несмотря на высокий степень изученности отдельных областей и памятников, общее, комплексное осмысление культуры Анатолии требует дальнейших исканий. Анализ истории изучения культуры и художественного наследия древней Анатолии способствует выявлению и лучшему пониманию этих основных проблем региона, и может стать основанием для плодотворной работы;
3. В первой половине I тысячелетия до н.э. в архитектуре народов, обитающих на территории Анатолии, находим некоторые черты, характерные исключительно для той или иной группы населения. Однако на протяжении VIII-V вв. до н.э. постепенно возникают общие тенденции, связанные, в первую очередь, с влиянием греков и Ахеменидского Ирана, а также с внутренними обстоятельствами;
4. Культово-мемориальные комплексы, создаваемые в IV веке до н.э. в западных областях Малой Азии, являются логическим завершением, кульминацией процессов предшествующих времен. Эти сооружения окажут сильное влияние на архитектуру и культуру эллинизма.

Практическая значимость исследования: в основе настоящего исследования лежит большой корпус памятников и связанной с ними научной литературы. В работе также поднимаются важные проблемы положения Анатолии в системе Древнего мира как особого региона. Этот материал может быть использован специалистами в области истории и истории искусства при изучении художественного наследия древней Анатолии (в особенности – архитектуры). Отдельные разделы диссертации могут быть полезны для подготовки лекционных курсов и занятий по истории искусства Древнего мира в высших учебных заведениях.

Апробация работы. Диссертация подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре всеобщей истории искусства исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Отдельные положения диссертации были озвучены в разные годы на Международной конференции молодых специалистов «Актуальные проблемы теории и истории искусства» (МГУ, 2011, 2013, 2015; СПбГУ-ГЭ, 2012), на Международной конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология» (ИЛИ РАН, 2014), на «Сергеевских чтениях» (МГУ, 2015) и на Конференции памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского (ИВ РАН, 2015), а также нашли отражение в опубликованных научных работах автора.

ГЛАВА I.

Основные проблемы изучения анатолийских культур

Тема данной работы включает в себя множество под-тем, в ней рассматривается широкий круг памятников, и составление единого полного историографического обзора кажется нецелесообразным. Поэтому в данном разделе хотелось бы осветить только самые главные проблемы, необходимые для понимания теоретических и методологических задач диссертационного исследования. Сведения об этапах изучения конкретных памятников и связанных с ними научных вопросов будут приведены отдельно в соответствующих местах работы. Настоящий же раздел включает четыре подраздела: 1) определение географических и хронологических рамок работы, 2) очерк истории археологических исследований на территории Малой Азии, 3) анализ основных проблем, связанных с изучением анатолийских культур, а также теоретико-методологические подходы к монументальной архитектуре, 4) критический обзор наиболее важных трудов (историография).

1.1. Земли и народы древней Малой Азии

Определение географических рамок⁹ настоящего исследования нуждается в более подробном раскрытии. Изучаемая нами территория совпадает с азиатской частью современной Турции, однако при поиске другого, не привязанного к современному государству географического определения, необходимо учесть некоторые проблемы. В интересующие нас периоды истории данный регион никогда не образовывал политическую или административную единицу, ведь даже самым мощным правителям хеттов не удалось подчинить себе весь полуостров. Ахеменидская Персия оказалась ближе к успеху, однако лишь после

⁹ *Lloyd S.* Ancient Turkey: A Traveller's Guide. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1989. P. 12-23. *Marek C., Frei P.* Geschichte Kleinasiens in der Antike. München, 2010. S. 27-33. *Düring B.* The Prehistory of Asia Minor. From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 4-20.

завоеваний Александра Македонского регион оказался под одной властью – что не отменило то многообразие культур, что всегда было характерно для него. В доклассической древности полуостров фактически не имел – и не мог иметь – названия¹⁰. Большинство исследователей, в общем и целом, употребляют два термина – «Малая Азия» и «Анатолия» – как взаимозаменяемые.

Малая Азия – полуостров, образующий самую западную часть Передней Азии. Северный, западный и южный пределы массива имеют четкое определение: с севера Анатолия граничит с Черным, с запада – с Эгейским, с юга – со Средиземным морями. Проведение восточной границы сложнее, но, как правило, ее принято выделять по верхнему течению Евфрата.

Географическое положение во многом предопределило роль Малой Азии в истории Древнего мира.

Анатолийский полуостров часто характеризуют как мост, или, с намеком на рельеф полуострова – как «мост с высоким парапетом»¹¹. Однако очевидно, что «народы, мигрировавшие в Анатолию, влекла сюда не столько кратчайшая дорога в Европу, сколько сама страна, ибо это был край больших природных богатств, источник важнейших видов сырья – скорее центр, а не какая-то провинция, соединявшая более благодатные районы»¹². Действительно, «метафора моста» таит в себе опасность, что роль народов Малой Азии в историко-культурных процессах будет понята исключительно как посредническая: между абстрактными Востоком и Западом, Европой и Азией, или несколькими конкретизированными эгейскими и ближневосточными цивилизациями. Но нам кажется, что анатолийские народы, помимо освоения и передачи информации, являлись и создателями ряда идей. Синтез этих элементов – привозных, заимствованных и рожденных на местной почве, и создал те самобытные культуры, монументальная архитектура которых станет предметом настоящего исследования.

¹⁰ *Sagona A., Zimansky P. Ancient Turkey. London-New York: Routledge, 2009. P. 1.*

¹¹ Выражение археолога Уильяма Рамзая, цит. по *Lloyd, Seton. Ancient Turkey: A Traveller's Guide. Oakland: University of California Press, 1989/1999. P. 13.*

¹² *Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. /Пер. с англ. Ф.Л. Мендельсона. Под ред. и с послесл. В. Г. Ардзинба. М.: Наука, 1983. С. 6.*

Малая Азия известна как гористый регион. Самыми значимыми являются Понтийские и Таврские (Тавр и Антитавр) горы. Большое место занимает и само Малоазиатское нагорье. Рельеф делит земли Малой Азии на семь больших частей (Рис. 1.1, 1.2)¹³:

1. Регионы, примыкающие к Мраморному морю с европейской и азиатской стороны.
2. Побережье Средиземного моря (западная и юго-западная часть полуострова)
3. Западно-центральная часть.
4. Центральная материковая часть.
5. Побережье Черного моря.
6. Восточная часть (до Евфрата).
7. Юго-восточная часть.

В центральной части протекает *Кызылырмак* (античное название – Галис, хеттское название – Марассантия), самая длинная река региона, известная также как место решающей битвы между лидийцами и мидянами в VI веке до н.э. Она огибает Анатолийское плоскогорье и впадает в Черное море. Кызылырмак является одной из опорных точек для анатолийской исторической географии, ведь именно она образовала западную и южную границы основного ареала владений хаттов. Западнее находится река *Сакарья* (античное назв. – Сангариос), тоже впадающая в Черное море. По течению Сангариоса можно локализовать расселение фригийцев в I тысячелетии до н.э. Важными реками в западной части полуострова являются *Гедиз* (антич. Гермос) и *Мендерес* (антич. Меандр), впадающие в эгейское море.

Рассуждая о природе географических рамок нашего исследования, сошлемся на мнение Б. Дюринга: необходимо помнить, что, несмотря на «четкость» рамок, отмечаемых морями, эти водные границы часто оказывались

¹³ По *Sagona A., Zimansky P.* Op. cit.. P. 2. Здесь и далее ссылки (Рис. п.п) относятся к иллюстрациям в Приложении.

более «проницаемыми» в культурном отношении, нежели даже слабо выраженная географически восточная граница¹⁴. С учетом географических особенностей Малой Азии, можно выделить ряд «контактных зон», которые действовали с разной активностью в разные периоды. Ведь «границы» нашего исследования составляют не четкие линии: ареалы бытования культур лучше представить в виде пересекающихся множеств.

Таким образом, можно выделить три зоны в качестве основных ареалов культурного обмена: эгейскую, кавказскую и месопотамско-сирийскую. Из этого видно, что для всеобъемлющего понимания системы культурных контактов к традиционной схеме запад-восток необходимо добавить еще и ось север-юг¹⁵. При этом возможно и более дробное деление зон. Важным положением является динамичность взаимодействия. Под этим мы подразумеваем то, что со временем меняется сам характер контактов, в том числе направленность, интенсивность, отдельные их аспекты. Факторами для этих перемен могут являться новые технологии, социокультурные изменения, передвижения групп населения, и т.д. Однако о полном «исчезновении» той или иной контактной зоны говорить, на наш взгляд, невозможно.

При изучении связей Малой Азии с Месопотамией, Сирией, Кавказом и т.д. основной проблемой является многообразие материала, сложность в его обобщении. Однако *методология* исследований здесь больше разработана¹⁶ и лучше расставлены акценты, более наглядно поняты те самые динамические изменения, которые определяют взаимоотношения народов в соседних регионах. Хотя подобными концептуальными проблемами сталкиваются и исследователи

¹⁴ *Düring B.* The Prehistory of Asia Minor... P. 6.

¹⁵ См. тематический выпуск журнала *Anatolian Studies* №57 (2007): *Transanatolia: Bridging the Gap between East and West in the Archaeology of Ancient Anatolia: Zimmerman T.* Anatolia as a Bridge from North to South? Recent Research in the Hatti Heartland // *Anatolian Studies*, 57, 2007. P. 65-75.; *Greaves A.M.* Trans-Anatolia: Examining Turkey as a Bridge between East and West // *Anatolian Studies*, 57, 2007. P. 1-15.; а также *Mellink M.* Anatolia and the bridge from east to west in the Early Bronze Age // *TÜBA-AR*, 1, 1998. P. 1-8.

¹⁶ Напр. *Düring B.S.* The Prehistory of Asia Minor..., ch. 1-2.; *Mellink M.* Anatolia: Old and New Perspectives // *Proceedings of the American Philosophical Society*, Vol. 110, No. 2, Archaeology: Horizons New and Old (Apr. 22, 1966). P. 111-129.

других регионов. Например, авторы одной из недавних книг по археологии Сирии, обсуждая положение и «статус» региона в Древнем мире, задаются справедливым вопросом: «является ли Сирия дискретным географическим и культурным образованием?» – и дают ответ: «и да, и нет»...¹⁷ С одной стороны, на их взгляд, Сирия обладает чертами, отличными от юга Месопотамии, Анатолии, или Палестины. С другой стороны, границы часто размыты, наблюдаются «географические и культурные общности», требующие комплексного подхода и обращения к материалам смежных регионов.

Эгейско-анатолийская контактная зона тоже демонстрирует большое количество памятников, но в вопросах, связанных с этими отношениями, на наш взгляд, острее ощущается неразрешенность ряда фундаментальных научных проблем, а дальнейший выход на связи с северными Балканами и с европейской археологией осложняют положение.

1.2. Хронологические рамки

Хронологические рамки исследования довольно широки, что является в некотором смысле «программным» шагом. Обращение ко «времени большой длительности» (Ф. Бродель) кажется нам необходимым, ведь историю «в целом можно понять только при сопоставлении ее с этим необозримым пространством медленной истории»¹⁸.

¹⁷ Akkermans P.M.M.G., Schwartz G.M. *The Archaeology of Syria. From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies (ca. 16,000-300 BC)*, Cambridge World Archaeology Series. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 2.

¹⁸ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории*. Сб. статей. / Под ред. И.С. Кона; пер. Ю.А. Асеева. М.: Прогресс, 1977. С. 127.

Любопытно, что Бродель в конце 1960-ых годов был привлечен к научно-популярной серии по истории Средиземноморья. Но поручили ему не тот период, по которому он, автор книги «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949) был видным специалистом, а самый первый том, посвященный древнему миру. По разным причинам написанный им текст увидел свет только после его смерти (сама серия тоже не состоялась). Книга, разумеется, во многом устарела, но трезвые, совершенно непредвзятые суждения Броделя касательно механизмов взаимодействия культур, проживающих в одном макро-регионе заслуживают внимания – Braudel F. *Les Mémoires de la Méditerranée*. Paris: de Fallois,

«Время большой длительности», эта «едва уловимая концептуально и теоретически категория»¹⁹ Броделя получила широкое развитие в трудах самых разных ученых²⁰. Как отмечает А. Гуревич, параллельно с Броделем схожие идеи «большого времени», но в совершенно ином ракурсе, применимо к вопросам истории культуры, разрабатывал и М.М. Бахтин. Он рассматривает «время творческих изменений, непрекращающегося труда культуры по освоению и переработке как унаследованного, так и собственного содержания»²¹. Эти и подобные высказывания задают не только методологию, но в каком-то смысле «дух» нашего исследования²²; ведь проблемы традиции и инновации, преемственности и разрыва между разными культурами, обитающими в одном широко взятом географическом пространстве большого региона на протяжении длительного времени являются ключевыми в данной работе.

Наличие преемственности и разрывов является естественным последствием того, что монументальная архитектура по своему замыслу принадлежит именно «времени большой длительности». Даже те памятники, которые, например, созданы с конкретной политико-идеологической целью, на самом деле рассчитаны существовать вечно – другой вопрос, как сама эта «вечность» корректируется исторической реальностью. «Если монументы действуют в рамках иной временной шкалы, отличной от обычных, бытовых представлений, то с этими сооружениями связаны особые проблемы, ведь с ними сталкиваются и последующие поколения, которые смотрят на них с другой точки зрения»²³ –

1998. *Англ. перевод*: The Mediterranean in the Ancient World. / Transl. S. Reynolds. London: Penguin, 2001.

¹⁹ *Хахимов Г.А.* «Время большой длительности» Ф. Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания // Вопросы философии 8., 2009. С. 145.

²⁰ Об этом см. напр. *Г.А. Хахимов*, там же.

²¹ *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. С. 131.

²² Заслуживает внимание сборник “Archaeology, Annales and Ethnohistory” (1992), посвященный отношениям между археологией и исторической школой «Анналов», особенно статья английского археолога Эндрю Шеррата: *Sherratt A.* What can archaeologists learn from Annalists? // Archaeology, Annales and Ethnohistory. / Ed. A. Bernard Knapp. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 135-142.

²³ *Bradley R.* Altering the Earth: Origins of Monuments in Britain and Continental Europe. Edinburgh: Society of Antiquaries of Scotland, 1993. P. 91.

пишет Ричард Брэдли, специалист по доисторической Европе, посвятивший ряд трудов древнейшим образцам монументальной архитектуры. Это приобщает нас к проблеме восприятия памятников и архитектурных традиций последующими поколениями, по-своему понимающими их значение.

1.3. Археология на территории Анатолии

Сразу необходимо отметить, что «археология на территории Малой Азии/Анатолии» и «малоазийская/анатолийская археология» - две совершенно разные вещи. Первое словосочетание, в какой-то мере более нейтральное, отсылает к географическим понятиям и включает все исследования, проводимые в этом регионе. Второе определение предполагает существование «малоазийско-анатолийской археологии» как отдельной суб-дисциплины, наряду, например, с классической археологией и ближневосточной (которая, в свою очередь, выросла из т.н. библейской археологии). Это противопоставление выявляет одну из основных проблем, с которой мы сталкиваемся при изучении древней Малой Азии: наблюдается резкое расхождение в истории, методах и контекстах изучения разных культур, сосуществующих на этих территориях. На ранних этапах сложения археологической науки (примерно до первой четверти XX века), по сути, разные дисциплины занимались памятниками, находящимися на одной территории, культуры рассматривались оторванными друг от друга, мало внимания уделялось их общим контекстам и взаимосвязям.

Таким образом, изучая малоазийские древности, мы автоматически вовлечены в широкий круг проблем, связанных с противопоставлением «Запада» и «Востока» - устойчивых, но отчасти предвзятых, идеологически окрашенных, и лишь слабо определенных понятий.

Вторым камнем преткновения является противопоставление «центра» и «периферии», т.е. как бы «ведущих» и вторичных регионов и культур, которые лишь следуют им. Культуры Малой Азии в ранней историографии выступали по существу как «периферийные» и лишь во второй четверти XIX века начался процесс признания и исследования самобытного характера этих явлений.

Хотелось бы дать краткое описание истории археологических исследований на территории Малой Азии. Фактологическая сторона этой темы достаточно хорошо освещена в литературе²⁴, но необходимо отметить основные вехи и этапы, выявить их специфику. Исследуя процесс сложения науки, возможно, мы окажемся ближе к пониманию генезиса отмеченных выше проблем и, возможно, к их решению.

Археологическое исследование древних руин Малой Азии берет свое начало еще в XVIII веке, когда были предприняты первые экспедиции лондонского Общества дилетантов²⁵. На основе этих путешествий была составлена книга «Ионийские древности»²⁶ (1769 г.). Примечательно, что малоазийское направление прорабатывалась дилетантами параллельно с классической греческой – примером может служить издание «Древние памятники Афин» 1762 года. В 1775 году была опубликована также книга Ричарда Чандлера «Путешествия в Малой Азии: описание путешествия, предпринятого на средства Общества дилетантов»²⁷. Эти труды представляли собой обзор, в первую очередь, греко-римских и византийских памятников. Авторы стремились к максимальному раскрытию географических и исторических аспектов своего предмета.

Изучение и открытие непосредственно собственно «анатолийских» древностей началось в XIX веке. Волна интереса к древневосточным цивилизациям, процесс зарождения ассириологии, востоковедения, библейской археологии привели и к более пристальному изучению памятников Малой Азии,

²⁴ Наиболее подробными и актуальными очерками являются: *Yakar J. History of the Field: Archaeology of the Anatolian Plateau // The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East. / Ed. E.M. Meyers. New York-Oxford: Oxford University Press, 1997, Vol. 3. P. 63-67; Marek C., Frei P. Geschichte Kleinasiens in der Antike. München: Beck, 2010, S. 37-72; The Oxford Handbook of Ancient Anatolia. / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 15-93. А также статьи в энциклопедии Encyclopedia of Global Archaeology /Ed. C. Smith. New York: Springer, 2014: *Sayar H.M. Archaeology of Hellenistic and Roman Asia Minor. P. 3236-3247, Baughan E. Archaeology of Lydia. P. 4566-4574* и др.*

²⁵ См. напр. *Redford B. Dilettanti: The Antic and the Antique in Eighteenth-Century England. Los Angeles: Getty Publications, 2008.*

²⁶ *Chandler R., Revett N., Pars W. Ionian Antiquities: published with permission of the Society of the Dilettanti. London, 1769.*

²⁷ *Chandler R. Travels in Asia Minor: or an account of a tour made at the expense of the Society of Dilettanti. Oxford: Clarendon Press, 1775.*

однако сразу же наложили отпечаток – ведь большинство до-греческих находок интерпретировались только в «месопотамском» ключе. Путешествия «дилетантов» и пионеров классической археологии концентрировались на западных территориях, пока ассириологи и библейские археологи делали акцент на восточных регионах, соприкасающихся с Двуречьем, все, что находилось между этими краями, т.е. фактически вся Центральная Анатолия, оставалась неизученной.

Огромное количество памятников было открыто для европейской научной общественности благодаря трудам Шарля Феликса Тексье (1802-1871), французского археолога, архитектора. По поручению парижской Академии надписей и изящной словесности он в 1833 году совершил путешествие по Малой Азии. Итогом этой экспедиции стала публикация трех томов «Описания Малой Азии»²⁸. Тексье побывал, в том числе и в Богазкее, однако на этом этапе данные памятники еще не отождествлялись с хеттами. За ним последовали и другие путешественники, например британец Уильям Хэмилтон, опубликовавший свои очерки в 1842 году²⁹, куда входили, например, Аладжа Хююк и Эфлатун Пынар.

Определенный прорыв в поиске хеттов произошел в 1870-ые годы, когда впервые стали соотносить с хеттами, известными по ветхозаветным текстам, некоторые памятники – сначала сирийские, потом и анатолийские. Примерно в это же время выходили тома «Истории искусства древности» Шарля Шипье и Жоржа Перро, обобщающие фактически весь корпус имеющегося материала, способствующие внедрению памятников Малой Азии в науку³⁰.

²⁸ *Texier C.* Description de l'Asie Mineure: faite par ordre du gouvernement français en 1833-1837. Vols. 1-3. Paris: Firmin-Didot, 1839-1849. В дальнейшем Тексье совершил путешествие и по Ближнему Востоку: *Texier C.* Description de l'Arménie et de la Perse, de la Mésopotamie: géographie, géologie, monuments anciens et modernes, moeurs & coutumes. Vols. 1-2. Paris: Firmin-Didot, 1842-1852.

²⁹ *Hamilton W. J.* Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia : with some account of their antiquities and geology. London: Murray, 1842.

³⁰ *Perrot G., Chipiez Ch.* L'Histoire de l'Art dans l'Antiquité. Paris: Hachette et Cie.: Т. III: Phénicie, Cypre (1885), Т. IV: Judée, Sardaigne, Syrie, Cappadoce (1887), Т. V: Perse, Phrygie, Lydie et Carie, Lycie (1890)

Большую роль в осмыслении и атрибуции анатолийского материала сыграл лингвист-ассириолог преподобный Арчибалд Сейс (1846-1933), профессор Оксфордского университета³¹. Сейс входил в Общество библейской археологии, но именовал себя «просто археологом», занимающимся «ориентальной археологией»³². Он внес огромный вклад в развитие британского востоковедения. Помимо проведения собственных исследований, он был, например, редактором англоязычного издания «Древней истории» Гастона Масперо. С середины 1870-ых годов он все больше внимание уделял хеттам, активно выдвигая теорию о принадлежности ряда памятников Малой Азии именно этой культуре. Его заинтересовала своеобразная анатолийская/лувийская иероглифическая письменность (название «хеттские иероглифы», теперь считаемая устаревшим, было введено именно Сейсом). Благодаря его усилиям, в том числе работе с известной билингвальной «печатью Таркондемоса»³³, был совершен первый прорыв в дешифровке этой письменности³⁴.

Параллельно Сейс занимался и целым рядом памятников, разбросанных по большой территории от Каркемиша до Ионии: ортостаты, скальные рельефы... После ряда выступлений на заседаниях Общества библейской археологии и публикации текстов, посвященных этой теме (напр. «Монументы хеттов»³⁵), Сейс принял решение совершить экспедицию по Малой Азии. Поездка была весьма удачной. Опыт был обобщен в работах «Хетты. История забытой империи» (1890

³¹ Подробнее о Сейсе см.: *Кишбали Т.П.* «Монументальное доказательство»: Арчибалд Сейс и начало анатолийской археологии // Вестник ПСТГУ, Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2015. Вып. 3 (19). С. 145–152.

³² *Davis D.W.* *Shifting Sands. The Rise and Fall of Biblical Archaeology.* Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 23.

³³ Серебряная печать Таркуммувы, правителя Миры, ок. 1400 г. до н.э. Художественный музей Уолтерса, инв. номер 57.1512.

³⁴ *Бородай С.Ю., Якубович И.С.* Корпусные методы дешифровки анатолийских иероглифов // Вопросы языкового родства. Международный научный журнал, №11, 2014. С. 42-43.

³⁵ *Sayce A.H.* *On the Monuments of the Hittites* // *Transactions of the Society of Biblical Archeology*, VII 2, 1881. P. 248-308.

г.) и «Империя хеттов» (совместно с Уильямом Райтом (1886 г.))³⁶. Сейс со свойственным ему энтузиазмом пишет: «моя радость была безграничной, когда убедился, что рельефы эти – хеттские, и мое предположение, сделанное дома, в кабинете, было подтверждено самим памятником»³⁷. Памятник, монумент – ключевое понятие для Сейса, для него это не просто дополнение к письменным источникам, а окончательное *материальное* доказательство подлинности текстов и, в конечном счете, своего рода верификация истории как таковой. Это очень хорошо чувствуется в его текстах, связанных с острой полемикой вокруг библейской археологии и текстологии. Заявив, что он «хотел писать скорее как археолог, чем как теолог»³⁸, он отстаивал необходимость включения археологических памятников в процесс изучения Библии. Главным ориентиром (и даже образцом для подражания) для него был никто иной, как Генрих Шлиман. Гиссарликские открытия поразили Сейса и он видел в них подтверждение своего подхода – триумф возможности соотнесения текста (будь то Гомер или Писание) с археологической вещественностью: «герои Илиады и Одиссеи встают перед нами во плоти»³⁹. Одно из английских изданий Шлимана Сейс снабдил большим, восторженным предисловием. Он добавил туда часть своих хеттских наработок, пытался нащупать связь между Центральной Анатолией и Троадой, между древностью исторической и доисторической.

Отождествление руин Центральной Анатолии с цивилизацией хеттов, понимание того, что народ, который искали исключительно на «библейских» территориях, находился, в первую очередь, во внутренних регионах Малой Азии, имели огромное значение. Именно в конце XIX-начале XX века появляются

³⁶ Sayce A.H. The Hittites. The Story of a Forgotten Empire. Oxford: The Religious Tract Society, 1890. Wright W. The Empire of the Hittites: With decipherment of Hittite inscriptions by Prof. A.H. Sayce etc. 2nd ed. London: James Nisbet & Co., 1886.

³⁷ Sayce A.H. The Hittites... P. 65.

³⁸ Sayce A.H. The "Higher Criticism" and the Verdict of the Monuments. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1894. P. v.

³⁹ Sayce A.H. Preface // Schliemann H. Troja: Results of the Latest Research and Discoveries on the Site of Homer's Troy, and in the Heroic Tumuli and Other Sites etc. London: Murray, 1884. P. vii.

первые намеки на существование самобытных анатолийских цивилизаций, требующих отдельных исследований.

К этому моменту другая «ветвь», отмеченная нами, т.е. классическая археология, занимающаяся раскопками по западному побережью Малой Азии, уже достигла больших успехов. Многочисленные экспедиции европейских стран во второй половине XIX века отправлялись на эти территории, заполняя музеи прекрасными памятниками. В результате раскопок Чарльза Ньютона в Галикарнасе (открытие Галикарнасского мавзолея в 1856 г.) и Чарльза Феллоуза в ликийских городах Британский музей стал хранилищем скульптур, созданных греческими мастерами для своих малоазийских династов-заказчиков. Карл Хуманн в 1878-1886 годы проводил раскопки в Пергаме, перевозя остатки знаменитого алтаря в Германию. Разумеется, самым важным открытием на территории Малой Азии в этот период были раскопки Генриха Шлимана в Трое. Тем не менее, такое ощущение, будто все эти открытия происходят в разных вселенных.

В период 1906-1912 проводятся первые систематические раскопки на территории Богазкея-Хаттусы, под руководством Теодора Макриди, Гуго Винклера и Отто Пухштейна. Открытие богатых клинописных архивов позволило окончательно определить характер хеттского языка, дешифровать его. Огромный вклад в этот процесс внес чешский⁴⁰ лингвист Бедржих Грозный⁴¹. Исследовались и другие крупные центры хеттов, например Аладжа Хююк⁴². Раскопки в Аладжа Хююке (н. 1934 г.) были одним из первых опытов самостоятельной работы

⁴⁰ Ошибочно названный венгром (?) в историографическом очерке *Genz H., Mielke D.P. Research on the Hittites: A Short Overview // Insights into Hittite History and Archaeology / Ed. Genz H., Mielke D.P. Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2011. P. 2.* – видимо, опечатка, «австро-венгерский».

⁴¹ *Hrozný B. Die Lösung der hethitischen Probleme // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft 56, 1915, 17-50. Idem. Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1917.*

Современное состояние вопроса см. напр.: *Касьян А.С., Сидельцев А.В. Хеттский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. / Под. ред. Ю.Б. Корякова и А.А. Кибрика. М.: Academia, 2013. С. 26-75.*

⁴² *Koşay, H. Die Ausgrabungen von Alacahöyük. Ankara: TTKY, 1944.*

именно турецких археологов: проектом руководили Хамит Кошай и Ремзи Арик. Эта экспедиция пролила свет на еще один мощный пласт анатолийских древностей: были открыты гробницы эпохи ранней бронзы, из которых происходят знаменитые штандарты. Позже подобные произведения были найдены и в ряде других мест. В 1920-ые годы раскопки проводились и в Алишар Хююке. Тем не менее, в первой половине XX века среди археологических проектов доминирующую роль играла Хаттуса, именно она определяла изучение хеттов – и всей древней Малой Азии. После Первой мировой войны раскопки возобновились под руководством Курта Биттела и длятся по сей день, не считая перерыв в 1940-1951 гг. Биттела в 1963 сменил Петер Неве, проработавший на этом посту 31 (!) год⁴³.

После окончания Второй мировой войны начинается новая фаза активности. В 1947 году Джоном Гарстангом⁴⁴ был основан Британский археологический институт в Анкаре, ставший одной из ведущих организаций, занимающихся анатолийскими культурами⁴⁵. Тот факт, что институт располагается именно в Анкаре, в новой турецкой столице, можно считать симптоматичным. Ведь на тот момент все иностранные археологические представительства находились в Стамбуле. Британские ученые же оказались в одном городе с Музеем анатолийских цивилизаций (основанной в 1921 году), задуманным как хранилище памятников хеттов, а позже и других малоазийских культур. Британский институт начал работу именно в таком ключе. После Гарстанга им руководил Сетон Ллойд.

⁴³ *Seeher J. Forty Years in the Capital of the Hittites: Peter Neve Retires from His Position as Director of the Hattuša-Boğazköy Excavations // The Biblical Archaeologist, Vol. 58, No. 2, Anatolian Archaeology: A Tribute to Peter Neve (Jun., 1995). P. 63-67.*

⁴⁴ *Джон Гарстанг (1876-1956) – выдающийся британский археолог. Руководил множеством раскопок в Малой Азии и на Ближнем Востоке: как остроумно замечает Дж. Уилсон (Инс. востоковедения, Чикаго), послужный список Гарстанга-археолога по своему размаху напоминает гомеровский «каталог кораблей»: “<...> Abydos, / Tombs of the earliest dynasties; / Meroë <...> Ashkalon, Hazor, and Jericho, / the foundations of Bible history ; / As well as Sakje-Geuzi, Mersin, / And the land of the Hittites” – Anatolian Studies, Vol. 6 (1956). P. 30.*

⁴⁵ Об истории института см. *Ancient Anatolia. Fifty Years' Work by the British Institute of Archaeology at Ankara. British Institute of Archaeology at Ankara. / Ed. R. Matthews. London, 1998.; Vandepuit L. The British Institute at Ankara: 60 Years Young // Anatolian Studies, Vol. 58 (2008). P. 1-14.*

При нем, в 1951 году, был учрежден журнал *Anatolian Studies*, где публикуются отчеты об экспедициях и раскопках института, исследовательские статьи. Появление специализированного журнала по анатолийской археологии можно считать важным шагом для выделения дисциплины как таковой.

В послевоенные годы были сделаны значительные открытия в области древнейшей истории региона. Это и Бейджесултан (Ллойд), Хаджилар (Меллаарт), и, разумеется, Чатал-Хююк (Меллаарт). Были продолжены и раскопки в Мерсине.

Большой вклад в изучение анатолийских древностей внесла Махтельд Меллинк (Брин-Мор-колледж) (1917-2006). Она участвовала в ряде ближневосточных и анатолийских экспедиций (например в Гордионе), а в 1960-70-ые годы проводила собственные раскопки в Ликии, на равнине Элмалы. Благодаря ее усилиям были, например, открыты и спасены архаические расписные гробницы Кызылбел и Карабурун. На протяжении почти сорока лет (1955-1993) она публиковала ежегодные обзоры археологических открытий на территории Турции на страницах «Американского журнала археологии» – серия освещала все периоды и культуры. Обладая одинаково глубокими познаниями как в классическом греческом, так и в древневосточном материалах, она выступала за необходимость особой, самостоятельной «анатолийской» перспективы. В 1966 году она опубликовала статью под названием «Анатолия: старые и новые взгляды»⁴⁶, в которой она с характерной для нее тонкостью описывает сложившуюся ситуацию вокруг анатолийской археологии, и выражает надежду, что «Анатолия и в дальнейшем будет способствовать лучшему археологическому пониманию Древнего Востока и Эгейского мира, не просто в качестве посредника, а как значимый фактор в развитии доисторической и исторической культуры».

⁴⁶ *Mellink M. Anatolia: Old and New Perspectives // Proceedings of the American Philosophical Society, Vol. 110, No. 2, Archaeology: Horizons New and Old (Apr. 22, 1966). P. 111-129.*

1.4. Анатолия в контексте истории и культуры Древнего мира.

Проблема оценки

В предыдущем разделе мы рассмотрели историю изучения анатолийских культур. Обширные археологические работы открыли для нас совершенно новые пласты Древнего мира, однако историческая оценка этих культур была разной. Проблема выбора центра и периферии здесь проявлялась сильнее всего.

Территория Малой Азии, с точки зрения ряда востоковедов, воспринималась, в первую очередь, как зона влияния Месопотамии, месопотамской культуры. Панвавилонские идеи Гуго Винклера (проводившего, в том числе, первые раскопки на территории Хаттусы) не стали главенствующими в науке XX века, но анатолийские народы так и не вошли на равных правах в круг древневосточных цивилизаций⁴⁷. На протяжении всего столетия в трудах влиятельных востоковедов встречаются оценки, подчеркивающие вторичность этих территорий, их прямую зависимость и подчиненность месопотамской культуре. Адольф Лео Оппенгейм, обсуждая хеттов, Урарту и Элам, называет их «сателлитными» и «гибридными цивилизациями» и отмечает, что в этих культурах месопотамское составляющее явно доминировало, а «исконные [native] черты сложно обнаружить и выделить для самостоятельного изучения»⁴⁸.

В работе Генри Франкфорта «Искусство и архитектура Древнего Востока» (перв. издание – 1954 г., переиздается по сей день) вторая часть посвящена «периферийным регионам» - народам Малой Азии, Леванта, Сирии, искусству финикийцев, персов, и т.д. Этот раздел занимает примерно половину от всего

⁴⁷ Впрочем, низкая оценка пока фактически не известных анатолийских культур была куда «безобиднее», нежели противостояние панвавилонцев и библейских археологов. Можно, например, вспомнить противопоставление Вавилона и Библии (*Babel – Bibel*) в лекциях Фридриха Делича. См.: *Larsen M.T. The “Babel/Bibel” Controversy and its Aftermath // Civilizations of the Ancient Near East. Vol. I. New York : Charles Scribner's Sons, 1995. P. 95-106.; Chavalas M.W. Assyriology and Biblical Studies: A Century and a Half of Tension // Mesopotamia and the Bible: Comparative Explorations. /eds. Chavalas M.W., Younger K.L. London: Sheffield Academic Press, 2002. P. 21-67.*

⁴⁸ *Oppenheim A.L. Ancient Mesopotamia. Portrait of a Dead Civilization. 2nd revised ed. Chicago-London, 1977. P. 67. Также p. 33.*

объема книги (первая часть – о Месопотамии: ок. 190 страниц, вторая часть – ок. 170 страниц) и является действительно хорошим обзором, но симптоматичны и само название (“*The Peripheral Regions*”) и некоторые суждения, высказываемые автором во введении.

Приведем один пример. Франкфорт в целом правильно характеризует историко-социальную обстановку этих «периферийных регионов», отмечая разрывы и отсутствие преемственности, а также непостоянный характер политических образований, однако его оценочные выводы слишком категоричны. По его мнению, при столь нестабильной обстановке от этих народов «нельзя ожидать ни оригинальности, ни художественной зрелости». Их искусство демонстрирует ряд «многообещающих начал, которые в итоге никуда не ведут». Франкфорт отмечает высокий уровень литературы сиро-палестинских народов, однако считает, что они, на контрасте, «не обладали пластическим чутьем», ибо «сложно найти хоть один сирийский или палестинский памятник <изобразительного искусства>, который может сравниться с поэтическим величием Ветхого Завета или хотя бы с текстами Рас-Шамра»⁴⁹.

Приводя эти цитаты, нам ни в коем случае не хотелось бы подвергать критике книгу Генри Франкфорта – его «содержательная часть», посвященная памятникам, действительно ценна; однако определенная предвзятость чувствуется, а она, на наш взгляд, лишает исследование перспективы на развитие. Ведь археологический материал, появившийся после завершения книги, значительно расширил представления об этих культурах, но изначальная приверженность идее «превосходства» одних культур, лучше известных исследователю на данный момент, мешали освоению и анализу новых памятников.

⁴⁹ *Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient. 4th, revised ed. London: Penguin, 1970. P. 11-12.*

В более поздней научной литературе встречается и противоположное мнение, например подчеркивается, что произведения изобразительных искусств «по своей значимости не уступают литературным» - *Cornelius I. The Iconography of Ugarit // Handbook of Ugaritic Studies (Handbook of Oriental Studies Series) /Ed. W.Watson, N. Wyatt. Leiden-Boston: Brill, 1999. P. 586.*

Как говорилось во вступлении, второй проблемой исследования малоазийских древностей являются понятия «Запада» и «Востока».

Интересный (и в каком-то смысле провокационный) пример приводит Эрик ван Донген. В своей статье он рассуждает о понятии «Ближнего Востока» (Near East), и обращает внимание на своего рода «историографический разлом», связанный с восприятием западной части Малой Азии и Эгейского мира. Он отмечает, что в эпоху поздней бронзы Западная Анатолия имеет сравнительно немного связей с другими территориями Древнего Востока (например, с Египтом или Месопотамией), в сфере «международных отношений» фигурирует в первую очередь только в хеттской политике. Эгейские народы, наоборот, активно контактируют со всеми древневосточными культурами (включая западноанатолийских), засвидетельствованы даже в географических далеких от них месопотамских источниках. При этом, как отмечает ван Донген, западная Анатолия почти всегда входит в понятие «Ближнего Востока», а Эгейский мир – нет. Он оценивает это явление как «искусственная граница, через которую редко переступают в исследованиях»⁵⁰.

Ван Донген, на наш взгляд, прав, когда указывает на необходимость научных рефлексий по поводу устойчивых, укоренившихся терминов. Однако он упускает из виду, что в определение Ближнего Востока (что в англоязычной историографии практически идентично русскоязычному понятию Древнего Востока) помимо историко-культурных отношений входят и историко-политические, экономические, и т.д. Но в контексте культурных взаимодействий его замечания верны.

Эздоган в своей статье «Между месопотамо- и евро-центрическими подходами»⁵¹ не отказывается от традиционного деления на Запад и Восток, однако подчеркивает, что «граница» между ними не является фиксированной, а,

⁵⁰ Dongen E. van. The Concept of “the Near East”: A Reconsideration // *Kulturkontakte in antiken Welten: vom Denkmodell zum Fallbeispiel*. /Hrsg. von R. Rollinger, K. Schnegg. Leuven-Paris: Walpole, 2014. P. 258-259.

⁵¹ Özdoğan M. Amidst Mesopotamia-Centric and Euro-Centric Approaches: The Changing Role of the Anatolian Peninsula between the East and the West // *Anatolian Studies*, 57, 2007. P. 17-24.

наоборот, подвижна, и в разные эпохи проходит в разных местах. Помимо культурно-географической границы, существует и историографическая – между диффузионистской школой, подчеркивающей ведущую роль Месопотамии и евроцентрическими подходами⁵². В статье подробно рассматривается «судьба» этой разделительной линии в период от неолита до ранней бронзы. В его трактовке «культурная граница» [*cultural boundary*] перестает быть чем-то оценочным и статичным и становится действительно достаточно продуктивной моделью анализа динамики взаимоотношений.

Если в изучении неолита и бронзового века наиболее острым стоит вопрос соотношения Малой Азии с восточными соседями, то для западной части Малой Азии в I тысячелетии до н.э. главной проблемой выступает проблема греко-анатолийских контактов. Идея о превосходстве греческой цивилизации а priori долгое время предопределяла оценку других культур.

Хотелось бы сделать небольшое отступление и привести почти что анекдотичный пример. Среди разных публикаций, посвященных героону в Трисе, есть две научно-популярных работ. Противопоставляя их названия, можно проиллюстрировать эту проблему. Рудольф Нолл называет героон памятником «греческого времени в Малой Азии», а Вольфганг Оберлайтнер «ликийской аристократической гробницей IV века до Р.Х.»⁵³. Работа Р. Нолла, сотрудника венского Музея истории искусств (рельефы героона хранятся именно здесь), в целом содержит адекватную информацию, однако название симптоматично – оно показывает, что неправильное (вполне возможно – неосознанное) применение термина может поставить памятник в неправильный контекст. Ведь обратное утверждение, например музейная брошюра в духе «Парфенон – выдающийся памятник ликийского времени», воспринималось бы как нонсенс... Нейтральная, но точная формулировка Оберлайтнера кажется более правильной.

⁵² Ibid. P. 18.

⁵³ Noll R. Das Heroon von Gölbaşı-Trysa. Ein fürstlicher Grabbezirk griechischer Zeit in Kleinasien. Wien, 1971; Oberleitner W. Das Heroon von Trysa: ein lykisches Fürstengrab des 4. Jahrhunderts v. Chr. Mainz am Rhein, 1994.

Ведь программная «анатолизация» материала может быть столь же искусственной и неправильной (и даже чреватой неким «исследовательским шовинизмом»). Автор работы отдает себе отчет в том, что перед ним стоит сугубо научная задача, где за отправную точку берется поиск «самобытного», анатолийского элемента, однако результат может оказаться любым. Греческий элемент будет рассматриваться наравне со всеми остальными. Именно такой подход способен раскрыть «живую и глубокую связь искусства малоазийских народов с восточнгреческими, ионийскими влияниями и официальным придворным иранским искусством»⁵⁴. Несколько иначе обстоит дело с термином «эллинизм». Это мощное культурное явление всецелом охватывает территорию Малой Азии, даже более – Малая Азия становится одним из самых выразительных примеров эллинизированных культур. Сам этот процесс начался еще во второй половине IV века до н.э. (т.е. в предэллинистический период) и во всей широте развернулся уже во время и после похода Александра Македонского.

Впрочем, сама проблема анатолийского «предэллинизма» тоже не лишена дискуссионных моментов. Это очень хорошо отражено в одной из последних работ И.Е. Сурикова, посвященной IV веку до н.э., и включающую главу «Предэллинизм, как мы его понимаем»⁵⁵. Он критикует подход, подчеркивающий «греко-варварский синтез» как основной показатель предэллинизма, ссылаясь на то, что, в таком случае, на территории Балканской Греции предэллинизма нет, если не считать греко-македонские связи «греко-варварским синтезом». Он также приводит наблюдение О.Л. Габелко о том, что в тех областях Малой Азии, где в первой половине IV века до н.э. наблюдался высокий уровень «греко-варварского синтеза» (в Карии и Ликии), в последствии так и не сложилось полноценных эллинистических образований в послеалександровское время⁵⁶.

⁵⁴ Никулина Н. М. Искусство Ионии... С. 15.

⁵⁵ Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 19-70.

⁵⁶ Там же. С. 42.

Как нам кажется, суть предэллинистических тенденций заключается в своеобразном коллективном «накапливании опыта». Социальные, политические и культурные перемены, происходящие на разных, но взаимосвязанных, территориях (как греческих, так и «варварских», негреческих) постепенно становятся частью общего эллинистического мира. Т.е. регион или народ может участвовать в создании предпосылок эллинизма, но при этом может по разным историческим причинам не стать влиятельным фактором уже непосредственно эллинистического мира. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что, хотя в Карии и Ликии в итоге не складываются значимые эллинистические государства, все же эти области в IV веке до н.э. имеют сильные предэллинистические тенденции (мы обратимся к этой теме в 3 и 4 главах нашей работы).

1.5. Историография. Обзор отдельных работ

Среди работ, посвященных древней Малой Азии, преобладают исторические, археологические, лингвистические труды. По культуре (тем более – по искусству) региона, наоборот, мы имеем слишком мало научных исследований. Разумеется, четкого размежевания между дисциплинами нет – сведения, например, о хеттских скальных рельефах можно черпать из исторических, лингвистических и т.д. изданий, однако значительно сложнее работать в сфере, где не расставлены акценты, нет вековой традиции дискурса о материалах, и даже «хрестоматия» памятников не сложилась, или же она явно неполная. В монографиях об искусстве Древнего Востока, как уже говорилось, Анатолии часто отводится периферийная роль. После 1960-х годов крупные обзорные монографии ушли на второй план (они сохранились только в научно-популярном виде): прирост материала и смена исследовательских парадигм привело к тому, что предпочтение отдается достаточно узкоспециализированным исследованиям и коллективным монографиям. Проблема в том, что анатолийская археология (а тем более – гипотетическая «анатолийская история искусства»), возникшая позже, чем другие суб-дисциплины, не успела «породить» какие-то

фундаментальные труды, на которые можно опираться, или, скорее, от которых можно отталкиваться.

Пожалуй, необходимость написания сводной работы об анатолийских древностях одним из первых осознал Гельмут Боссерт, выдающийся немецкий археолог. Продолжая линию, начатую им же в «Древнем Крите»⁵⁷, Боссерт составил развернутый альбом «Древняя Анатолия. Искусство и ремесло Малой Азии от древнейших времен до полного растворения в греческой культуре»⁵⁸ [*völlige Ausgehen*]. В предисловии он приводит примеры недостаточной освещенности анатолийских культур в обзорных трудах о древневосточном искусстве. В «Искусстве древнего Востока» Шэфера и Андрэ (Берлин, 1925) из 570 иллюстраций лишь на двадцати представлены анатолийские памятники. В более ранней работе «Искусство древнего мира» Шпрингера (1923 г. – 12-ое издание), естественно, эта цифра еще меньше: 18 иллюстраций из 1078⁵⁹.

«Древняя Анатолия» включает свыше 1200 черно-белых иллюстраций и охватывает практически весь спектр известных на тот момент памятников. Каждой группе репродукций предшествует краткий текст с обсуждением основных проблем и истории изучения, со справочными материалами (картами, хронологическими таблицами, списками правителей). Хронологические рамки работы действительно весьма обширны, в него входят и находки III тыс. до н.э., и, например, греко-римские памятники. Основная часть разделов организована по отдельным культурам и ареалам, двигаясь с запада на восток (Троя, Лесбос, хетты, Лидия, Фригия, Коммагены, культуры Причерноморья, Урарту, греко-персидские памятники и др.), но есть и тематические подборки, посвященные самым разным проблемам, волнующим автора. Например, он дает обзор изображений анатолийских народов на ассирийских и персидских памятниках,

⁵⁷ *Bossert H. Th. Alt Kreta: Kunst und Kunstgewerbe im ägäischen Kulturkreise. Berlin: Wasmuth, 1921.*

⁵⁸ *Bossert H. Th. Altanatolien. Kunst und Handwerk in Kleinasien von den Anfängen bis zum völligen Aufgehen in der griechischen Kultur. Berlin: Wasmuth, 1942.*

⁵⁹ *Ibid.*, S. 8.

или же затрагивает проблему влияния анатолийских (хеттских) божеств на римскую религию (на примере Юпитера Долохена, Кибелы и др.).

Ученый рассматривает, в первую очередь, скульптуру и керамику, архитектура уступает на второй план. Исключение составляют некоторые гробницы, а также скальная архитектура, представленная в достаточно полном объеме – Боссерт понимает важность этого вида памятников, их анатолийский характер. Но оценка и характеристика влияния греческой культуры на искусство народов Малой Азии, пожалуй, выпадает из поля зрения автора. Памятники из Ионии лишь мелькают в тексте. Раздел о фригийском искусстве, например, обходится без сравнения фригийской керамики с греческой. Не затрагивается искусство Карии IV века до н.э. – по всей видимости, для Боссерта здесь уже произошло «полное растворение» в греческой культуре, отмеченное в заглавии. В общем и целом, наблюдается определенная предвзятость, что, в свою очередь, неудивительно, является реакцией на долгое пренебрежение анатолийскими культурами в рамках искусства древнего мира⁶⁰. Несмотря на это, работа Боссерта является важным изданием, в котором автор одним из первых (и немногих!) предпринял попытку обобщения искусства народов Малой Азии.

Самым «фундаментальным» автором является Экрем Акургал (1911-2002)⁶¹ – выдающийся турецкий археолог и историк искусства, первый профессор классической археологии университета в Анкаре. В 1934 году, когда по новым законам новой республики все граждане должны были получить фамилию, Экрем выбрал себе имя правителя I династии Лагаша – Акургаль⁶². Обучался (по государственной программе Турецкой Республики) в Берлине, где занимался под

⁶⁰ Также в этом возможно усматривать влияние определенной «антиклассической» парадигмы, характерной для некоторых немецкоязычных авторов второй половины XIX – первой половины XX вв. Наиболее показательным является деятельность Йозефа Стржиговского. Впрочем, Боссерт, в отличие от него, не отказывался от историцизма.

⁶¹ См. также книгу воспоминаний *Akurgal E. Erinnerungen eines Archäologen. Einige bedeutende Kapitel aus der Kulturgeschichte der Republik Türkei*. Mainz-Wiesbaden: Ruppolding-Harrassowitz, 2013.

⁶² *Borchhardt J. Ekrem Akurgal (30.3.1991-1.11.2002) // Archiv für Orientforschung, Bd. 50 (2003/2004), S. 495.*

руководством таких специалистов, как Роденвальдт (греческая скульптура) и Антон Мортгат (хеттский язык и история), а во время стажировки в Париже учился у Эрнста Бушора и Шарля Пикара⁶³. В 1942 Акургал защитил диссертацию на тему «Греческие рельефы VI века из Ликии» (на нем. яз.). Акургалу в каком-то смысле отводилось роль посредника между новой турецкой археологией и Европой и он – настоящий космополит – хорошо справлялся с этой задачей. По возвращению на родину, он приступил к научной деятельности, участвовал в раскопках. Во второй половине 1940-х годов вышли две его книги: «Стилистические наблюдения по поводу рельефов из Малатьи» (т.е. из Арслантепе) и «Позднешеттское изобразительное искусство»⁶⁴. Эти книги, посвященные актуальному скульптурному материалу сиро-хеттских княжеств, демонстрируют характерный авторский подход Акургала: сплав археологии с формально-стилистическим анализом. Он тщательно анализирует все детали статуй (во второй книге к материалу из Арслантепе добавляются Тель-Халаф, Каркемиш, и др.) и выстраивает достаточно четкую хронологию по эволюции стиля. Книга о позднешеттском искусстве останется актуальным вплоть до выхода капитального труда Винфрида Ортманна в 1971 году⁶⁵.

Следующей книгой Акургала стало «Фригийское искусство»⁶⁶ в 1955 году. Начиная с 1951 года в Гордионе, самом важном фригийском центре, работала экспедиция Пенсильванского университета под руководством Родни Янга – Акургал не участвовал в этих раскопках, и, хотя отчеты американцев выходили часто, он не смог включить весь новый материал (по сути – необработанный) в свою книгу. Тем не менее, Акургал дает четко структурированный обзор имеющегося материала, и, снова прибегая к своему методу, выстраивает хронологию фригийского искусства. Позже, в 1959 году он опубликует статью,

⁶³ *Crawford H.G. Jr.* Ekrem Akurgal, 1911-2002 // *American Journal of Archaeology*, Vol. 109, No. 3 (Jul., 2005). P. 561.

⁶⁴ *Akurgal E.* Remarques stylistiques sur les reliefs de Malatya. Istanbul: Pulhan Matbaasi, 1946.; *Idem.* Späthethitische Bildkunst. Ankara: Archäologisches Institut der Universität Ankara, 1949.

⁶⁵ *Orthmann W.* Untersuchungen zur späthethitischen Kunst. Bonn: Habelt, 1971.

⁶⁶ *Akurgal E.* Phrygische Kunst. Ankara: Archäologisches Institut der Universität Ankara, 1955.

вносящую определенные корректировки⁶⁷. Открытия в Гордионе уже в 2000-ые годы полностью изменили наши представления о периодизации фригийской истории и культуры⁶⁸, но на момент своего появления, а также на ближайшие десятилетия, «Фригийское искусство» (и последующие книги Акургала) были единственными доступными и, по мере возможности, полными изданиями по искусству этого круга. Возможно, некоторые его тезисы были позже пересмотрены, но сам факт их ясного звучания имел огромную значимость для изучения региона.

При всем интересе к анатолийским культурам, Акургал продолжал восхищаться греческим искусством – школа Роденвальдта, видимо, дала о себе знать. Согласно историческому анекдоту, американские студенты, участники раскопок в Гордионе, удивлялись тому, что их предводитель, Родни Янг, отстаивал сильное влияние фригийского искусства на формирование греческого, пока «Акургал Анатолийский» утверждал обратное⁶⁹... Впрочем, в своей книге «Восток и Запад. Рождение греческого искусства»⁷⁰ 1966 года, описывая восточные импульсы в формировании греческого искусства, он полностью игнорирует влияние Египта на эллинскую скульптуру и монументальную архитектуру⁷¹ - эта книга, в какой-то мере, показывает нам оборотную сторону стремления Акургала к синтезу и схематизации. Несколько странно также и то, что в этом труде нет раздела о народах Анатолии – Акургал концентрируется на новоассирийских, сиро-хеттских, сирийских памятниках, но обходит стороной Фригию и западные регионы Малой Азии (разумеется, кроме Ионии).

⁶⁷ *Akurgal E. Chronologie der Phrygischen Kunst // Anadolu/Anatolia IV, 1959, S. 115-121.*

⁶⁸ О «новой хронологии» Гордиона см. *The New Chronology of Iron Age Gordion. / Ed. C.B. Rose, G. Darbyshire. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011.*

⁶⁹ *Crawford H.G. Jr. Ekrem Akurgal... P. 562.*

⁷⁰ *Akurgal E. Orient und Okzident. Die Geburt der griechischen Kunst. Baden-Baden: Holle, 1966.*

⁷¹ Это отмечает и Дж. Бордман в своей рецензии на книгу: *Boardman J. „More hot water! – A Review of „The Birth of Greek Art etc.” by Ekrem Akurgal” // The Classical Review, Vol. 20, No. 3 (Dec., 1970). P. 379.*

Значимыми работами Акургала являются две книги начала 1960-ых годов: «Искусство хеттов» и «Искусство Анатолии от Гомера до Александра»⁷². «Искусство хеттов» продолжает линию, начатую книгой «Позднешеттское изобразительное искусство».

В «Искусстве Анатолии от Гомера до Александра» Акургал обращается к материалу I тысячелетия, заостряя внимание на искусстве фригийцев, урартов, ликийцев, лидийцев, карийцев, малоазийских греков и персов. Это первый опыт синтеза «малых» анатолийских культур. Часть материалов публиковался впервые, но глава о Фригии является, увы, большей частью пересказом всего сказанного в книге 1955 года. Акургал разрабатывает тему соотношения анатолийского и греческого искусств, затрагивает важнейшие вопросы соотношения II и I тысячелетий до н.э., пытаясь «закрыть», прояснить темные века, последовавшие после коллапса бронзового века. Данная книга, несмотря на некоторые недостатки (ошибки в датировках и т.д.), является важным, и на данный момент единственным комплексным исследованием в таком ключе.

Важнейшим трудом является книга Рудольфа Науманна (1910-1996) «Архитектура Малой Азии от истоков до конца времени хеттов». Науманн был участником и ведущим археологом экспедиции в Хаттусе на протяжении 20 лет. Помимо этого он принял участие в раскопках Смирны, Дидимы, Немрут-Дага и других памятников. Первое издание его труда вышло в 1955 году. В нем он собрал практически весь известный на тот момент анатолийский архитектурный материал от халколита до конца бронзового века. В 1971 году Науманн выпустил второе издание, дополненное материалами раскопок прошедших 15 лет⁷³.

В своей рецензии на первое издание книги М. Меллинк подчеркивает, что одним из основных принципов изучения анатолийской архитектуры для Науманна выступает определенная детерминация строительных форм местным ландшафтом

⁷² Akurgal E. Die Kunst der Hethiter. Berlin: de Gruyter, 1961. *Idem.* Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin: de Gruyter, 1961.

⁷³ Naumann R. Architektur Kleinasiens von ihren Anfängen bis zum Ende der hethitischen Zeit. 2., erweiterte Auflage. Tübingen: Wasmuth, 1971.

– понимание «близкой связи между архитектурой и природой анатолийских земель»⁷⁴. Для работы Науманна характерен всеобъемлющий подход к своему предмету: он рассматривает весь изучаемый период как единое целое. В основе изложения материала лежит тщательный архитектуроведческий анализ строительных технологий древней Анатолии. Науманн предоставляет точное описание материалов и их сочетаний, характерных для региона (деревянный каркас, сырцовый кирпич и щебень, каменный фундамент и сырцовая стена, и т.д.). Далее он анализирует различные типы построек, а также отдельные элементы. В последнем разделе книги разворачивает историческую панораму древней анатолийской архитектуры.

Для Науманна особую важность имеет единство «малоазийского и северосирийского пространства»⁷⁵. Во втором издании значительно увеличивается доля неохеттского материала, который, как Науманн сам отмечает, не попадает в хронологические рамки, заявленные в названии, однако, как он справедливо указывает, является продолжением и переосмыслением хеттской (и, в более широком смысле, анатолийско-сирийской) архитектурной традиции⁷⁶.

Хотелось бы отметить книги, в которых была предпринята попытка «общеанатолийского» историко-культурного синтеза. Первая из них – это книга Альбрехта Гётце, «История культуры Малой Азии». Первый вариант этого труда вышел еще в 1933, однако был значительно доработан. Второе издание увидело свет в 1957 году⁷⁷. Важно, что крупные периоды истории Малой Азии рассматриваются совместно, в одном труде, начиная от каменного века и заканчивая V-IV вв. до н.э. Помимо изложения исторических событий и описания культуры и быта анатолийских народов в разные периоды, Гётце затрагивает и

⁷⁴ *Mellink M.* Review of „Architektur Kleinasiens...” by Rudolf Naumann // *Gnomon*, 31. Bd., H. 1 (1959). P. 71.

⁷⁵ *Naumann R.* Op. cit. S. 13.

⁷⁶ Этот подход найдет отражение в книге *Wright G.R.H.* *Ancient Building in South Syria and Palestine*. 2 vols. Leiden-Köln: Brill, 1985; см. особенно p. 489-496.

⁷⁷ *Goetze A.* *Kulturgeschichte Kleinasiens*. München: C.H. Beck, 1957.

такие важные проблемы, как вопрос наследственности культур или соотношение «эллинизации и иранизации» (“Hellenisierung und Iranisierung”).

Другая книга, представляющая собой обширный синтез (научно-популярного толка) – труд Эвелин и Хорста Кленгела. Издание имеет несколько странное, постепенно расширяющееся название: «Хетты. История и окружение. История культуры Малой Азии от Чатал-Хююка до Александра Великого»⁷⁸.

Обе книги опираются, в первую очередь, на материал II тысячелетия. Предшествующие периоды представлены в той мере, насколько это позволяют известные археологические находки, однако с последующим периодом, т.е. с I тысячелетием до н.э. возникает другой ряд проблем: отсутствие «хрестоматии», неполное понимание, что, какие памятники, какие явления вообще должна в себя включать «история культуры» этого периода. Если неохеттские княжества хорошо описываются исходя из хеттского и общего древневосточного контекста, то другим культурам (Фригии, Лидии, Карии, Ликийи, их соотношению с восточными греками, и т.д.) явно не хватает общего концептуального фона.

По хеттам продолжали выходить новые книги, в т.ч. научно-популярные, например «Хетты и их современники в Малой Азии» Дж.Г. Маккуина (1975 г., второе издание – 1986 г., русский перевод – 1983 г.)⁷⁹.

Как уже говорилось выше, после 1960-ых годов и по сей день в научной литературе преобладают коллективные труды. Одно из таких изданий хотелось бы рассмотреть подробнее. Это «Оксфордский справочник по древней Анатолии» (The Oxford Handbook of Ancient Anatolia)⁸⁰ 2011 года – наиболее полный сводный труд по древней Малой Азии, посвященный разным проблемам анатолийской археологии, истории, лингвистики. Важно, что для основы берется определение *географическое*, а анализу подвергаются по возможности все культуры,

⁷⁸ Klengel E., Klengel H. Die Hethiter. Geschichte und Umwelt. Eine Kulturgeschichte Kleinasien von Catal Hüyük bis zu Alexander dem Großen. Wien-München: Schroll, 1970.

⁷⁹ MacQueen J.G. The Hittites and Their Contemporaries in Asia Minor. London: Thames & Hudson, 1975. Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. Москва: Наука, 1983.

⁸⁰ The Oxford Handbook of Ancient Anatolia: 10,000-323 BCE / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011.

сменявшие друг-друга на одной территории в определенный период времени. Хронологические рамки, вынесенные в подзаголовок, широкие: 10.000-323 гг. до н.э., т.е. охватывает период от неолита до до смерти Александра Македонского. Подобно другим «оксфордским хэнббукам»⁸¹, данное издание объединяет под общей обложкой большое количество эссе (54 глав), сгруппированных тематически. Характер этого издания можно хорошо понять, рассмотрев деятельность главных редакторов. Это Шэрон Стедман и Грегори МакМахон – руководители экспедиции Чадир Хююка (Çadır Höyük), весьма перспективного археологического комплекса. В этом холме засвидетельствованы поселения от позднего неолита до византийского периода, включая крупный укрепленный центр бронзового века (возможно, это и есть город Циппаланда, хорошо известный по хеттским источникам)⁸². Как группа археологов тщательно анализирует все слои, находящиеся в одном месте, несмотря на их «культурную принадлежность», так и авторы книги стараются максимально осветить археологический, лингвистический и др. материал, связанный с древней Анатолией. В этом отношении «хююки» действительно становятся символом анатолийской археологии: «культурные слои возвышаются друг над другом, или же внедряются в монументы последующих народов»⁸³.

Если этот первый лейтмотив связан с вертикальным наслоением культур, то второй ориентирован «горизонтально» - это проблема межрегиональных отношений, которая очень подробно раскрывается в данном издании. Это неудивительно, если вспомнить, что диссертация Стедман носит название

⁸¹ В настоящем исследовании применены и некоторые другие выпуски серии, напр. *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean* / Ed. E.H. Cline. 2012. *The Oxford Handbook of Ancient Iran* / Ed. D.T. Potts. Oxford: Oxford University Press, 2013. *The Oxford Handbook of the Archaeology of the Levant (c. 8000-332 BCE)* / Ed. M.L. Steiner, A.E. Killbrew. Oxford: Oxford University Press, 2014.

⁸² *Gorny R.L. Çadır Höyük // The Oriental Institute 2006-2007 Annual Report. Chicago: University of Chicago, 2007. P. 18-32.* О проблеме местонахождения Циппаланды см. *Popko M. Zippalanda: Ein Kulturzentrum im hethitischen Kleinasien. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1994* и полемическую статью-рецензию на эту книгу *Gorny R.L. Zippalanda and Ankuwa: The Geography of Central Anatolia in the Second Millenium B.C. // Journal of the American Oriental Society, Vol. 117, No. 3 (Jul. - Sep., 1997). P. 549-557.*

⁸³ *The Oxford Handbook...* P. 3.

«Изоляция или взаимодействие: доисторическая Киликия и ее роль в древневосточной мир-системе»⁸⁴. Весьма ценен раздел книги, в котором анализируются проблемы взаимодействия с соседними регионами и культурами в разные периоды (гл. 29-34): это может быть изучение целой контактной зоны, например закавказско-анатолийской (А. Сагона/А. Sagona), обширная проблема индо-европейских миграций (К. Мельчерт/Н.С. Melchert), роль отдельно взятого центра – Трои (П. Яблонка/Р. Jablonka), или греки на территории Анатолии от эпохи расселения до Александра (К. Харл/К. Harl) – это последнее эссе содержательное, но весьма краткое (20 страниц). Большая часть глав посвящена разбору отдельных областей Малой Азии по периодам. Присутствует целый раздел филолого-исторических тем, в которых обобщены лингвистические, этнолингвистические сведения. Обзор хеттской политической истории от Ричарда Била имеет простую и четкую структуру (по правителям) и является прекрасным дополнением и к другим главам этого издания, и к другим книгам, например к монографии Тренора Брайса⁸⁵. Сам Брайс является автором 15-ой главы, об археологии и истории Западной Анатолии и Эгейского мира в эпоху поздней бронзы.

11 глав последнего раздела посвящены отдельным «ключевым археологическим комплексам», крупным поселениям или важным центрам, каждый из которых играл определяющую роль в тот или иной период (или скорее периоды). Среди них есть и хорошо известные (но порою достаточно спорные) места, как Гёбекли Тепе, Чаталхююк, Кюлтepe-Каниш – в этих главах новые взгляды не высказываются, но тексты дают полный и актуальный набор сведений. Во главе «Ключевые центры Хеттской империи» (гл. 48) Д.П. Милке не ограничивается лишь Хаттусой и, например, Аладжа, а включает еще три менее известных города, что позволяет концептуализировать урбанизм эпохи империи.

⁸⁴ *Steadman S. R. Isolation vs. interaction: Prehistoric Cilicia and its role in the Near Eastern world system. PhD Dissertaion. Berkeley. 1994.*

⁸⁵ *Bryce T. The Kingdom of the Hittites. Oxford: Oxford University Press, 2005.*

Идеи исследователя развиты также в статье «Хеттские города: в поисках концепции»⁸⁶.

Заслуживают интерес главы, посвященные Гордиону (М. Войт/М. Voigt) и Сардам (Г. Кроуфорд/H.G. Crawford), в которых обобщается богатая история исследования этих центров и дается характеристика их места в анатолийской истории I тысячелетия до н.э.

Однако широкие хронологические рамки, заявленные в названии книги, не оправданы. Превалируют материалы по бронзовому веку, но из I тысячелетия до н.э. освещаются только Фригия и Урарту (и частично – Лидия), Кария и Ликия фактически полностью выпадают из поля зрения исследователей. Нет отдельной главы об Ахеменидах, сведения разбросаны по разным разделам.

Хотелось бы вынести отдельно одну из глав, заслуживающую внимание с точки зрения темы настоящего исследования: «Памятники и память: архитектура и визуальная культура в истории древней Анатолии» Эмюра Харманшаха⁸⁷. В этой главе предпринята попытка проанализировать монументально-архитектурную традицию Анатолии в широком контексте. Автор сам признается, что прослеживание «материальной культуры нескольких тысячелетий в не очень четко определенном регионе» - затруднительно, особенно с учетом характерного для Анатолии разнообразия⁸⁸. Харманшах, сотрудник *Joukowsky Institute for Archaeology and the Ancient World* при Брауновском университете, тяготеет к теоретически и методологически обоснованным, но иногда тяжеловесным размышлениям. Его глава – по сути феноменологическое исследование проблем монументальности и коллективной памяти. Статья открывается несколькими общими замечаниями и непропорционально большим обзором Гёбекли-Тепе – памятника сложного и спорного, но ключевого для данной темы. Следующий

⁸⁶ *Mielke D.P. Hittite Cities: Looking for a Concept // Insights into Hittite History and Archaeology / Ed. D.P. Mielke, H. Genz. Leuven: Peeters, 2011. P. 153-194.*

⁸⁷ *Harmanşah Ö. Monuments and Memory: Architecture and Visual Culture in Ancient Anatolian History // The Oxford Handbook of Ancient Anatolia. / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 623-651.*

⁸⁸ *Ibid.* P. 624-625.

большой пассаж посвящен бронзовым «штанدارтам» из Аладжа Хююка и Хорузтепе, а далее автор плавно переходит к обсуждению сложения турецкой национальной археологической школы и к особой роли этих находок в идеологии Республики – кульминационной точкой является установление увеличенного в несколько сотен раз штандарта в Анкаре в 1978 году, т.е. монументализация формы. После этого тонкого анализа Харманшах продолжает описание отдельных памятников в хронологической последовательности. На 23 страницах (не считая библиографический список) Харманшах обзревает практически все культуры древней Малой Азии, но лишь поверхностно, затрагивая какие-то проблемы, но не раскрывая их суть.

Это эссе стоит особняком в сборнике и является в каком-то смысле экспериментальным. Но, кажется, оно написано скорее как некий указатель всех идей, которые волнуют автора. В настоящее время подготавливаются или находятся в печати несколько работ Харманшаха⁸⁹, в рамках которых, вероятно, он сможет в полной мере реализовать тот потенциал, который заложен в рассматриваемом нами тексте. Тем не менее, на данный момент этот текст является фактически единственной работой, максимально приближенной к теме нашего диссертационного исследования.

Необходимо отметить, что русские историки и лингвисты внесли (и продолжают вносить) огромный вклад в изучение анатолийских древностей. Однако работ, посвященных искусству и художественной культуре региона, мало. В книге И.Р. Пичикяна «Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния»⁹⁰ архитектура Ионии рассматривается подробно, однако традиции других малоазийских территорий (например, Ликии) лишь намечены.

⁸⁹ *Harmanşah Ö.* Stone Worlds: technologies of rock-carving and place-making in Anatolian landscapes // Cambridge Handbook of the Bronze Age – Iron Age Mediterranean World. /eds. A.B. Knapp, P. van Dommelen. Cambridge, 2015. P. 379-394; *Harmanşah Ö.* Place, Memory and Healing: An Archaeology of Anatolian Rock Monuments. New York, 2014; *Of Rocks and Water: An Archaeology of Place* /Ed. Ö. Harmanşah. Oxford: Oxbow Books/Joukowsky Institute Publications, 2014.

⁹⁰ *Пичикян И.Р.* Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. Москва: Наука, 1984.

Проблемами культурных контактов Древнего мира II-I тыс. до н.э., а также теоретическим осмыслением художественных тенденций Малой Азии занимается Н.М. Никулина. Особенно хотелось бы выделить ее монографию «Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана»⁹¹, в которой на материале глиптики, но также и с привлечением памятников архитектуры и скульптуры рассматриваются проблемы синтеза греческого и иранского искусства (более подробный обзор идей Н.М. Никулиной см. в *разделе 3.6*). Необходимо также отметить статьи Н.А. Налимовой – в своих исследованиях она активно обращается как к наследию классической Греции, как и к анатолийским культурам.

К проблеме сложения локального искусства в системе художественных контактов Древнего мира обращается в своих исследованиях К.Н. Гаврилин. Отдельные статьи и монография⁹² посвящены происхождению и эволюции италийской (этрусской и раннеримской) архитектуры, рассматриваются ее основные типы⁹³ и особенности скульптурного убранства. Этрусские памятники дают богатый материал для межрегиональных сравнений культур железного века на территории Италии и Анатолии. Исследователи италийских и анатолийских культурных ареалов оказываются в схожем положении: вопрос о взаимодействии с греческим миром (особенно с Ионией) всегда остается актуальным⁹⁴.

⁹¹ Никулина Н.М. Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана. По материалам глиптики V-IV вв. до н.э. М.: Искусство, 1994

⁹² Гаврилин К.Н. Искусство раннего Рима и Южной Этрурии эпохи расцвета (VI-V вв. до н.э.) по материалам коропластики. М.: Прогресс-Традиция, 2015. См. также *Gavrilin K. Il Tempio Di Veio: Il problema della riconsruzione dell' acroteria scultorea // Tarihten Bir Kesit Etruskler (2-4 Haziran 2007, Bodrum), Sempozyum Bildirileri. Ankara: TTK, 2008. P. 199-209, и др. статьи.*

⁹³ См. статьи, посвященные отдельным основным архитектурным типам: *Гаврилин К.Н. Из истории архаической архитектуры Этрурии и Лация: формирование храма // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГХПУ, 2009, №3. Он же. Типологические особенности дворцово-культурной архитектуры архаического Рима (regia et sacellum / дворец и святилище) // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГХПУ, 2009, №1, Ч. 1.*

⁹⁴ Проблема восточных торговых и культурных контактов этрусков была развита также, напр. в *Гаврилин К.Н. К вопросу об этрусско-финикийских взаимосвязях в архаический период // Субсита. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Алетея, 2000. С. 151-157 и др. работах автора.*

1.6. Монументальная архитектура. Проблемы и подходы

«Монументы – рукотворные знаки, воздвигнутые людьми в качестве символов собственных идеалов, стремлений и действий. Они должны пережить эпоху, в которую были созданы, и составляют наследие для последующих поколений. Как таковые, они образуют связь между прошлым и будущим.»

Х.Л. Серт, Ф. Леже, З. Гидион. Девять пунктов о монументальности (1943)⁹⁵

«Монументальная архитектура» не является строгим и однозначным определением. Оно встречается в работах историков, искусствоведов, археологов, антропологов, социологов, но каждая дисциплина и каждый отдельно взятый исследователь подчеркивают разные стороны проблемы, им выявляемой. Ведь «монументальность» может относиться к разным показателям: к размеру, масштабу объема; к тому особому впечатлению, которое производит памятник; к назначению памятника – если речь идет, например, о храме, дворце или гробнице; но также ко всем перечисленным признакам одновременно. В древнем Египте монументальность «достигалась, с одной стороны, за счет твердого, дорогого и прочного материала, а с другой – за счет строго определенной египетским [религиозном] канон визуальной организации»⁹⁶. Т.е. слово «монументальный», «монументальность» объединяет разные аспекты: формальные, семантические и даже, в некотором роде, психологические, связанные с восприятием данного сооружения. Монументальная архитектура – это не «жанр» или тип, а скорее категория, присваиваемая на основе личного

⁹⁵ Первый пункт программного текста архитектора Х.Л. Серта, художника Ф. Леже и историка/теоретика архитектуры З. Гидиона, опубликованный в преддверии дискуссий о «новой монументальности». Цит. по *Architecture Culture 1943-1968: A Documentary Anthology* / Ed. Ockman J., Eigen E. New York: Columbia University Press, 1993. P. 29.

Для архитектуры первой половины XX века древность выступает своего рода идеалом монументальности. Хью Феррис, американский архитектор и график так пишет: «новая эпоха приносит новые строительные материалы, новые методы, новые задачи [purposes]; но смогут ли они заново утвердить в новых формах древнее архитектурное единство [integrity]?» - *Ferriss H. The Power of Buildings, 1920-1950: a master draftsman's record*. Mineola: Dover, 2008. P. 5. (первое изд. 1953 г.)

⁹⁶ *Assman J. Die Macht der Bilder. Rahmenbedingungen ikonischen Handelns im alten Ägypten // Genres in Visual Representations (Visible Religion. Annual for Religious Iconography, Vol. VII). Leiden: Brill, 1990, S. 5.*

опыта соприкосновения с постройкой, на основе ее функциональности, образности и технических особенностей.

Помимо вышеперечисленных аспектов, само понятие предполагает тесную связь, прямую зависимость между значимостью (общественной, культовой, экономической, военно-стратегической) самого здания и силами и ресурсами, необходимыми для его возведения. Монументальная архитектура, сооружаемые «монументы», являются «произведением высокоорганизованных обществ, выражают социальный авторитет и престиж. Они публично и долговечно свидетельствуют об умении зодчих прошлого соединять материалы, рабочую силу и знание, при этом сумма, итоговый результат, больше слагаемых»⁹⁷. Присутствие монументальных сооружений является определяющим фактором для сложения коллективной идентичности. И не менее важным аспектом можно считать сам процесс строительства, затрагивающий в том или ином виде всех членов общины/общества.

Каким образом действовала (и действует до сих пор) монументальная архитектура? Хотелось бы привести слова Эрла Болдуина Смита, выдающегося исследователя раннехристианского, античного и древневосточного искусств. В своей книге, посвященной символике римской (имперской) и средневековой архитектуры, он уделяет много внимания вопросам возникновения монументального зодчества, монументальности вообще, а также вопросам сохранения этих традиций. В его прочтении монументальность связана с символикой архитектурных форм: ведь древние дворцы, храмы и крепости являлись «единственной понятной действительностью», с помощью которой простой народ смог, повинувшись примитивному инстинкту, «постичь неведомое в известных категориях». Таким образом, «небеса» становились «крепостью, защищенную «царскими вратами»⁹⁸. Смит отмечает преемственность

⁹⁷ *Kolb M.J.* The Genesis of Monuments among the Mediterranean Islands // *The Archaeology of Mediterranean Prehistory*. Ed. Emma Blake & A. Bernard Knapp. Malden: Blackwell, 2004. P. 156.

⁹⁸ *Smith B.E.* *Architectural Symbolism of Imperial Rome and the Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press, 1956. P. 4.

древневосточной, эллинистической, римской и средневековой христианской традиций, однако предупреждает: «необходимо избавиться от ограничений собственной рациональной логики, чтобы смогли понять и принять тот образ мышления и те стимулы, которые поддерживали символическую традицию», в которой символами являются сами устойчивые архитектурные формы⁹⁹.

Эти символы объединяют в себе «идеалы, стремления и действия» своих создателей и, отражая их, создают богатую систему отсылок к различным взаимосвязанным пластам общественной жизни. Идея монументальности в искусстве и культуре древнего мира «присуща всему, от дворцов и административных комплексов до церемониальных центров («храмов»), фортификаций и погребальных сооружений»¹⁰⁰.

Монументальные архитектурные памятники нередко образовали комплексы. Либо монумент являлся частью более крупной сакральной зоны (например, святилища, дворца или некрополя), либо сам он включал в себя множество разных составляющих. Поэтому помимо структуры, самого состава монументальных комплексов, необходимо уделить определенное внимание их месту в культовой и общественной жизни данной территории или всего региона, бытованию и функционированию этих сложных, особо значимых образований, их образности и определяющей строительной традиции.

Как уже говорилось, монументальная архитектура по своему замыслу принадлежит именно «времени большой длительности». Монументы, таким образом, тесно связаны не только с образованием и существованием общины, но и с коллективной памятью, поскольку они призваны формировать образ прошлого для настоящих и будущих поколений.

Любопытно, что монументы часто не теряют свою силу и притягательность после исчезновения культуры, породившей их. Один пример: в Карабуре (юго-

⁹⁹ Ibid. P. 6.

¹⁰⁰ Knapp B.A. Monumental Architecture, Identity and Memory // Proceedings of the Symposium: Bronze Age Architectural Traditions in the Eastern Mediterranean: Diffusion and Diversity (Gasteig, Munich, 7-8 May, 2008). Weilheim: Verein zur Förderung der Aufarbeitung der Hellenischen Geschichte e.V., 2009. P. 47.

восточная Турция, прим. 25 км от Антакьи) в VIII веке до н.э. был создан нео-ассирийский монументальный комплекс с четырьмя рельефами, расположенными на скалах. В римское время недалеко от них образовался некрополь. Современные же жители близлежащей деревни Чатбаши, арабоязычные алавиты, считают это место священным, называют его «крепостью шейха». У римских гробниц в определенные праздники сжигают благовония¹⁰¹.

Другой пример. Геродот описывает победные «стелы, которые воздвигал египетский царь Сесострис в [покоренных] землях», которые ему самому пришлось видеть в Сирии Палестинской: «несколько столпов с упомянутыми надписями и с женскими половыми органами» - вполне возможно, речь идет о рельефах в Нахр эль-Кальбе (совр. Ливан)¹⁰². Далее Геродот продолжает: «в Ионии также есть два высеченных на скале рельефных изображения этого царя: одно – на пути из Эфеса в Фокею, а другое – из Сард в Смирну». Дальше Геродот дает весьма точное описание: это «рельефное изображение мужчины-воина в 41/2 локтя высотой; в правой руке он держит копье, а в левой лук. Соответственно и остальное вооружение египетское и эфиопское» и приводит перевод надписи, нанесенной «священными египетскими письменами, гласящая: «Я завоевал эту землю моими плечами»¹⁰³. Сегодня мы понимаем, что он имеет в виду скальные рельефы XIII века до н.э. в Карабеле (совр. Турция, провинция Измир) – правда, приписывает их «фараону Сесострису» (собирательному образу, объединяющему правителей-завоевателей, смоделированному, в т.ч., по образцу Сенусерта III)¹⁰⁴.

¹⁰¹ Taşyürek O.A. Some New Assyrian Rock Reliefs in Turkey // *Anatolian Studies*, 75, 1975. P. 174.

¹⁰² Для европейской общественности эти памятники открыл Генри Мондрелл, в своих путевых заметках: *Maundrell H. A Journey from Aleppo to Jerusalem at Easter 1697 A.D.* Oxford, 1703. P. 35-37: «...мы заметили на скалах над нами несколько панно с высеченными фигурами, которые могли быть чем-то древним (“...which seemed to promise something of Antiquity...”) <...> фигуры были похожи на мумий...»

¹⁰³ *Hdt.* II.106. Геродот, кстати, как и мы, стремился внести ясность в это дело, и указывал, что «иные, видевшие эти рельефы, считают их изображениями Мемнона». Эта и подобные пассажи в какой-то мере демонстрируют нам отношение античных авторов к прошлому, к *памятникам-монументам*. Сразу вспоминаются «колоссы Мемнона», т.е. статуи Аменхотепа III, тоже сильно тревожащие умы древних авторов (напр. *Strab.* XVII.46; *Philostratus.* *Imagines.* I.7).

¹⁰⁴ Геродоту, видимо, было известно о египетской традиции воздвижения пограничных стел (см. напр. главу “The Borders and the Setting up of Border Stelae” в *Galán J.M.* *Victory and Border:*

Этот пример прекрасно демонстрирует «силу монумента»: несмотря на то, что изначальный смысл был утерян, его материальное воплощение осталось и продолжало вдохновлять последующие поколения¹⁰⁵.

Сложную проблему о нашем *современном* понимании сущности и характера монументов затрагивает Алоиз Ригль в своем докладе «О современном культе памятников»¹⁰⁶. Ведь еще одним этапом жизни древнего монумента является его превращение в археологический *памятник*. Однако в настоящем исследовании этот вопрос не затрагивается – мы ограничимся изучением памятников-монументов в контексте собственной эпохи.

Подводя итоги можно сказать, что произведение монументальной архитектуры имеет как бы три «возраста», три этапа существования. Каждый из них в том или ином виде затрагивает экономическую, политическую, религиозно-культовую сферы жизни общества. [1] *Первый этап* – это процесс создания, воплощения идеи монумента. Усилия необычайного масштаба (транспортировка материалов, применение и усовершенствование технологий, воздвижение стен, художественное оформление, и т.д.) и сам *факт* длительного, трудоемкого строительства являются мощным стимулом для дальнейшего утверждения задействованных структур в коллективном сознании. [2] *Второй этап* – непосредственно фаза существования завершеного объекта. Это период активной, «зрелой» жизни памятника. Он продолжает занимать центральное место в жизни общества, но строительство уступает место новым процессам, происходит полное раскрытие общественных и/или ритуальных функций

Terminology related to Egyptian imperialism in the XVIIIth Dynasty. Hildesheim: Gerstenberg, 1995. P. 136-154). А визуальное сходство между карабельским рельефом и, например, пограничной стелой Тутмоса III (в позе и атрибутах правителя), действительно может навести человека, не знакомого с хеттами, на подобное отождествление.

¹⁰⁵ Лишь отметим, в качестве эпилога к этому сюжету: рельефы в Карабеле стали отправной точкой путешествий Арчибальда Сейса – несколько недель спустя своего заявления о хеттской принадлежности этих памятников на страницах журнала *Academy*, ученый оказался у Карабельского перевала и смог собственными глазами рассмотреть их. Неизвестно, оценила ли рота из 30 турецких солдат (которые сопровождали и защищали его) или шайка из двадцати разбойников важность открытия (*Sayce A.H. The Hittites... P. 55*).

¹⁰⁶ *Riegl A. Der moderne Denkmalkultus: Sein Wesen und seine Entstehung. Vienna: W. Braumüller, 1903.*

монумента. [3] *Третий этап* имеет самые размытые границы и связан с угасанием, преобразованием, или вовсе прекращением активной эксплуатации этого монумента. Но, несмотря даже на возможную утрату изначально заложенных функций, этот монумент в измененном, более имплицитном виде продолжает оказывать влияние на общество. Монумент превращается в топос, причем иногда в буквальном смысле – на месте разрушенного здания воздвигаются новые. Полное угасание памяти и искоренение памятника, если к этому не прилагают особых усилий (что, впрочем, тоже можно считать «монументализирующим» действием), происходит крайне медленно.

Обзорный характер первого раздела предполагает рассмотрение наиболее выдающихся и важных памятников малоазийской архитектуры. При обращении к столь богатому, разнообразному материалу, связанному с многими территориями древней Анатолии, безусловно, возникает опасность слишком выборочного, произвольного, а потому – случайного подбора памятников. Мы отдаем себе отчет в этом и попытаемся, по мере возможностей, дать общий срез анатолийской монументальной традиции. Нам кажется, что представляемые памятники, несмотря на широкий разброс во времени и пространстве, и на кажущуюся на первый взгляд «произвольность», все-таки вычерчивают определенные траектории движения «идеи монументальности». При этом мы должны сохранить критическое отношение к самой категории монументальной архитектуры.

ГЛАВА II.

Монументальная архитектура Малой Азии от древнейших времен до распада Хеттского царства

2.1. Первые этапы

“The concept of the house must, therefore, underlie all subsequent architectural needs.”
E. Baldwin Smith¹⁰⁷

Монументальная архитектура сыграла важную роль в сложении первых цивилизаций, ведь «интерес к монументализации часто сопровождал культуuroобразующие периоды, когда общественные здания выступали в качестве «вещественных метафор» для обозначения социальных отношений»¹⁰⁸. Важно отметить, что на первых этапах архитектуру сложно разделить на «монументальную» и «немонументальную». Прежде чем люди неолита могли взяться за разработку специального архитектурного языка для выделения особых сооружений (перевод немецкоязычного археологического термина *Sondergebäude*), в первую очередь у них должна была возникнуть сама идея монументальности, т.е. выделения определенных мест среди однотипных построек. Таким образом, в самом начале развитие архитектуры связано с домом, в самом что ни на есть «первобытном» понимании. В дальнейшем постройки получают дальнейшую, более дробную специализацию, и в ходе изменений в духовной сфере обитателей приобретают дополнительные функции. Эти функции находят отражение в структуре зданий. Практическая-прагматическая сторона тесно переплетается с сакрально-культовой. Оборонительная стена может являться, непосредственно, защитой от нападений, и, в то же время,

¹⁰⁷ «Таким образом, идея дома должна быть основой для всех дальнейших архитектурных исканий»; *Smith E.B.* Egyptian Architecture as Cultural Expression. New York: Appleton-Century, 1938. P. 12.

¹⁰⁸ *Thomas E.* Monumentality and the Roman Empire. Architecture in the Antonine Age. Oxford, 2007. P. 5.

восприниматься как символ могущества города. Таким образом, постепенно разрабатываются возможные типы монументальных зданий: храм-святилище, дворец, крепость, гробница.

Важно понимать, что выявление этих типов не является лишь исследовательской необходимостью: типология/типологизация и классификация – это разные вещи. Типология является неотъемлемой частью архитектуры как таковой, наиважнейшим признаком «архитектурного присутствия»; она обозначает наличие «устойчивых, повторяющихся и повторяемых, но не изобразительных структур, отношений, схем»¹⁰⁹, а исследовательская попытка выявить эти группы «прямо отражает <...> специфику архитектурного языка, построенного на обращении с устойчивыми типами»¹¹⁰.

В основе архитектурной типологии лежит дом. «Дом стал зародышем архитектуры [*architectural embryo*], он был не только конструктивной первоосновой, но, что было совершенно естественно, прочно занял важнейшее место в примитивном воображении»¹¹¹ – так характеризует этот первый этап Эрл Болдуин Смит. Его суждения о формировании архитектурного мышления у древних египтян, на наш взгляд, применимы ко всем культурам. Дом – идея дома – постепенно обрстал/а? дополнительными значениями, которые получали воплощение в устройстве и оформлении здания. Таким образом появлялись новые *типы* построек. Колебание размера и нарядности дома отражало социальное расслоение примитивного общества; форма, структура и декор становились символами превосходства и власти. Усыпальницы формировались как «двойники», копии жилищ. Разные степени необходимости репрезентации статуса покойного были интегрированы в гробницы так же, как и в дома. Возникновение храма было подчинено этой же логике: он мыслился как дом божества (идея, которая оставалась характерной почти для всех эпох и народов).

¹⁰⁹ Ванеян С.С. Тело символа. Архитектурный символизм в зеркале классической методологии. М., 2010. С. 675

¹¹⁰ Там же. С. 29.

¹¹¹ Smith E.B. Op. cit. P. 13.

Прослеживая решения анатолийской монументальной архитектуры от истоков обратимся к некоторым памятникам докерамического неолита.

В этот период особую активность демонстрируют соприкасающиеся с Плодородным полумесяцем юго-восточные территории Анатолии и земли, пограничные с Северной Месопотамией¹¹². Важно отметить, что, пока на территории Плодородного полумесяца в эпоху докерамического неолита уже начался переход к сельскому хозяйству и скотоводству, люди, создавшие интересующие нас памятники, были еще охотниками-собираателями, хотя, как отмечает Т.В. Корниенко, «есть вероятность, что люди времен PPNA-MPPNB¹¹³, участвовавшие в сооружении ранних монументальных построек Гёбекли Тепе, уже предпринимали попытки domestikации и культивации некоторых видов животных и растений»¹¹⁴. Так или иначе, Гёбеки Тепе – возможно, ключевой памятник не только «для совершенно нового понимания перехода к оседлому образу жизни и сельскому хозяйству»¹¹⁵, но и для получения представления о сложении традиции монументального строительства. Сам факт появления столь мощных монументальных сооружений в этих местах указывает на то, что организованность меж- и внутри-общинных связей достигла здесь уже достаточно высокого уровня, а также может свидетельствовать о достаточно обширных опосредованных региональных и межрегиональных связях.

По всей видимости, этот географический регион, т.е. Восточная Анатолия и Верхняя Месопотамия образовал единый культурный ареал, ведь такие памятники, как Халлан Чеми, Немрик IX, Жерф эль Ахмара, Чайоню-Тепеси,

¹¹² Корниенко Т.В. Первые храмы Месопотамии: формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб.: Алетей, 2006. С. 22.

¹¹³ PPNA = докерамический неолит А (Pre-Pottery Neolithic A), MPPNB = средний докерамический неолит Б (Middle Pre-Pottery Neolithic B).

¹¹⁴ Корниенко Т.В. Гёбекли Тепе — неординарный археологический памятник Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита: к вопросу об интерпретации // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. Вып. IV. / Под ред. А.С. Балахванцева. Москва, 2009. С. 61.

¹¹⁵ Schmidt K. Göbekli Tepe – the Stone Age Sanctuaries. New results of ongoing excavations with special focus on sculptures and high reliefs // Documenta Praehistoricae XXXVII (2010). P. 239.

Гёбекли-Тепе и Невалы-Чори имеют ряд схожих черт¹¹⁶, и в подходе к монументальному строительству (круглые или овальные в плане здания со столбами), и в развитии религиозного мышления местного населения. Общим для них является повышенный интерес к символическому осознанию дома – дома-жилища, дома-святилища.

2.1.1. Гёбекли-Тепе

Гёбекли-Тепе – важнейший комплекс докерамического неолита (**Рис. 2.1, 2.2**). Как уже отмечалось выше, он имеет ряд сходств с другими крупными памятниками северо-месопотамского/восточно-анатолийского ареала, однако, все же, масштаб построек и богатство культовой символики выделяет его. Комплекс занимает большой тельль – видное место, возвышение, т.е. в древности его постройки должны были доминировать над ландшафтом – черта, ключевая для монументальной архитектуры. Большинство зданий Гёбекли-Тепе представляют собой окруженные каменными плитами пространства с большими Т-образными столбами. Столбы украшены рельефами. Самые ранние уровни датируются временем докерамического неолита А/раннего докерамического неолита Б (9600-8800/8800-8000 гг. до н.э.). Раскопки на территории проводятся с 1995 года, под эгидой Немецкого археологического института (DAI – Deutsches Archäologisches Institut), под руководством Клауса Шмидта¹¹⁷. По памятникам материальной культуры (орудиям, оружию, украшениям и т.д.) Гёбекли-Тепе близко другим стоянкам ранних оседлых охотников и собирателей. В этот период уже разрабатываются принципы организации поселений с включением в их состав

¹¹⁶ Корниенко Т.В. Первые храмы... С. 16-74.

¹¹⁷ Первая публикация: Schmidt K. Investigations in the Upper Mesopotamian Early Neolithic: Göbekli Tepe and Gürçütepe // Neo-Lithics. A Newsletter of Southwest Asian Lithics Research. 1995/2. P. 9–10. *Idem.* Göbekli Tepe: Eine Beschreibung der wichtigsten Befunde erstellt nach den Arbeiten der Grabungsteams der Jahre 1995–2007 // Erste Tempel – Frühe Siedlungen: 12000 Jahre Kunst und Kultur. Ausgrabungen und Forschungen zwischen Donau und Euphrat. Oldenburg: Isensee Verlag, 2009. S. 3-39. Последние публикации, напр.: Schmidt K. Göbekli Tepe: a Neolithic Site in Southeastern Anatolia // The Oxford Handbook of Ancient Anatolia / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 917-933; *Idem.* Göbekli Tepe. A Stone Age Sanctuary in South- Eastern Anatolia. Berlin: Ex Oriente, 2012.

открытых площадок для собраний и «построек специального назначения» (*Sondergebäude*). Однако, согласно результатам экспедиций и интерпретациям большинства археологов (в первую очередь – как раз Клауса Шмидта), Гёбекли-Тепе представлял собой не просто селение, а крупный ритуальный центр, горное святилище¹¹⁸. По его мнению, общины окружающих регионов собирались в этом месте, чтобы совместно проводить свои обряды («Это сложная история того, как самые ранние крупные оседлые общины выстраивали отношения, и как они пришли к совместному мировоззрению, возможно – к первой организованной религии и символической репрезентации мироздания», заканчивает Шмидт одну из своих статей на этой положительной ноте¹¹⁹). Следовательно, комплекс Гёбекли-Тепе смог достичь этого масштаба благодаря комбинированным усилиям нескольких групп населения, которые при этом сами обитали в других находившихся по соседству местах. До недавнего времени Шмидт полагал, даже что на территории комплекса не было ни жилых домов, ни пригодных для этого помещений, однако в последних публикациях он уже допускает их наличие – но только для размещения постоянного «персонала» святилища.

Теория об исключительно сакральном характере Гёбекли-Тепе (наряду с отождествлением многих других неолитических построек со святилищами) подвергалась критике еще в 2011 году, в статье археолога Э.Б. Беннинга¹²⁰. Работа была опубликована в журнале “Current Anthropology” в сопровождении комментариев ряда видных специалистов (в т.ч. Иэна Ходдера, Мехмета Ёздогана, Харальда Хауптманна и др.). Беннинг считает ошибочной «интерпретацию всех неолитических зданий, имеющих художественные детали или необычное

¹¹⁸ Schmidt K. Göbekli Tepe: a Neolithic Site in Southeastern Anatolia // The Oxford Handbook of Ancient Anatolia..., Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 919.

¹¹⁹ “It is the complex story of the earliest large, settled communities, their extensive networking, and their communal understanding of their world, perhaps even the first organized religions and their symbolic representations of the cosmos” – Schmidt K. Göbekli Tepe – the Stone Age Sanctuaries. New results of ongoing excavations with special focus on sculptures and high reliefs // Documenta Praehistorica XXXVII (2010). P. 254.

¹²⁰ Banning E.B. So Fair a House: Göbekli Tepe and the Identification of Temples in the Pre-Pottery Neolithic of the Near East // Current Anthropology Vol. 52, No. 5, 2011. P. 619-660.

архитектурное оформление как особых святилищ» и отмечает, что необходимо, в первую очередь, прийти к более четкому пониманию первобытной ритуальной деятельности¹²¹. По его мнению, жители юго-западной Азии эпохи докерамического неолита «не проводили грань между сакральным и профанным», и, таким образом, следы ритуальной деятельности или богатая символика еще не являются доказательством существования у них обособленных святилищ, четко отделяемых от «бытовых» построек и жилищ¹²². Идея «обособленного», специального храмового здания является характерным аспектом ближневосточных религий, появившихся значительно позже, как указывает Беннинг¹²³. В защиту теорий Шмидта можно отметить, что на данный момент раскрыто лишь небольшая часть Гёбекли-Тепе (по одним оценкам – примерно 5%), т.е. возможно, что известные нам постройки действительно являются исключительно сакральным местом, вокруг которого группируются еще нераскрытые жилые дома¹²⁴. Это объясняет, почему в данной зоне преобладают однотипные монументальные архитектурные формы, но нет никаких других, более простых построек.

Проблема определения «храма» является ключевым моментом в изучении дописьменных древностей. Историография этого вопроса хорошо изложена в книге Т.В. Корниенко «Первые храмы Месопотамии»¹²⁵. Беннинг по сути развивает (с приобщением к ним современного антропологического подхода) идеи, озвученные еще в 1980-ые годы, например, французским археологом О. Оранжем, изучающим появление культовых комплексов и храмов Двуречья. Оранже предложил использовать нейтральный термин «престижное строение», «не

¹²¹ Ibid. P. 624.

¹²² Ibid. P. 625.

¹²³ Ibid. P. 637.

¹²⁴ Ibid. P. 636.

¹²⁵ Корниенко Т.В. Первые храмы Месопотамии: формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб.: Алетей, 2006.

предусматривающий точного определения функций выдающихся сооружений, до тех пор пока новые открытия не прояснят картины»¹²⁶.

Несмотря на то, что постройки в Гёбекли-Тепе нельзя называть «храмами» в современном (или даже древневосточном) понимании, очевидно, что они являются, в некотором смысле, прообразами храмов – это родовые жилища, совмещенные с функциями святилища, которые лягут затем в основу будущих монументальных сооружений – храмов, дворцов, гробниц¹²⁷.

Основная часть построек самых древних слоев (слои III и II) Гёбекли-Тепе представляет собой окруженное рядом (или несколькими концентрическими рядами) каменных плит пространство, в плане тяготеющее к овалу или кругу. Здание частично углублено в землю (**Рис. 2.3**). Внутри, в центре этих выделенных участков, как уже отмечалось, возвышаются мощные Т-образные столбы, а по периметру здания чередуются более низкие, направленные торцом к центру. Ствол столбов в сечении представляет собой сильно вытянутый прямоугольник, в связи с чем эти архитектурные элементы становятся похожими на каменные плиты. Вдоль внутренних сторон этих стен проходит возвышенная часть, обычно называемая «скамьей». Низкие столбы врезаны в эту скамью и примыкают к стене, образуя своего рода «псевдо-пилястры», большие (центральные) же ставятся на отдельные постаменты с углублением.

Вопрос о том, являлись ли столбы на самом деле конструктивными, т.е. опорами для перекрытия, остается пока неразрешенным. По мнению Клауса Шмидта, эти постройки были открытыми. Беннинг, наоборот, утверждает, что здания имели перекрытие и публикует предположительную реконструкцию т.н.

¹²⁶ Там же. С. 10.

¹²⁷ Никулина Н.М. Храм как эпицентр духовной жизни города. Типология древнего храма и его значение в формировании городского ансамбля в III-I тыс. до н.э. // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога. Под ред. Э.В. Сайко. М., 1996. С.103-111. – По мнению Н.М. Никулиной, храм как сложившийся в какой-то мере тип и связанная с ним строительная традиция мог появиться только на этапе ранней государственности. Это произошло не раньше конца V тыс. до н.э., в Южном Двуречье, в связи со строительными возможностями и возрастающей ролью уже определившихся культов.

«постройки В»¹²⁸. Столбы близких по общей схеме (с двумя высокими столбами внутри помещения и более низкими опорами при стенах), но менее масштабных построек в Немрик IX (совр. Ирак), по мнению исследователей, действительно служили опорой для кровли¹²⁹. Учитывая разницу в высоте внутренних и внешних столбов, предположение о наличии перекрытия и в Гёбекли-Тепе кажется вполне логичным. Однако надо учитывать, что предложенная Беннингом конструкция требует наличие прочных, 5-7-метровых деревянных балок – неизвестно, были ли доступны эти материалы строителям Гёбекли-Тепе. Необходимо также помнить, что вопрос о перекрытии связан с проблемой назначения зданий: Шмидт, как указывалось выше, убежден в нежилом статусе этих монументальных построек, и визуализация зданий в открытом виде отчасти связана с таким пониманием их функций.

Заслуживают особый интерес рельефы столбов Гёбекли-Тепе. Они демонстрируют широкий спектр решений по технике, иконографии, по соотношению изображения и плоскости (т.е. грани столба, или, как увидим на примере столба №18 ниже – граней). Мастера экспериментируют с разными формами и способами компоновки. Это разнообразие связано в основном с долгим существованием данного комплекса (каждый уровень действовал как минимум несколько столетий, а «вторичное» использование столбов, или же просто их «унаследование», вовсе не исключено).

T-образная форма столбов чаще всего интерпретируется исследователями как признак антропоморфности – верхние выступы являются как бы «плечами» или головой. Рельефы, украшающие их, подтверждают это предположение. Например, на длинных сторонах столба №18 (постройка D, уровень III) изображены полусогнутые человеческие руки, причем пальцы переходят уже на торцевую сторону плиты – будто кисти человека-столба покоятся на животе. Чуть ниже изображен богато орнаментированный пояс (с набедренной повязкой в

¹²⁸ *Banning E.B.* Op. cit. P. 629-630; Fig. 4.

¹²⁹ *Kozłowski Stefan, Kempisty Andrzej.* Architecture of the Pre-Pottery Neolithic Settlement in Nemrik, Iraq // *World Archaeology*, Vol. 21, No. 3, Architectural Innovation (Feb., 1990). P. 348-362.

форме шкуры животного), охватывающий весь периметр каменного блока. По мнению некоторых исследователей, тонкую рамку по двум краям торцевой стороны можно трактовать как длинную одежду¹³⁰, следовательно, медальонообразный круг под «головой», возможно, является украшением или креплением платья. Помимо этих элементов, на столбе №18 высечена ящерица, в треугольнике образованном правой, согнутой рукой представленной фигуры. А низкий, широкий прямоугольный постамент, на котором стоит данный столб, украшен фризом с 7 птицами (утками?), расположенными на одинаковом друг от друга расстоянии. Т.е. антропоморфная фигура имеет дополнительные изображения, которые, по всей вероятности, уточняли, детализировали его содержание.

На некоторых других столбах антропоморфность не подчеркивается, но больше внимание уделяется «дополнительным» (в данном случае – главным) фигурам. Столб №43 (постройка D, уровень III) практически целиком заполнена изображениями (**Рис. 2.4, 2.5**). Верхний ряд одной из сторон «головы» занимает ряд из трех идентичных фигур, напоминающих «коробок с ручкой». Бэннинг допускает, что они являются изображениями зданий, перекрытых соломенной крышей или сводчатой конструкцией¹³¹. Под ними расположены журавли, хищная птица, круг, знаки в форме буквы «Н» (такие же составляют орнамент пояса столба №18). Две зоны «головы» объединены общим рельефным фоном, состоящим из фризов V-образных засечек, разделенных лентами из небольших квадратов. «Туловище» столба занимают еще несколько изображений животных: скорпион, лиса, ящерица и другие.

Эксперименты с фоном засвидетельствованы и на столбе №12 (внешний круг постройки С, уровень III), но здесь вместо засечек «голова» заполнена орнаментом, который напоминает неровную каменную кладку. На этом фоне располагаются изображения птиц (пять уток), спускающиеся по диагонали. На

¹³⁰ Schmidt K.. Göbekli Tepe – the Stone Age Sanctuaries. New results... P. 244.

¹³¹ Banning E.B. Op. cit. P. 629-630.

нижней части столба (без фона) высечен кабан, грозно обнажающий клыки, и другие животные.

Эти постройки совершенно точно играли особую роль в жизни обитающих или собирающихся здесь общин, племен. Мы уже коснулись противостояния теорий «храм – дом», но о самом характере местных верований и ритуалов тоже нет точных сведений. На территории комплекса не было обнаружено захоронений, поэтому о культе мертвых и/или предков в узком смысле, скорее всего, не может быть речи. Т.В. Корниенко предполагает, что местные традиции «включали в себя обряды, способствовавшие рождению и плодородию в широком смысле этих понятий. Они должны были обеспечивать развитие и процветание совершавших их коллективов, а также будущих поколений, что, естественно, в значительной степени зависело от непрерывности связей между живыми и умершими родственниками, но в целом было направлено на поддержание настоящего и будущего благополучия обслуживающих этот ритуальный центр племен»¹³².

Итак, новый этап в религиозном сознании создателей комплекса требовал новых монументально-архитектурных форм, с выделением особых построек и с повышенным интересом к пластическому убранству здания. Несмотря на неутраченные научные дискуссии о точном характере Гёбекли-Тепе, их важность для формирования типа святилища бесспорна.

2.1.2. Чатал-Хююк

Раскопки 1961-1963 гг. на территории Чатал-Хююка открыли новую главу в изучении неолитической Анатолии. Являясь, наряду с Иерихоном, одним из самых первых в истории человечества крупных поселений, Чатал-Хююк стал важным центром для развития искусств. Жители этого древнего протогорода уделяли огромное внимание оформлению своих построек.

¹³² Корниенко Т.В. Гёбекли Тепе... С. 61.

В Чатал-Хююке не находим отдельных монументальных зданий, однако можно сказать, что монументализируется сам облик поселения¹³³. Эти нагроможденные друг над другом простые кубические объемы домов из сырцового кирпича образовали замкнутую систему и уподоблялись горе, неприступной крепости (**Рис. 2.6**). Выделение святилищ, выявление их отличий от «обычных» домов является таким же дискуссионным историографическим прецедентом, как случай Гёбекли-Тепе. Постройки Чатал-Хююка в некотором смысле стандартизированы – прямоугольные дома средней площадью около 27 м², исключение составляет лишь небольшая группа площадью 50-60 м², однако нет прямой и очевидной корреляции между размером и декором (см. дальше). Джеймс Меллаарт, первый главный археолог Чатал-Хююка не сомневался в том, что некоторые здания поселения являются святилищами (*shrine*). Критерием для распознавания служит богатство внутреннего декора (в Чатал-Хююке широко применялись настенная живопись, рельефная штукатурка, вставки в форме бычьих рогов в скамьях (**Рис. 2.7**), и т.д.) и votивный инвентарь¹³⁴.

Да, возможно, что в Чатал-Хююке нет стремления к созданию внушительных «построек специального назначения», но при этом весь комплекс города пронизан идеей сохранения памяти о мертвых и о прошлом. В отличие от Гёбекли-Тепе, в Чатал-Хююке было найдено огромное количество захоронений, расположенных под спальными платформами жилых домов¹³⁵, до 40 штук в отдельно взятом сооружении (например в доме 34, слой VI-B)¹³⁶. Заслуживает интерес неоднородное распределение захоронений по территории поселения. На эту особенность обращает внимание и Б. Дюринг¹³⁷: например в упомянутом слое

¹³³ Этот мотив монументальности замкнутого древнего ближневосточного города очень удачно уловил архитектор Альфред Мансфельд при создании комплекса Музея Израиля в Иерусалиме (1965 г.).

¹³⁴ Mellaart J. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. New York: McGraw-Hill, 1967. P. 78.

¹³⁵ Ibid. P. 60-61.

¹³⁶ Düring B.S. De heilige Huisjes van Çatalhöyük // TMA (Tijdschrift voor Mediterrane Archeologie), 36, 2006. P. 11, Fig. 2.

¹³⁷ Ни Меллаарт, ни Ходдер не рассматривают этот фактор при выявлении построек особого назначения – они опираются только на декоративные элементы.

VI-V больше половины всех найденных захоронений сконцентрировано всего в четырех домах¹³⁸, в каждом из них – свыше 25. Вполне возможно, что это указывает на то, что семьи, проживающие в смежных домах пользовались в определенных случаях одним общим местом для захоронений.

Другой особенностью является возведение домов в одних и тех же местах, на длительном протяжении времени. Это можно объяснить и практической необходимостью (вторичное использование старого фундамента и строительных материалов и т.д.), однако при детальном анализе становится ясно, что с каждым новым слоем растет предполагаемая ритуальная значимость объекта. Этот процесс весьма наглядно отражен в таблице, составленной Дюрингом и М. Оберендорф¹³⁹. Дома Чатал-Хююка развивались, росли, подобно живым организмам, в тесной взаимосвязи со своими жителями; обладали своей историей.

2.1.3. Общая типология дома

При очевидном расширении вариаций особых построек, типология простого дома-жилища в Малой Азии остается устойчивой на протяжении неолита и халколита. После характерных для самых ранних этапов зданий округлой/овальной формы, с начала VIII тыс. до н.э. большинство домов будет иметь прямоугольный план¹⁴⁰. Дополнительные помещения могут располагаться по бокам (как, например, в Чатал-Хююке и Хаджиларе VI), или образовать «прихожую» (Хаджилар II, Мерсин-Юмуктепе). По размеру основной комнаты с очагом можно предположить, что в доме обитала одна семья. Вслед за Клодом Леви-Строссом в научной литературе закрепилось понятие *sociétés à maison*, «общество дома», подчеркивающее важность непрерывного длительного использования дома несколькими поколениями, которые отчетливо ощущают и подчеркивают связь между собой. Перестройка, «ремонт» домов в Чатал-Хююке

¹³⁸ Düring B.S. The Prehistory of Asia Minor... P. 110.

¹³⁹ Ibid. Fig. 4.15.

¹⁴⁰ Baird D. The Late Epipaleolithic, Neolithic, and Chalcolithic of the Anatolian Plateau // A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East. /Ed. D.T. Potts. Ch. 23. Oxford: Blackwell, 2012. P. 449.

можно считать признаком именно этого явления¹⁴¹. При этом наблюдается корреляция между древностью дома и ритуально-символической осмысленностью¹⁴². Любопытно, что рассмотренные выше постройки Гёбекли-Тепе имеют овальную форму, хотя в тот период прямоугольные дома уже были известны – не является ли это сознательной «архаизацией» облика? Такое предположение, разумеется, говорит в пользу особого, нежилого статуса части этого комплекса.

2.1.4. Планировка поселений и фортификации до бронзового века

В предыдущих параграфах говорилось о расслоении типологии дома и постепенном возникновении из него специализированных построек – святилищ, а также о связи дома и захоронений. Установлено, что дом – основная смысловая и структурная единица первобытного общества. Теперь хотелось бы кратко осветить проблематику взаимосвязи отдельных строений, организацию пространства поселения, и, в первую очередь, вопрос о появлении еще одного типа монументальной архитектуры – фортификаций – защитных стен, окружающих населенный пункт. Здесь, как и при выделении святилищ, чрезвычайно много спорных моментов. Стена не обязательно должна иметь оборонительную функцию – она может лишь обозначать территорию и удерживать домашних животных (если таковые имелись) в пределах поселения. Например стены слоев 11-12 в Куручае (которые, кстати, имели каменные фундаменты) интерпретировались как примитивные фортификации с башнями. Однако эти башни имели проходы в две стороны, т.е. были скорее проходами, воротами, а также располагались в непосредственной близости от жилых домов с

¹⁴¹ *Düring B.S.* The Prehistory of Asia Minor. From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies. Cambridge, 2010. P. 114-116.

¹⁴² *Ibid.* P. 114. Об этой проблеме см. также главы 6-9 разных авторов в кн. *Religion in the Emergence of Civilization: Catalhöyük as a Case Study.* / Ed. I. Hodder. Cambridge, 2010. P. 146-267.

очагами¹⁴³. Надо отметить, что в таком случае имеем дело не с фортификацией, а, пожалуй, с не менее важным явлением – попыткой зонирования поселения.

Интровертная структура Чатал-Хююка, где плотно пристроенные друг к другу дома повернуты к внешнему миру своими глухими стенами может восприниматься, как попытка защиты города, однако для этого нет оснований. Тем более, если сравнивать с массивными постройками Иерихона.

В Анатолии самые ранние городские стены мы встречаем в Ашиклы-Хююке. Поселение было окружено двойной стеной – каменной и сырцевой¹⁴⁴. В Хаджиларе дома группировались вокруг небольших дворов и образовали замкнутые единицы, а вокруг поселения были возведены мощные стены¹⁴⁵. Слои Хаджилар I, II и III явно имели своего рода фортификацию, причем эти комплексы достигали достаточно больших размеров. По мнению Меллаарта результаты этой экспедиции показывают, что многие анатолийские поселения неолита были столь же укреплены, сколько города раннего бронзового века: «протокрепость» Хаджилар I по площади сопоставима с Троей II¹⁴⁶.

Важнейшим памятником в этом отношении является **Мерсин-Юмуктепе**¹⁴⁷. В VI тыс. до н.э. поселение (археологические слои 19-17) по свидетельствам керамики находилось под влиянием халафской культуры, однако построек этого времени не было обнаружено¹⁴⁸. Но в первой половине V тыс. до н.э. город имел внушительные стены, относящиеся к слою 16 (**Рис. 2.8**). Они состояли из внешних стен шириной около 1м., с регулярными выступами и узкими, высокими окнами-прорезами, а также из ворот, предположительно с двумя фланкирующими

¹⁴³ *Düring B.S.* The Prehistory... P. 171.

¹⁴⁴ *Gorny R.* P. 123.

¹⁴⁵ *Mellaart J.* Excavations at Hacilar. 2 vols. Edinburgh, 1970.

¹⁴⁶ *Mellaart J.* Excavations at Hacilar. Third Preliminary Report, 1959 // *Anatolian Studies*, Vol. 10 (1960). P. 88.

¹⁴⁷ *Garstang J.* Prehistoric Mersin. Yümük Tepe in Southern Turkey. Oxford, 1953. *Caneva I., Sevin V.* Mersin-Yumuktepe: A Reappraisal. Lecce, 2004.

¹⁴⁸ *Düring B.S.* The Prehistory... P. 247-248.

башнями. К востоку от ворот к стене примыкали жилищные дома. В ходе раскопок обнаружилось, что некоторые дома являются террасными¹⁴⁹.

К западу от ворот находилось отдельное здание, в котором имелся большой центральный зал (10x4м), окруженный с востока меньшими помещениями. В зале находилась печь, а в боковых комнатах было найдено большое количество керамики, несколько металлических изделий, а также одно захоронение молодой девушки под полом¹⁵⁰. Археолог Джон Гарстанг интерпретировал это здание как жилище местного предводителя и предположил, что с западной стороны к большому залу примыкали другие комнаты. Такая гипотетическая схема сближает это постройку с т.н. «трехчастными» домами убейдской культуры. Действительно: эти слои Мерсин-Юмуктепе имеют много общего с поздним Убейдом, и по керамике, и по архитектуре. По сути мы имеем дело с самой западной периферией убейдской культуры¹⁵¹.

2.1.5 Поселения раннего бронзового века. Конец IV-первая половина III тыс. до н.э.

Если в позднем неолите и энеолите самыми активными можно считать юго-восточные регионы Малой Азии, то в эпоху ранней бронзы наблюдается бурный рост городов на центральных и западных территориях. Однако «эпоху ранней бронзы часто рассматривают как нечто изолированное, *tabula rasa*, хотя ее процессы становятся более понятными в контексте доисторического периода»¹⁵². Тем более, что, как отмечает Тревор Брайс, переход от халколита к бронзовому

¹⁴⁹ Предположение Дюринга о том, что все стены комплекса являлись опорными стенами для террас (Op. cit. P. 250) можно считать необоснованным, учитывая отрицательное отношение автора к возможности столь ранних фортификаций. Разумеется, это не значит, что в Мерсин-Юмуктепе вовсе не было террас – цитадель как раз могла возвышаться над искусственно укрепленными участками.

¹⁵⁰ Ibid. P. 248-250; план: Fig. 6.12.

¹⁵¹ Caneva I., Palumbi G., Pasquino A. The Ubaid Impact on the Periphery: Mersin-Yumuktepe During the Fifth Millennium BC. //After the Ubaid: Interpretating Change from the Caucasus to Mesopotamia at the Dawn of Urban Civilization (4500-3500 BC). Varia Anatolica XXVII. Paris, 2012. P. 353-389.

¹⁵² Düring B.S. The Prehistory of Asia Minor: From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 258.

веку не сопровождался резким переломом или поворотом в культуре региона¹⁵³. Некоторые поселения просуществовали долго, прослеживается активная жизнь и в неолите, и в бронзовом веке, как, например, в Бейджесултане, тем не менее, наивысшую точку развития они достигли к началу III тысячелетия. Разумеется, надо учитывать, что длительное существование города отнюдь не значит, что его населял всегда один и тот же народ. В качестве примера можно привести Трою, где слои V и VI свидетельствуют о том, что в эти последующие периоды город занимали разные народы¹⁵⁴, но это было не первой сменой культурной доминанты для города.

Данная эпоха чрезвычайно важна для прослеживания монументальных традиций на западных территориях Малой Азии. При этом необходимо уделить особое внимание эгейско-анатолийским контактам. В этот период западное побережье Анатолии образует тесную культурно-историческую общность с ближайшими островами (Лесбос, Лемнос, Хиос, Самос, и т.д.). Например, керамика Лесбоса (хорошо известная, в первую очередь, по раскопкам Ферми¹⁵⁵) и находки металлических изделий показывают, что в бронзовый век по своей материальной культуре остров являлся фактически «продолжением» Трояды¹⁵⁶. Есть все основания предположить, что поселенцы материка и острова имели общие корни в Западной Анатолии¹⁵⁷. В III тысячелетии исследователи также прослеживают связи между западно-анатолийским побережьем и Кикладами¹⁵⁸.

¹⁵³ Bryce T. *The Kingdom of the Hittites*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 8.

¹⁵⁴ Mellaart J. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // *AJA*, 62, 1, Jan. 1958. P. 10.

¹⁵⁵ Первые слои Трои (I и II) и Ферми V датируются примерно началом III тысячелетия до н.э. См. Lamb W. *Excavations at Thermi in Lesbos*. Cambridge: Cambridge University Press, 1936.

¹⁵⁶ Spencer N. Early Lesbos between East and West: A 'Grey Area' of Aegean Archaeology // *The Annual of the British School at Athens*. Vol. 90, 1995. P. 273.

¹⁵⁷ Spencer N. *Time, Tradition and Society in Greek Archaeology: Bridging the 'Great Divide'*. London: Routledge, 1995. P. 73.

¹⁵⁸ См. сборник Across: The Cyclades and Western Anatolia during the 3rd Millennium BC. /eds. Şahoğlu V., Sotirakopoulou P. Istanbul: Sakip Sabanci Muzesi, 2011. Reinholdt C. et al. *The Aegean and Western Anatolia: Social Forms and Cultural Relationships // Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus*. /eds. Aruz J., Wallenfels R. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 255-270.

Сравнение традиций монументального строительства в дальнейшем тоже может оказаться плодотворным.

В западных регионах Малой Азии было открыто множество укрепленных, крупных поселений, наивысшая фаза активности которых падает на конец III – первую половину II тысячелетия до н.э.¹⁵⁹. Один из самых значимых среди этих городов – Троя – стал известным науке еще в конце XIX века, однако исследования и раскопки середины-второй половины XX века значительно расширили круг объектов. Были открыты Бейджесултан¹⁶⁰, Кусура, древнейшие слои Афродисия¹⁶¹, Гордион¹⁶², Ферми и др. памятники.

Троя – один из древнейших центров западной Анатолии был основан в конце IV тысячелетия до н. э., предположительно племенами, переселившимися с Балканского полуострова. Появление новых индоевропейских групп, а затем лувийцев в середине III тысячелетия до н. э. предопределили пестроту населения Илиона и его области (Троады), сделавшейся для Малой Азии своеобразным «окном в Европу»¹⁶³. Лувийский период истории Илиона (Троя III-V, ок. 2500-1800 гг. до н. э.) закончился новым, на этот раз иллиро-фракийским, вторжением с Балкан.

Корфманн отмечает, что столь обширная и продуманная (отчасти – выполненная по единой системе) фортификационная деятельность может свидетельствовать о существовании локальной региональной власти – правителя, который во многом опирался на мощь стен и башен, а «концепция укрепленных

¹⁵⁹ Kull B. Demircihüyük V: die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975-78. Die mittelbronzezeitliche Siedlung. Mainz am Rhein: P. von Zabern, 1988. S. 42.

¹⁶⁰ Lloyd S., Mellaart J. Beycesultan. Vol. 1: The Chalcolithic and early Bronze age levels. London, 1962.

¹⁶¹ Joukowsky M. Prehistoric Aphrodisias: an Account of the Excavations and Artifact Studies. Vol. 1: Excavations and Studies. Providence: Brown University, 1985.; Mac Sweeney N. Community Identity and Archaeology. Dynamic Communities at Aphrodisias and Beycesultan. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011.

¹⁶² История Гордиона, крупнейшего фригийского центра железного века, берет свое начало в конце III тысячелетия до н.э. Данные скудны, поскольку эти ранние поселения были полностью перекрыты последующими. Материал обобщен в труде Gunter A.C. Gordion Excavations Final Reports III: The Bronze Age. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991.

¹⁶³ История Древнего Востока. Под. ред. В.И. Кузищина. Москва: Высшая Школа, 2003. С. 158.

поселений [этого типа] явно успешно служила на протяжении нескольких поколений»¹⁶⁴.

2.1.6. Планировка поселений раннего и среднего бронзового века

По мнению **М. Корфмана**¹⁶⁵ (главного археолога Демирджи-хююка), в ходе неолита постепенно возникает «стандартная анатолийская планировка поселений» (*Anatolisches Siedlungsschema*), которая продолжает существовать вплоть до конца раннего бронзового века¹⁶⁶. Главной характеристикой этой схемы является радиальное расположение зданий вокруг общего, незастроенного пространства – своего рода городской площади. Помимо Демирджи-хююка такой план прослеживается в Трое I-II (**Рис. 2.9, 2.10**) и Ферми I-III на Лесбосе, а также в более ранних комплексах Хаджилара I, Мерсин-Юмуктепе XVI; в Алишаре и Ахлатлибеле в Центральной Анатолии; в Караташе на юго-западе; предположительно этому же типу организации поселения следовали некоторые слои Бейджесултана, Афродисиаса, доисторическое поселение под Герайоном на Самосе и Полиохни на Лемносе¹⁶⁷. Этому типу планировки (по сути своей – достаточно простой и не предполагающей сильного разделения жилищ по статусу обитателей) Корфман противопоставляет другую схему – «величественный замок» (*Herrschaftliche Burg*)¹⁶⁸. От прежней планировки к этому типу переходят, по его мнению, в Трое Пс (и далее), а также в поздних слоях Ферми (IV-V). Меллинк соглашается с этим мнением: «Планировка цитадели основана на опыте планирования и строительства, отражая уже сложившуюся «иерархию

¹⁶⁴ *Korfmann M. Demircihüyük I: die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975-78. Architektur, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein: P. von Zabern, 1983. S. 244.*

¹⁶⁵ Манфред Корфман (Manfred Korfmann), 1942-2005 – выдающийся немецкий археолог. Руководил раскопками в Трое и Демирджи-хююке, внес огромный вклад в изучение Анатолии бронзового века.

¹⁶⁶ *Korfmann M. Demircihüyük I: die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975-78. Architektur, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein: P. von Zabern, 1983. S. 222.*

¹⁶⁷ См. карту в *Korfmann M. Op. cit. Abb. 354.*

¹⁶⁸ *Ibid. S. 235-237. Abb. 370.*

правителей»¹⁶⁹. Этот процесс объясняется расслоением общества, повышенными требованиями к оформлению и выделению – т.е., к *монументализации* построек особого статуса. Планировочные схемы, разрабатываемые в эпоху бронзы, станут основой для дальнейших поисков.

На этом этапе (и это особенно значимо для Трои) окруженный стенами город на возвышенности превращается в настоящий акрополь. Архитектурно-планировочные решения отражают не просто изменения в общественной жизни, но особую концепцию, особое понимание города как такового¹⁷⁰.

Двойная, гибридная планировка основного города-акрополя и прилегающего к нему торговой колонии в Каниш-Кюльтепе является, на данный момент, уникальным решением для начала II тысячелетия до н.э., вызванным особым статусом различных частей города. При этом между ними сохранялась связь. Возможно, этот опыт будет отчасти развит середине II тысячелетия до н.э. хеттами при обустройстве Хаттусы (об этом см. следующий раздел). Но что касается планировки «цитадели» Каниша, то, как уже упоминалось, слой 8 и его «Старый дворец» хорошо коррелируется с описанной выше «анатолийской схемой», и, если принять эту версию, является одним из ее самых восточных примеров.

2.1.7. Отдельные типы построек – «домашние святилища»

Заслуживает интерес тот факт, что в периоды до хеттского владычества в Западной Анатолии не было храмовых зданий – местные народы строили скорее небольшие святилища, тесно связанные с жилищами¹⁷¹. Возможно, децентрализованный, слабо урбанизированный характер населения Анатолии

¹⁶⁹ Меллинк М.Дж. Троя II в контексте раннего бронзового века в Анатолии. /пер. С.Ю. Сапрыкина // ВДИ, 1989, №4. С. 178.

¹⁷⁰ См. Никулина Н.М. Город на стыке Востока и Запада во II-I тыс. до н.э. (Акрополь как центр и связующий компонент) // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 75-87.

¹⁷¹ Lamb W. Some Early Anatolian Shrines // Anatolian Studies, VI (1956). P. 87.

способствовал сохранению этой традиции (берущей свое начало еще в позднем неолите).

Отсутствие храмов отмечает в своей статье Винфрид Лэмб, а также детально рассматривает все ранние анатолийские святилища, открытые к 1956 году (**Рис. 2.11**). Среди возможных культовых построек самой древней считается здание в Мерсине: оно было построено в эпоху раннего энеолита, но просуществовало до конца среднего¹⁷².

Бейджесултан дает самый полный срез и лучший пример возможной траектории изменений «домашнего культа» внутри небольшой протогородской общины.

Уровень XVII Бейджесултана¹⁷³ – это первая фаза ранней бронзы. Для этого периода характерны пока еще т.н. «одиночное» святилище. Следующий уровень открывает новую фазу в хронологии Бейджесултана, в ходе которого формируется новая, окончательная типология. Это общая схема представляет собой «двойные» святилища (т.н. “twin shrines”, святилища-близнецы). Они представляют собой прямоугольную комнату с алтарем, за которым находится второе помещение. Алтарь – двойная стела из штукатуренной глины, в которую «встроены» сосуды для жертвоприношений и возлияний. Перед стелой лежат своеобразные «рога»¹⁷⁴ – возможно, помимо символического значения, они служили еще и подставкой для сосудов. Традиционная схема постепенно меняется: в эпоху средней бронзы к алтарю присоединяется еще и очаг. К поздней бронзе из всего набора остаются только рога и несколько сосудов.

Маленькие дисковидные «идолы» с одной или двумя головами, которые в большом количестве находят в Канише-Кюльтепе и других местах, возможно, имеют отношения к подобному культу.

¹⁷² См. также *Garstang J. Prehistoric Mersin. Yümük Tepe in Southern Turkey. Oxford, 1953. Fig. 59.*

¹⁷³ *Beycesultan I. P. 29-33. Fig. 9, Pl. VI.*

¹⁷⁴ *Yakar J. The Twin Shrines of Beycesultan // Anatolian Studies, Vol. 24 (1974). P. 151-161.*

Интересно, что квартал торгового города в Канише в основном состоял из обычных домов местного, анатолийского типа, но по найденным табличкам и материалам ясно, что здесь жили ассирийцы. К началу II тыс. до н.э., к 1850-1800 гг. относятся два интересных примера возможных святилищ в уровне I/B. Оба содержали вертикальную каменную плиту – стелу¹⁷⁵, обработанную, но без изображения. Плиты по форме напоминают более позднюю стелу из Карахююка (XII в. до н.э.). В первом здании было найдено большое количество обломков керамики – вероятно, votivные дары. Идентификация второго помещения как святилища спорное, поскольку в нем находится захоронение. Однако это не исключает особый характер постройки. Из этого же помещения происходит известная статуэтка обнаженной богини из слоновой кости¹⁷⁶.

Лэмб приходит к выводу, что этот ряд памятников позволяет говорить об определенном консерватизме древних анатолийских верований¹⁷⁷. К сожалению, Чатал-Хююк еще не был известен на момент написания статьи, однако кажется, что некоторые мотивы (как, например, оформление алтаря в форме «рогов») могут восходить именно к тем временам.

2.1.8. Мегароны и мегароноподобные постройки

Интересным примером универсальных формообразующих процессов эгейско-анатолийской зоны является типология мегаронов¹⁷⁸. Они также демонстрируют связь с центрально-восточной Европой и Балканами. Эти простые по схеме, вытянутые, прямоугольные постройки являются выразительным воплощением идеи дома, идущей еще от неолита (см. выше) и в бронзовом веке

¹⁷⁵ *Lamb W.* Some Early Anatolian Shrines // *Anatolian Studies*, VI (1956). P. 88.

¹⁷⁶ *Kulakoğlu F.* Kültepe-Kaneş: A Second Millennium B.C.E. Trading Center on the Central Plateau // *Oxford Handbook of Ancient Anatolia*. P. 1023-1024; Fig. 47.3.

¹⁷⁷ *Lamb W.* Some Early... P. 93.

¹⁷⁸ См. также *Werner K.* The Megaron during the Aegean and Anatolian Bronze Age: A Study of Occurrence, Shape, Architectural Adaptation, and Function. SIMA CVIII. Jonsered: Paul Åströms Förlag, 1993.

Историография вопроса – *Warner J. L.* Elmalı-Karataş II: The Early Bronze Age Village of Karataş. Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1994. P. 136.

стали основной архитектурной единицей (**Рис. 2.12**). Постройки мегаронного типа засвидетельствованы в западной Анатолии (Троя, Бейджесултан, Кусура, Караташ¹⁷⁹ (центральная Ликия)), на островах (Полиохни/Лемнос, Лесбос, Самос), в материковой Греции. И, разумеется, они появятся и в архитектуре железного века и получат дальнейшее развитие.

В Бейджесултане самый ранний образец мегаронообразной постройки был найден в слое XXIV, относящимся к последним фазам халколита¹⁸⁰, из чего можно сделать вывод, что контакты с Балканами имели древнейшие корни. Мегароны эпохи ранней бронзы также свидетельствуют о тесных связях с Троей¹⁸¹. Впрочем, нельзя не согласиться с Джеймсом Меллаартом и Сетоном Ллойдом, комментирующими появление построек «мегаронного типа» в Малой Азии в эпоху ранней бронзы таким образом: «нас это вряд ли удивит, если мы привыкли думать о Трое как о части Анатолии»¹⁸².

В Афродисиасе, находящимся в 100 км. от Бейджесултана и связанном с ним по материальной культуре, тоже были обнаружены мегароны, относящиеся к переходному периоду между ранней и средней бронзой¹⁸³.

Помимо ранних построек Караташа II, подробно изученных Джейн Уорнер, в слое Караташ III был найден значимый мегарон¹⁸⁴, превышающий более ранние здания по размеру и выделенный особым образом: этот мегарон был окружен двором и стеной.

В эпоху средней бронзы обнаруживается ряд параллелей между Малой Азией и Эгейским миром. Заслуживает интерес так называемый «сгоревший дворец» (*Burnt Palace*) из слоя V Бейджесултана (**Рис. 2.13**). По мнению Рудольфа

¹⁷⁹ Warner J. The Megaron and Apsidal House in Early Bronze Age Western Anatolia: New Evidence from Karataş. // *AJA*, Vol. 83, No. 2 (Apr., 1979). P. 133-147.

¹⁸⁰ Lloyd S., Mellaart J. Beycesultan I. P. 25-26, fig. 6, Pl. V.

¹⁸¹ Naumann R. *Architektur Kleinasiens von ihren Anfängen bis zum Ende der hethitischen Zeit*. 2., erweiterte Auflage. Tübingen: Wasmuth, 1971. S. 348.

¹⁸² Lloyd S., Mellaart J. Beycesultan II. P. 61.

¹⁸³ Joukowsky M. *Prehistoric Aphrodisias: an Account of the Excavations and Artifact Studies*. Vol. 1: Excavations and Studies. Providence: Brown University, 1985. P. 171-173, fig. 189.

¹⁸⁴ Mellink M.J. Excavations at Karataş-Semayük and Elmalı, Lycia, 1971 // *AJA*, Vol. 76., No. 3, Jul., 1972. P. 257-269.

Науманна, это здание – образец иного «архитектурного мышления» (*Baugesinnung*)¹⁸⁵ и обнаруживает множество параллелей с зодчеством минойского Крита, хотя по строительным технологиям следует прежней анатолийской традиции (каменный фундамент + стены из сырцового кирпича). Такие признаки, как группировка, постепенный прирост помещений вокруг центрального двора (именно такой «агглютинативный» принцип лежит в основе планировки критских дворцов), наличие второго этажа, лестничных клеток и дворов-колодцев для освещения, сближают Бейджесултан с критскими дворцами – в первую очередь с Мальей (*Malia*)¹⁸⁶. Пятый слой Бейджесултана относится к первым столетиям II тысячелетия до н.э., а разрушение дворца – примерно к 1700 г. до н.э., т.е. он соотносится с первыми минойскими дворцами. При этом своим планом он ближе уже к следующему этапу критского зодчества. Во второй половине II тысячелетия до н.э. на Пелопоннесе развивается тип «дворца-мегарона»: центральное место занимает трехчастное, «трехчастное» здание мегарона, подход к которому организован через пропилеи и мощеный двор¹⁸⁷. Такую конфигурацию находим в Микенах, Тиринфе и Пилосе. Однако на других территориях микенского культурного ареала подобная схема отсутствует. В Малой Азии дворцы-мегароны тоже не засвидетельствованы.

Требуется дальнейшее сопоставление: имели ли место контакты между центрально-анатолийским Бейджесултаном и Критом? Правильна ли вообще такая постановка вопроса? В своей статье, посвященной эгейско-древневосточным контактам, Н.М. Никулина указывает, что вопрос, возможно, надо ставить иначе: «связи критского искусства XVII — XV вв. до н. э. и более

¹⁸⁵ *Naumann R.* Op. cit. S. 391.

¹⁸⁶ *Lloyd S., Mellaart J.* Beycesultan Excavations. Second Preliminary Report, 1955 // *Anatolian Studies*, Vol. 6 (1956). P. 119.

Дворец в Мальи: план и реконструкцию см. напр. в *McEnroe J.C.* Architecture of Minoan Crete. Constructing Identity in the Aegean Bronze Age. Austin: University of Texas Press, 2010. Fig. 8.3, 8.4.

¹⁸⁷ *Nelson M.C.* Pylos, Block Masonry and Monumental Architecture in the Late Bronze Age Peloponnese // *Power and Architecture: Monumental Public Architecture in the Bronze Age Near East and Aegean.* /eds. J. Bretschneider, J. Driessen, K. van Lerberghe. Leuven: Peeters, 2007. P. 148.

раннего искусства протодворцового периода с искусством передневозточных государств, как это можно теперь показать с большей убедительностью, имеют значительно более древние истоки, уходящие еще в эпоху неолита и ранней бронзы. По-видимому, сейчас уже речь может идти не столько о заимствованиях, которые не исключаются, сколько о параллельном развитии на общих генетических основах»¹⁸⁸.

2.2. Архитектура II тысячелетия до н.э.

2.2.1. Рост укрепленных центров и развитие «дворцов» Центральной Анатолии во II тысячелетии до н.э.

Во втором тысячелетии до н.э. в центральных регионах Малой Азии, на Анатолийском нагорье, засвидетельствована бурная урбанизация. К этому времени крупные городские центры уже существуют и процветают на Ближнем Востоке, в Месопотамии (например, Эбла, Алеппо, Алалах). Несомненно, в развитии городов на территории Малой Азии в этот период сыграли большую роль экономические контакты с Ассирией. Для укрепления связей ассирийцы создавали «торговые колонии» в важнейших пунктах пересечения торговых путей. Также необходимо учитывать, что, хотя в Анатолии имелись богатые запасы природных ресурсов, олово для производства бронзовых изделий они должны были приобретать у своих восточных соседей¹⁸⁹. Анатолийская урбанизация тоже имела свою специфику, отличную от общих ближневосточных тенденций. По мнению Кристофа Баххубера урбанизация 1) имела тесную связь с сельским хозяйством; 2) находилась в зависимости от иноземных (ассирийских) торговых анклавов (*karum*) в период Средней бронзы; 3) была связана с

¹⁸⁸ Никулина Н.М. Искусство Эгейского мира и его связи с искусством Древнего Востока // ВДИ, 1977, №3. С. 134.

¹⁸⁹ Bryce T. Kingdom... P. 9.

имперскими амбициями хеттов в период Поздней бронзы¹⁹⁰. Даже несмотря на все эти факторы, урбанизация, в целом, оставалась на низком уровне.

В этот же период (средняя бронза), центральная и восточная Малая Азия тоже демонстрирует активное строительство, рост укрепленных населенных пунктов.

Одно из самых любопытных мест – **Каниш-Кюльтепе** (хетт. Ниса), в самом сердце Анатолийского плоскогорья. Через эту точку проходили древние торговые пути, соединяющие малоазийские и месопотамские города (через Арслантепе). К концу III тысячелетия до н.э. здесь была основана ассирийская «колония» («карум»)¹⁹¹. Взаимоотношения между основным городом (с местным населением) и иноземными торговцами породили весьма любопытный сплав культур, оказали огромное влияние на развитие этого региона. Помимо Кюльтепе, важные карумы были открыты в Аджемхююке, в Алишаре (хетт. Анкува) и в других городах.

Каниш-Кюльтепе состоит из двух частей. Основной («анатолийский») город представляет собой характерный хююк, с диаметром ок. 550 м. Недалеко от него к югу располагался прямоугольный ассирийский квартал. Первые раскопки были проведены еще в конце XIX – начале XX вв., такими деятелями, как Эрнст Шантр, Гуго Винклер и Бедржих Грозный. Экспедиция Грозного в 1925 открыл архивы торгового квартала с множеством аккадских, а также хеттоязычных табличек. Однако более древние слои стали изучать лишь позже, с 1948 года, под руководством Тахсина Эзгюча и Нимет Эзгюч. Раскопки продолжаются по сей день. Благодаря этим работам, мы, дополнительно к знаниям из архивов начала II тысячелетия, обладаем информацией о начальных этапах тесных торговых (и, безусловно, культурных) контактах между Центральной Анатолией и

¹⁹⁰ *Bachhuber C. The Anatolian Plateau // A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East. /Ed. D.T. Potts. Oxford: Blackwell, 2012. P. 576.*

¹⁹¹ Проблемам функционирования торговли и места карума Каниша в ассирийской системе посвящено множество исследований. Обобщения см. напр. в *Anatolia's Prologue. Kültepe, Kanish, Karum. /Ed. F. Kulakoglu. S. Kangal. Istanbul, 2011; Current Research at Kültepe-Kanesh: An Interdisciplinary and Integrative Approach to Trade Networks, Internationalism, and Identity. London: Lockwood Press, 2014.*

Месопотамией. Разумеется, такие связи имелись и раньше, но именно в этот период они приобрели систематический характер.

Исследователи выделяют 18 уровней в основном городе¹⁹². Первое ассирийское поселение появляется параллельно со слоем 10 (дат. примерно 2100-2050 г. до н.э.), пока слои 18-11 предшествуют основанию карума и относятся к эпохе ранней бронзы (ок. 3000-2100 гг. до н.э.). К сожалению, этот период меньше известен, чем последующий, однако по имеющемуся материалу можно сделать ряд выводов. Материальная культура свидетельствует о связях с Северной Месопотамией: имеются сходные и импортные сосуды, печати, а некоторые ювелирные изделия обнаруживают параллели с памятниками из «царских гробниц» Ура¹⁹³, относящимися к середине III тысячелетия до н.э. Но есть и керамика, происходящая из Каппадокии и других регионов Анатолии. Круглые (дисковидные) идолы из алебастра и других материалов тоже относятся к этому периоду.

Первые монументальные постройки Каниша появляются в слоях 13-11, что показывает, что этот город являлся крупным и важным центром не только во II, но и во второй половине III тысячелетия до н.э.¹⁹⁴. Лучшее всего исследованное монументальное здание представляет собой прямоугольное сооружение (примерно 22x20 м.) с несколькими помещениями и одним крупным залом (10.5 x 17 м.). Фундаменты каменные, стены – из сырцового кирпича. Перекрытие (возможно – второй этаж) опирался на мощные простенки и деревянные балки.

¹⁹² *Kulakoğlu F. Kültepe-Kaneš: A Second Millenium B.C.E. Trading Center on the Central Plateau // The Oxford Handbook of Ancient Anatolia. /Ed. S.R. Steadman, G. McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 1014.*

Ассирийский карум имеет свою стратиграфию (I-IV): *Ibid. P. 1019*. К сожалению, это иногда приводит к путанице, когда на один и тот же период один автор ссылается по слою «основного города», пока другой – по слою карума. Причем соответствия между слоями лишь приблизительные.

¹⁹³ *Özgülç T. New Observations on the Relationship of Kültepe with Southeast Anatolia and North Syria during the Third Millenium BC // Ancient Anatolia. Aspects of Change... /Ed. J.V. Canby, E. Porada, B.S. Ridgway, T. Stech. Madison: University of Wisconsin Press, 1986. P. 31-47.*

¹⁹⁴ *Ezer S. Kültepe-Kanesh in the Early Bronze Age // Current Research at Kültepe-Kanesh: An Interdisciplinary and Integrative Approach... London: Lockwood Press, 2014. P. 5-24.*

Следующий этап активного строительства прослеживается в слое 8 и относится уже к периоду существования карума. Был выстроен внушительный дворец (т.н. «Старый дворец»), своего рода цитадель (здесь уместно вспомнить, что Каниш располагался на равнине, и даже небольшая возвышенность холма около 15 м. под дворцом давала преимущество и усиливал эффект «монументальности»). Здания последующих периодов были воздвигнуты на месте старых, а часть руин было, к сожалению, уничтожено раскопками Грозного, поэтому наши сведения о «Старом дворце» скудны. Он состоял из нескольких крупных зданий, сгруппированных вокруг двора, причем, насколько позволяют судить планы, имел *круглую* форму, а постройки располагались радиально. Это прочтение (не единственное возможное, но, на наш взгляд, верное) сближает общую планировку этой «цитадели» с характерной для многих анатолийских городов схемой (об этом см. раздел «Планировка поселений раннего и среднего бронзового века»). Дворец был окружен стеной. К слою 8 относится еще одна группа зданий, расположенных примерно в 200 метрах к югу от «Старого дворца» – это группа прямоугольных домов, выстроенных в ряд, что, впрочем, тоже напоминает западноанатолийские образцы.

Однако в следующий период «Старый дворец» был частично демонтирован и на его месте был воздвигнут новый комплекс, так называемый «дворец Варсамы» (по имени одного из местных вождей, известному по ассирийским источникам). В отличие от «Старого дворца», новая цитадель имела прямоугольный план (примерно 120x110 м.) (**Рис. 2.15**). Эти внешние стены были оснащены контрфорсами. Здесь был центральный (прямоугольный) двор, вокруг которого находилось большое количество помещений. Вход находился с западной стороны и был фланкирован двумя башнями и двумя побочными помещениями. По мнению большинства исследователей хетты позже могли опираться именно на эту традицию при строительстве дворцов и главных храмов¹⁹⁵.

¹⁹⁵ Kulakoğlu F. Kültepe-Kaneş... P. 1017.

Интересной параллелью к «дворцу Варсамы» может служить один из двух «дворцов» (административных сооружений) в Аджемхююке¹⁹⁶ (возможно – хаттский город Пурусханда)¹⁹⁷. Здание было построено примерно в то же время, что и «дворец Варсамы». Постройка имеет прямоугольный план и окружена рядом колонн (Рис. 2.16). Ярко выраженного внутреннего двора нет (однако некоторые помещения могли являться небольшими «дворами-колодцами»).

Наиболее близкой параллелью к «дворцу Варсамы» можно считать Старый дворец в Ашшуре, построенный примерно в то же время. Резиденция ассирийских владык имела прямоугольный план с крупным центральным внутренним двором¹⁹⁸. (Рис. 2.17) Вполне возможно, что такая конфигурация была привнесена на территорию Анатолии уже в «готовом виде», вместе с некоторыми аспектами власти правителя¹⁹⁹.

Заслуживают интерес две практически идентичные постройки из этого же слоя (№7). Они находятся к югу от дворца и представляют собой прямоугольные здания с одним большим помещением и мощными выступами (башнями? контрфорсами?) по четырем углам. Эти постройки обычно интерпретируются как святилища. Некоторые исследователи соотносят их с храмами, выстроенными в Канише Аниттой, правителем Куссары²⁰⁰: «и в городе Несе я построил укрепления. После города дом небесного бога бури и дом бога Сиусумми построил я. Дом бога Халмасуитты, дом бога бури, моего владыки и дом бога Сиунасумми я построил <...>» (55-56)²⁰¹. Следуя этой логике, «дворец Варсамы»

¹⁹⁶ Özgüç N. Excavations at Acemhöyük // *Anadolu*, n. 10, 1966. P. 29-52.

¹⁹⁷ Sagona A., Zimansky P. *Ancient Turkey...* P. 238, Fig. 6.9.1

¹⁹⁸ Pedde F. *Der Palast der Väter. Die Ausgrabung des Alten Palastes // Wiederstehendes Assur. 100 Jahre deutsche Ausgrabungen in Assyrien / Hrsg. von J. Marzahn, B. Salje. Mainz am Rhein: Zabern, 2003. S. 119-128, Abb. 2 (план). Проблема сохранности – Veenhof K.R., Eidem J. Mesopotamia: The Old Assyrian Period. 2008. P. 19-20.*

¹⁹⁹ Schachner A. *Hattuscha. Auf der Suche nach dem sagenhaften Großreich der Hethiter. München: Beck, 2013. S. 213.*

²⁰⁰ Hoffner H.A. *Proclamation of Anitta of Kussar // The Context of Scripture, vol. 1, Leiden: Brill, 1997. P. 182-184.*

²⁰¹ Гуоргадзе Г.Г. «Текст Анитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов // ВДИ, 1965, №4. С. 87-111.

становится «дворцом Анитты» - на наш взгляд, это возможно, но без дальнейших данных недоказуемо.

2.3. Бронзовый век. Хеттский мир

Рассмотрим теперь основной ряд памятников хеттской архитектуры. Большинство из них происходит из Хаттусы, где раскопки ведутся уже более ста лет и благодаря полевым работам и сопровождающим публикациям²⁰², мы можем составить достаточно полное представление об этом городе. Мы постараемся приобщить к ним памятники и из других мест: Аладжа Хююк, Сапинува (Ортакей), Тапикка (Машат-хююк) и Сарисса (Кушаклы)²⁰³.

Перечисленные города, надо отметить, имеют разный характер. Хаттуса – столица, крупнейший город хеттов, важнейший политический и культовый центр. Аладжа Хююк – один из древних хаттских центров (известный также своими богатыми захоронениями раннего бронзового века), заселенных хеттами, который часто отождествляют с городом Аринна. Этот тезис не подтверждается пока источниками (но и не опровергается), но о важном значении этого места мы можем судить по высокой концентрации особых построек на сравнительно небольшой территории города.

Древний Машат-хююк был укрепленным пограничным городом²⁰⁴. Город Кушаклы-Сарисса был открыт сравнительно недавно, но благодаря хорошо

²⁰² Основные публикации, посвященные Хаттусе, принадлежат К. Биттелю, П. Ниве, Й. Зихеру – археологам, возглавлявшим раскопки в Богазкёе, проводившиеся силами Германского Археологического института и Германского Восточного Общества (с 1931-1939 и с 1952 по настоящее время). См. *Bittel K.* Hattusa. The Capital of the Hittites. New York: Oxford University Press, 1970; *Neve P.* Hattusa – Stadt der Götter und Tempel. Mainz, 1996; *Seeher J.* Hattusha. A day in the Hittite Capital. Ancient Anatolian Towns: 2. Istanbul, 2011; *Schachner A.* Hattuscha. Auf der Suche nach dem sagenhaften Großreich der Hethiter. München: Beck, 2013.

В последние годы появляются новые данные по хронологии застройки города – *Seeher J.* Chronology in Hattusa: New Approaches to an Old Problem // *Strukturierung und Datierung in hethithischen Archäologie.* /Hrsg. von D.P. Mielke, U-D. Schopp, J. Seeher. Istanbul: Ege Yayınları, 2006. S. 197-214.

²⁰³ Впрочем, отождествление Кушаклы-Сарисса не является единственным: некоторые исследователи считают, что Кушаклы – это скорее культовый центр Циппаланда.

²⁰⁴ *Mielke D.P.* Key Sites of the Hittite Empire // *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia.* /Ed. S.R. Steadman, G. McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 1045-1047.

организованным раскопкам этот объект значительно расширил наши представления о хеттской архитектуре²⁰⁵. Этот комплекс можно считать типичным хеттским городом средних размеров. Он имел мощные фортификации с четырьмя воротами, цитадель-акрополь, отдельную зону с храмами и ритуальным бассейном.

В этом разделе материал группирован по общим типам: храмовые, дворцовые и иные сакральные комплексы, а также отдельные элементы, например – ворота. В некоторых случаях (например, «здание С» в Кушаклы-Сариссе) нельзя однозначно решить, являлась ли постройка дворцом или храмом – впрочем, учитывая важную сакральную роль царя, царицы и их обиталища это неудивительно. Храм же, в свою очередь, был для хеттов «дворцом бога».

2.3.1. Храмы

Хеттские храмы, как правило, демонстрируют общий планировочный принцип²⁰⁶. Храм обязательно имел ворота и большой, прямоугольный внутренний двор, вокруг которого группировались основные помещения (Рис. 2.18, 2.19). Наиболее показательным и сохранным является Большой храм (или Храм 1)²⁰⁷ (Рис. 2.20) – крупнейший культовый комплекс в Хаттусе, расположенный в Нижнем городе, от которого сохранились массивные цоколи на искусственной платформе. Главным структурирующим элементом, как и в других храмах, является внутренний двор. Во двор вели монументальные ворота. Ворота имеют трехчастную структуру: по двум сторонам от центрального прохода имелись боковые помещения²⁰⁸. Подобная конфигурация применялась и в

²⁰⁵ Археол. отчеты: Kuşaklı-Sarissa, Vol. 1–5. Rahden: Leidorf, 1997-2010.; Müller-Karpe A. Kuşaklı-Sarissa. A Hittite Town in the “Upper Land” // Recent Developments in Hittite Archaeology and History... /Ed. H.G. Güterbock et al. Winona Lake: Eisenbrauns, 2002.

²⁰⁶ См. сравнительные планы – Naumann R. Architektur Kleinasiens... Abb. 590-595.

²⁰⁷ Bittel K. The Great Temple of Hattusha-Boğazköy // AJA, Vol. 80, No. 1 (Winter, 1976). P. 66-73; Naumann R. Architektur... S. 433-473.

Zimmer-Vorhaus C. Hittite Temples: Palaces of the Gods // Insights into Hittite History and Archaeology / Ed. Genz H., Mielke D.P. Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2011. P. 195-218.

²⁰⁸ Схема: Naumann R. Architektur Kleinasiens... Abb. 586.

воротах, разделяющих дворы в Бююк-кале (см. ниже), а также в комплексе Язылыкая (Рис. 2.21).

«Святая святых» располагалась в адитоне, на противоположной от входа стороне храма. Соответственно, чтобы туда попасть, человек (жрец, царь), обладающий доступом, должен был пройти через ворота, церемониальный двор и несколько промежуточных помещений. Жизнь храма была строго регулирована, правила закреплялись в текстах²⁰⁹.

Любопытно, что в некоторых храмах был двойной адитон: два параллельных помещения. Такое встречается в Храме 1 в Хаттусае, а также, например, в «здании С» в Кушаклы. Эта конфигурация связана с двойным посвящением – богу Грозы и богине Солнца.

В адитоне Храма 1 сохранился каменный постамент для культового образа. В стены были прорезаны большие окна. У хеттов храмовое окно имело статус особого сакрального объекта²¹⁰. Так, среди ритуальных мест, которым приносили жертвы во время праздника антахшум, в текстах названы алтарь, трон и окно («Царь перед окном кланяется, разламывает толстый хлеб и кладет [его перед] окном и совершает возлияние вина. Затем царь вновь кланяется»). Также «из окна» совершается жертва священному источнику²¹¹. При этом, увы, окна Большого храма фактически не сообщались со «внешним миром», ведь главный корпус храма был окружен дополнительными постройками – храмовыми складами и подсобными помещениями. К сожалению точная последовательность этих построек по отношению к Храму неизвестна, однако возможно, что на раннем этапе окна адитона были ориентированы с учетом видимых природных объектов.

²⁰⁹ Bittel K. The Great Temple of Hattusha-Boğazköy... P. 69.

²¹⁰ *Налимова Н.А.* Хаттуса в Новохеттский период: сакральная топография и образы защиты // Исторические Исследования, №2, 2015. С. 306.

<<http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/41>>. Дата обращения: 20 сентября 2015 г.

²¹¹ *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. Москва, 1982. С. 62.

«Здание С» в Кушаклы имеет почти идентичную конфигурацию с Большим храмом в Хаттусе²¹², однако он ориентирован иначе: комнаты-святилища открываются на юго-восток (в Хаттусе – на северо-запад), а главный портал открывается с востока.

Любопытно, что устойчивая планировочная схема хеттских храмов обнаруживает сходства с центрально-анатолийскими дворцами начала II тысячелетия до н.э. – с постройками Кюльтепе и Аджемююк (см. предыдущий раздел). Организующая роль большого внутреннего двора, характер расположения помещений и внешне замкнутый облик, получаемый в результате сближают эти две группы памятников. На наш взгляд, планировка дворцов однозначно повлияла на сложение типологии хеттских храмов.

2.3.2. Ворота

Ворота храмов уже коснулись, теперь хотелось бы рассмотреть некоторые другие монументальные постройки, оформляющие вход.

В Хаттусе имеется несколько интересных примеров. Так называемые «Львиные ворота» (**Рис. 2.22**) в юго-западной части Верхнего города сохранили каменные прямоугольные башни (наружный фасад одной из них – западной, демонстрирует впечатляющую полигональную кладку) и отчасти арки порталов, когда-то поднимавшихся на высоту пяти метров. Портал фланкируют статуи каменных львов.

Как отмечает В.Г. Ардзинба, почитание льва хетты могли унаследовать у своих предшественников в Анатолии – хаттов. Это животное стало у хеттов «одним из важнейших символов царской власти». В качестве примеров приводятся «Анналы» и «Законодательство» Хаттусили I. В «Анналах», описывая свою победу над страной Хассува, царь сравнивает себя со львом: «И страну Хассува, подобно льву, ногами [своими] я растоптал». В «Законодательстве» Хаттусили I, требуя у «собрания» признать наследником престола Мурсили,

²¹² Zimmer-Vorhaus C. Op. cit. P. 204, fig. 7a.

резюмирует: «[Только] льва божество может поставить на львиное место» и другие пассажи²¹³.

В южной точке города были возведены так называемые Ер Капы («Земляные Ворота»). Это земляной вал с укрепленными склонами (гласисом) и симметрично расположенными лестницами. Сквозь него, ровно в центре, проходит подземный ход с ложными сводами. Существуют разные точки зрения на назначение этой постройки. Суть спора сводится к следующему: является ли этот вал (и подземный ход) частью оборонительного кольца города, или же они имеют другой смысл?

Разумеется, комплекс вполне смог совмещать эти функции. Несмотря на то, что на сам вал (особенно учитывая наличие боковых лестниц) можно взобраться, все-таки он стоял в стратегически важном месте и давал хороший обзор. И, нельзя забывать, что по «хребту» вала проходила такая же мощная оборонительная стена, как по всему периметру города²¹⁴. Аэросъемка (**Рис. 2.23**) ясно показывает симметричную композицию, которую образуют вал с боковыми лестницами и венчающие его, подобно короне, Ворота Сфинксов. Все в этой композиции выдает церемониальное назначение. Более того, как справедливо отмечает Н.А. Налимова, сама геометрия этой архитектуры, такие ее элементы как ступенчатость (вал состоит из двух ярусов с узкой террасой-проходом между ними), боковые лестницы, ворота, акцентирующие центральную ось, «рождает ассоциацию с традициями месопотамского сакрального зодчества (храмами на платформе и зиккуратами)»²¹⁵.

²¹³ Ардзинба В.Г. «Послесловие о некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии» в кн. Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. Москва: Наука, 1983. С. 162.

Об образе льва в искусстве и культуре Древнего Востока см. напр.: Strawn B.A. What is Stronger than a Lion? Leonine Image and Metaphor in the Hebrew Bible and the Ancient Near East. Saint-Paul: Academic Press Fribourg, 2005.

²¹⁴ См. реконструкцию Ниве в Mielke D.P. Hittite Cities: Looking for a Concept // Insights into Hittite History and Archaeology / Ed. Genz H., Mielke D.P. Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2011. Fig. 9.7.

²¹⁵ Налимова Н.А. Хаттуса в Новохеттский период. С. 300.

Комплекс Ер Капы предположительно играл важную роль в одном из хеттских обрядов, и, в таком случае, его можно воспринимать как некий «ритуальный театр», где на мощном валу, оснащенном дополнительными пандусами, подходами, находящемся в фокальной точке сакрального города, разыгрывались определенные религиозные сценарии. Мысленно можно представить один из них, в ходе которого задействован в том числе и подземный ход. В день праздника рядовые участники («зрители») собираются по одной из сторон вала. Жрецы (среди них, вероятно, и правитель) сначала совершают первую часть обряда перед ними, находясь на первом ярусе комплекса. Потом один за другим исчезают в недрах земли... «Коллегия» священнослужителей спускается через подземный тоннель, обходит вал, поднимается на верхний ярус и снова предстает перед изумленной толпой – выходя уже через Сфинксовые ворота. На наш взгляд, такое объяснение этого необычного памятника кажется вероятным.

Стоит отметить, что подземные ходы, монументализированные (порой – искусственные) пещеры встречаются у хурритов – народа, имевшего определенное культурное влияние на хеттов. Например, в древней хурритской столице Уркеше было открыто подземное сооружение – своего рода вход в подземный мир²¹⁶. Важность подземных переходов, и в еще большей мере – важность подземных источников и течений воды в хеттской культуре засвидетельствована и во многих текстах ритуалов²¹⁷.

Ворота были важнейшим местом для идеологических целей. Это было характерно и для месопотамской традиции. А.Л. Оппенгейм называет ворота

²¹⁶ Kelly-Buccellati M. Ein hurritischer Gang in die Unterwelt // MDOG, 134, 2002. P. 131-148.

²¹⁷ См. напр.: Gordon E.I. The Meaning of the Ideogram ^dKASKAL.KUR = “Underground Water-Course” and its Significance for Bronze Age Historical Geography. *Journal of Cuneiform Studies* 21 (1967): 70–88; Erbil & Mouton A. Water in Ancient Anatolian Religions: An Archaeological and Philological Inquiry on the Hittite Evidence. *Journal of Near Eastern Studies*, Vol. 71, No. 1 (April 2012). P. 53-74.

См. еще Yakar J. באנאטוליה קרקעיים-תת מבנים — וכוונולוגיה אינטרפרטציה // *Eretz-Israel: Archaeological, Historical and Geographical Studies*. Vol. 15. 1980. P. 17-21. [на иврите]

своеобразным «гражданским/общественным [civic] центром»: в непосредственной близости от них происходили собрания, обнародовались указы, а победители ставили здесь свою статую в напоминании подчиненным о своей силе и могуществе²¹⁸.

2.3.3. Дворцовые комплексы

Тип дворца, характерный для начала II тысячелетия, не был забыт, об этом свидетельствуют, как мы установили, и «стандартные» храмы, и некоторые постройки, определенно являющиеся резиденциями (опять же, резиденциями, не лишенными сакрального составляющего). Таким является, например, дворец в Машат-хююке²¹⁹, почти идентичный по своей конфигурации с «дворцом Варсамы» в Кюльтепе. Это близость архитектурных решений «храмовых» и «дворцовых» сооружений еще необходимо исследовать: возможно, «дворцы» с такой планировкой имели другой статус, чем комплексы, которые будут рассмотрены в дальнейшем.

На «акрополе» Хаттусы, в Бююк-кале, мы имеем дело с памятником иного рода²²⁰ (Рис. 2.24). Комплекс организован вдоль трех расположенных друг за другом, соединенных лестницами, здесь прослеживается четкая пространственная иерархия. Дворы также были разнесены по вертикали – находились на разных террасах. Сообщение между дворами осуществлялось посредством трехчастных монументальных врат уже известного нам типа. Соответственно продвижение по ним предполагало не только постепенное преодоление этих пространств, но еще и подъем вверх. На отдельных отрезках дворы были обнесены колоннадой. Порттики часто применялись в хеттской архитектуре, особенно в оформлении дворов как храмов, так и ранних «дворцов».

²¹⁸ *Oppenheim A.L.* Ancient Mesopotamia. Portrait of a Dead Civilization. 2nd revised ed. Chicago-London, 1977. P. 128.

²¹⁹ *Özgülç T.* Excavations at the Hittite Site, Maşat Höyük: Palace, Archives, Mycenaean Pottery // *AJA*, Vol. 84, No. 3 (Jul., 1980). III. 1.

²²⁰ *Neve P.* Büyükkale. Die Bauwerke. Grabungen 1954-1966. Berlin: Gebr. Mann, 1982.

В Аладжа-хююке тоже имеется система дворов, хотя, конечно, не столь четко обозначенная, как в Хаттусе (**Рис. 2.25**). После знаменитых Сфинксовых ворот (**Рис. 2.26**), украшенных ортостатами, следовало три двора – два поменьше²²¹, и один большой, вытянутый. Подобная схема прочитывается в дворцовом ансамбле в Ынандыктепе²²². Конечно, по своему масштабу Ынандыктепе уступает Аладжа, и тем более – Хаттусе, но общий принцип планировки ясен. Сложный, продуманный и скомпонованный комплекс Бююк-кале является неким итогом развития систем дворов.

2.3.4. Иные сакральные сооружения

В непосредственной близости от Хаттусы находится место под современным названием **Язылыкая**²²³ – по всей видимости, святилище, посвященное празднику нового года и усыпальница одного из хеттских царей (**Рис. 2.27**). Комплекс относится ко второй половине XIII века до н.э., к эпохе правления Тудхалии IV и Суппиулиумы II.

Могучий скальный массив был приспособлен для нужд святилища. Естественные формы камня, интрига проходов и переходов между разными полуоткрытыми камерами, игра света и тени (в зависимости от времени дня и года по-разному освещаются определенные участки), безусловно, должны были вдохновить хеттов на создание одного из своих самых выразительных памятников. Комплекс Язылыкая объединяет в себе и природные образования, и архитектурные постройки, и скальные рельефы.

²²¹ Первый из них, представляющий собой участок между Сфинксовыми воротами и воротами второго двора, исследователи обычно не включают в общую систему. Но нам кажется, что это пространство тоже входило в ансамбль дворца.

²²² *Mielke D.P.* İnandiktepe und Sarissa: Ein Beitrag zur Datierung althethitischer Fundkomplexe // *Strukturierung und Datierung in hethitischen Archäologie.* /Hrsg. von D.P. Mielke, U-D. Schopp, J. Seeher. Istanbul: Ege Yayınları, 2006. Abb. 1.

²²³ *Das hethitische Felsheiligtum Yazilikaya.* Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1975.
Ökse A.T. Open-air Sanctuaries of the Hittites // *Insights into Hittite History and Archaeology* / Ed. Genz H., Mielke D.P. Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2011. P. 219-240.

Перед основной большой скалой был построен небольшой храм, отделяющий внутреннюю (скальную) часть святилища от внешнего мира. Посетители, допущенные до празднований, пройдя дорогу от города к святилищу, должны были пройти через первые ворота, чтобы попасть в основное помещение храма, и только потом смогли перейти (через еще одни врата) в скальное святилище.

Внутренняя часть делится на две большие (А, В) и две малые камеры (С, D).

По стенам камеры «А» вырезаны скальные рельефы – две процессии богов, шагающих навстречу друг другу. Изображено всего больше 60 фигур. Справа²²⁴ идут женские божества, слева – мужские, а кульминацией является встреча бога грома Тешуба и богини Хепат в центральной сцене. Справа, но на выступе – напротив основной сцены – располагается изображение царя (Тудхалии) и его бога-покровителя. Фигуры даются в четкой иерархической последовательности, постепенно увеличиваясь по размеру. Скалы, служащие изобразительной плоскостью, только усиливают этот эффект благодаря своим естественным формам. Фигуры божеств достаточно плоскостны, рельеф низкий. Этот пластический характер, а также равномерное, изокефальное расположение фигур роднят эти рельефы с изображениями на произведениях глиптики – действительно, рассматривая некоторые сцены (например, начало «мужской» процессии или «богов подземного мира» из камеры «Б») возникает ощущение, что мы имеем дело с увеличенным оттиском печати.

Пока камера «А» практически сразу открывается во всей полноте, то проход в камеру «Б», наоборот, максимально усложнен и завуалирован. Основной вход фланкируют два рельефа – демоны-апотропеи с поднятыми руками и открытой пастью. За входом следует длинный, узкий проход, который неожиданно делает резкий поворот, и только после этого человек попадает в саму камеру. Камера «Б» меньше «А», по конфигурации – уже, скальные стены почти срастаются – это

²²⁴ О возможных противопоставлениях «правый-левый» в хеттских ритуальных текстах см. Ардзинба В.Г. Мифы и ритуалы... С. 133-155.

пространство иного характера и иного назначения. Вполне возможно, что оно является хегуром, святилищем-усыпальницей царя. На это указывают и рельефы: демон-меч (Нергал?), процессия т.н. «двенадцати богов подземного мира», изображение царя со своим богом-покровителем – Шаррумой.

Хотелось бы рассмотреть уже упомянутый любопытный комплекс времени новохеттского царства – Эфлатун Пынар. Это место, достаточно отдаленное от Хаттусы (в провинции Конья), являлось, по всей вероятности, региональным культовым центром. Ровно как и Язылыкая, этот памятник развивает идею совмещения природных и рукотворных элементов, но «материал» другой. Эфлатун Пынар принадлежит к ряду хеттских «водных» монументов, включающих в себя и искусственные бассейны (которые, кстати, присутствуют в Хаттусе и в Бююк-кале), и специально оформленные источники. Эфлатун Пынар важен не только по своим художественным качествам, но и как значимый памятник инженерных способностей хеттов, их находчивости, «барочной» изобретательности.

Комплекс представляет собой огромный прямоугольный бассейн, в северной части которого возвышается каменная стена с рельефами (Рис. 2.28, 2.29). За этой стеной скрыт источник, а вода поступала в бассейн через отверстия в камне – находящиеся на «юбках» изображенных в нижнем регистре рельефа божеств гор²²⁵. Эти божества также держали на себе другие фигуры, по всем правилам хеттской религиозной иконографии.

Напротив этой стены, на южной стороне бассейна, находится платформа, выходящая на воду. По всей вероятности, эта платформа служила подмостками и местом для зрителей во время определенных ритуалов, пока жрецы «выступали» над рельефной стеной.

²²⁵ *Bachmann M.* Divine Staging. The Civil Engineering Peculiarities of the Hittite Spring Sanctuary at Eflatun Pinar // *Proceedings of the Second International Congress on Construction History*. Exeter: Short Run Press, 2006. P. 251-265.

Бассейн по всему периметру окружали статуи львов. Недалеко от водоема находился канал, рядом с которым стоял каменный блок с тремя протомами быков.

В той же провинции Конья находится другой монументальный бассейн – Ялбурт²²⁶. Этот комплекс меньше по размеру и менее богатый по оформлению. Вместо сложной скульптурной декорации парапет бассейна носит длинную надпись, сделанную анатолийскими иероглифами – впрочем, как известно, этот вид письменности имеет весьма «изобразительный» характер и легко заменяет собой рельефный фриз.

Вода играла очень важную роль в хеттских ритуалах²²⁷. На территории самой Хаттусы были открыты многочисленные источники, оформленные особым образом, и бассейны. Известны и самостоятельные, находившиеся вне городов, святилища хеттов, связанные с природными водами²²⁸. Как минимум в одном из них – святилище Эфлатун Пынар – образы львов, выступали в качестве охранителей священных вод²²⁹.

2.3.5. Семантика хеттской архитектуры

Благодаря раскопкам, мы обладаем большим количеством письменных источников, позволяющих составить общее впечатление о том, как сами хетты воспринимали свою архитектуру. Таким образом, мы не должны полагаться лишь на антропологические и этнологические реконструкции древнего образа

²²⁶ *Harmanşah Ö.* A Hittite King at the Spring of Yalburt. Bronze Age, Cold Waters and the Anatolian Landscape // *Actual Archaeology*, 2014/6. P. 10-16.

²²⁷ *Erbil Y., Mouton A.* Water in Ancient Anatolian Religions: An Archaeological and Philological Inquiry on the Hittite Evidence. *Journal of Near Eastern Studies*, Vol. 71, No. 1 (April 2012). P. 53-74.; *Beckman G.* Intrinsic and Constructed Sacred Space in Hittite Anatolia // *Heaven on Earth. Temples, Ritual, and Cosmic Symbolism in the Ancient World*. Chicago: University of Chicago Press, 2013. P. 153-173.

²²⁸ О хеттских «святилищах источников» см. *Mellaart J.* The Late Bronze Age Monuments of Eflatun Pinar and Fasillar near Beysehir // *Anatolian Studies*, Vol. 12 (1962). pp. 111-117; *Bachmann M.* The Civil Engineering Peculiarities of the Hittite Spring Sanctuary Eflatun Pinar // *Proceedings of the Second International Congress on Construction History, Volume 1*, Exeter: Short Run, 2006. P. 251-265.

²²⁹ *Mellaart J.* The Late Bronze Age Monuments of Eflatun Pinar and Fasillar near Beysehir // *Anatolian Studies*, Vol. 12 (1962). P. 115.

мышления и оказываемся на шаг ближе к непосредственному пониманию монументальных построек их создателями.

Известно, что хетты сопровождали воздвижение дворцов и храмов четко прописанными строительными ритуалами, однако, в отличие от месопотамских зодчих, не изготавливали закладные таблички с надписями²³⁰. При заложении основы, установлении опор выполнялись возлияния и жертвоприношения; действия строителей (например, подъем на вершину здания, закрепления там балок с помощью серебряных инструментов) тоже обязательно освящались особыми обрядами²³¹. Сходное ритуализированное поведение прослеживается и в священных играх и состязаниях, устраиваемых на праздниках²³² (как, например, на рельефах из Аладжа-Хююк). Высокой степени ритуализированность строительства, а также отношение к монументальным сооружениям как к целостным символам очевидны из хеттских письменных источников. В статье В.Г. Ардзинбы, на примере ритуального текста *KUB XXIX, 1*, выявлена прямая связь между телом царя и зданием дворца: процесс строительства уподобляется рождению правителя, а также созданию его статуарного образа²³³. В связи с воздвижением здания исполнялось обрядовое сценическое действие, в данном случае – диалог и противоборство царя и Трона, с участием ряда других действующих лиц. Есть все основания полагать, что эти и подобные «пьесы» были частью праздников, которые отмечали особо важные события. Безусловно, одной из основных задач этих празднеств (и участия царя в них) было перерождение правителя, и «возобновления» его власти богами: на пиру богов «бог Солнца и бог Грозы царя вновь пересчитали и его во второй раз взрастили, пределы лет его они не установили»²³⁴. Выражение «пересчитали» относится к частям тела царя. Перечень этих частей неоднократно встречается в ритуалах

²³⁰ Bittel K. Hattusa. Capital of the Hittites. New York, 1970. P. 25.

²³¹ Ünal, Ahmet. “You Should Build for Eternity”: New Light on the Hittite Architects and their Work // Journal of Cuneiform Studies, Vol. 40/1 (1988). P. 97-106.

²³² Ibid. P. 106.

²³³ Ардзинба В.Г. Хеттский строительный ритуал // ВДИ, №1, 1982, сс. 109-119.

²³⁴ Там же. С. 116.

изваяния статуарного образа правителя. В.Г. Ардзинба приводит два близких друг к другу примера²³⁵: 1, «Образ его из олова они сделали, голову его из железа сделали, глаза его орлиные сделали, зубы же его львиные сделали» (из того же текста *KUB XXIX, 1, II, 52-54*); 2, «Образ его новый, грудь его новая, [голова] его новая, мужская сила у него новая, [зуб]ы его львиные, г[лаза его ор]линые (и) он поглядыва[ет] по-[ор]линому» (*KBo XXI, 22, Vs. 25' -27'*).

Вернемся к приведенной в начале этой главы цитате из Эпоса о Гильгамеше, повествующем о стенах Урука. Любопытно, что этот пролог (который, кстати, по всей видимости был сочинен отдельно, в начале II тыс. до н.э.²³⁶) отсутствует в хаттусской [хетто-язычной] версии текста²³⁷. Он заменен другим текстом, который описывает сотворение Гильгамеша²³⁸ советом богов, причем основными действующими лицами выступают бог Солнца (Шамаш небесный) и бог Грозы (Тешуб), т.е. персонажи, которые, как правило, в шумерской и вавилонской традиции не участвуют в творении²³⁹. Этот мотив является хеттским изобретением: ведь по месопотамской традиции Гильгамеш «на две трети – бог, на одну – человек <...>» (табл. II. 1).

Отдельные элементы монументальных комплексов, а именно – пластические, тоже обладали значимостью. Ворота фланкировали защитные образы²⁴⁰. Для хеттов, особенно в эпоху Древнего царства (середина XVII-конец

²³⁵ Там же. С. 116-117.

²³⁶ Эпос о Гильгамеше /пер. И.М. Дьяконова. Л., 1961 (репринт: С-Пб., 2006). С. 147

²³⁷ В Богазкёе-Хаттусе было обнаружено большое количество фрагментов эпоса о Гильгамеше на разных языках: аккадском, хурритском, хеттском. Огромный вклад в изучение этих текстов, а также в изучение рецепции «Гильгамеша» хеттами внес Г. Бекман, см. например: *Beckman G. Gilgamesh in Hatti // Hittite Studies in Honor of Harry A. Hoffner Jr.: On the Occasion of His 65th Birthday. /Ed. G. Beckman, R. Beal, G. McMahon. Winona Lake: Eisenbrauns, 2003. P. 37-57.; Beckman G. The Hittite Gilgamesh // The Epic of Gilgamesh. /Ed. B.R. Foster. New York: Norton, 2001. P. 157-166. См. еще Sasson J.M. Prologues and Poets. On the Opening Lines of the Gilgamesh Epic // Beyond Hatti. A Tribute to Gary Beckman. /Ed. B.J. Collins. P. Michalowski. Atlanta: Lockwood Press, 2013. P. 265-277.*

²³⁸ Х. Оттен и И.М. Дьяконов считают, что речь идет о сотворении Энкиду: Эпос о Гильгамеше... С. 147.

²³⁹ *Beckman G. Gilgamesh in Hatti... P. 43.*

²⁴⁰ См. напр. *Weißl M. Torgottheiten. Studien zum sakralen und magischen Schutz von griechischen Stadt- und Burgtoren unter Einbeziehung der benachbarten Kulturen. PhD dissertation. Universität Wien, 1998.*

XV вв. до н.э.) было характерно почтительное и присваивающее / «собственническое» поведение по отношению к статуям богов. Вместо «иконоборчества», т.е. уничтожения, они предпочитали «захват» изображений и перенесение их на свою территорию. Это расширяло хеттский пантеон, приводило к «экстремальной форме политеизма»²⁴¹, превращая Хатти воистину в «страну тысячи богов».

Со статуями *правителей* обходились иначе: например, изображение Идрими²⁴² в Алалахе, стоящее в храме, было опрокинуто, а потом захоронено там же²⁴³. Затруднительно установить, являлось ли захоронение способом демонстрации своей победы хеттами, или же попыткой жителей Алалаха спасти статую царя. Из истории уже неохеттских (сиро-хеттских) княжеств известен ряд примеров ритуального захоронения²⁴⁴ (как было отмечено выше, случай с Идрими следует относить к более ранним временам, к периоду 1350-1322 гг. до н.э.). Статуи правителей, во-первых, могли в течении нескольких столетий храниться в храмах, а в последствии быть захороненными там же. Причины могли быть разными²⁴⁵, от самых прагматических («ненужность», т.е. забвение личности правителя, нехватка места), до более драматических – попытка спасти статую во время осады, или же стремление непосредственно врага продемонстрировать свою победу. В конце XIII века до н.э. такая судьба достигла и многих хеттских

²⁴¹ Bryce T. *Life and Society in the Hittite World*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 135-136.

²⁴² Идрими – правитель западных территорий бывш. царства Алеппо (столица – в Алалахе), вассал Митанни: Bryce T. *Kingdom...* 2005: P. 117-118.

²⁴³ В публикациях Л. Вулли, ведущего раскопки в Алалахе (а также в цит. ниже статье Д. Уссишкина 1970 г.) считалось, что его статуя пострадала лишь в I тыс. до н.э., когда был уничтожен город. Однако последние исследования показывают, что осквернение (спасение?) образа произошло во время похода Суппилулиумы I в Сирию: Goedegebuure P.M. *Hittite iconoclasm: Disconnecting the icon, Disempowering the Referent // Iconoclasm and Text Destruction in the Ancient Near East and Beyond*. /ed. N.N. May. Chicago, 2012. P. 429-430. (407-452).

Проблема точного места и контекста находки статуи Идрими (самого важного памятника из Алалаха) хорошо освещена в подробной статье Fink A. *Where Was the Statue of Idrimi Actually Found? The Later Temples of Tell Atchana (Alalakh) Revisited // Ugarit-Forschungen 39* (2007). P. 161-245. Он датирует захоронение статуи первой половиной XIV века (т.е. близко к смерти правителя), но контекст (уничтожение/спасение?) остается неясным.

²⁴⁴ Ussishkin D. *The Syro-Hittite Ritual Burial of Monuments // Journal of Near Eastern Studies*, Vol. 29, No. 2 (Apr., 1970). P. 124-128

²⁴⁵ Ussishkin D. *Op. cit.* P. 128.

памятников: во время захвата Хаттусы были уничтожены статуи (например львов и быков, фланкирующих ворота), повреждена мемориальная надпись Тудхалии IV (Нишанташ/Нишантепе) – захватчики таким образом пытались избавиться от «очевидной магической силы» этих образов²⁴⁶.

Заслуживают интерес проблемы, связанные с царскими посмертными ритуалами. К непосредственному «человеческому» телу царя хетты относились иначе, чем, например, египтяне. хетты отдавали предпочтение, опять же, изображениям и статуям²⁴⁷.

Показательно, что мы не имеем «хеттских царских гробниц», однако есть особого рода заупокойные храмы. В текстах встречаются многократные упоминания NA_4 hegur – монумента или института, связанного со скалой (на это указывает шумерограмма NA_4)²⁴⁸. «Хегур» был не усыпальницей (или не просто усыпальницей), а святилищем, обладающим постоянным персоналом и своими земельными владениями. В качестве возможных хегуров отмечают камеру «Б» в Язылыкайе и одну из скал в Верхнем городе Хаттусы – Нишанташ²⁴⁹ (см. дальше). На наш взгляд оба эти предположения верны. Параллельно с hegur существовали и «священные каменные дома», с обозначением $\acute{E}.NA_4$ (*DINGIR-LIM*).

Эти монументы часто создавались последующими правителями и безусловно играли важную роль в демонстрации легитимности власти наследника – это особенно хорошо видно на примере Нишанташа, где монументальная надпись, нанесенная на скалу наследником, переплетается с монументальной архитектурой.

²⁴⁶ Bittel K. Hattusha. The Capital of the Hittites. New York: Oxford University Press, 1970. P. 132.

²⁴⁷ Popko M. Religions of Asia Minor. Warsaw: Dialog, 1995. P. 153; Bryce T. Life and Society... P. 176-184. Об отношении к статуям см. также Taracha P. Religions of Second Millennium Anatolia. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. P. 62, 71 и др.

²⁴⁸ Hout T. van den. The (Divine) Stone House and Hegur Reconsidered // Recent Developments in Hittite Archaeology and History... /Ed. H.G. Güterbock et al. Winona Lake: Eisenbrauns, 2002. P. 86.

²⁴⁹ Ibid. P. 74.

2.3. Западная Анатолия и Эгейский мир в эпоху Поздней бронзы

«Одно из важнейших значений хеттской культуры заключается в том, что она выполняла роль посредника между цивилизациями Ближнего Востока и Греции,» отмечает В.Г. Ардзинба²⁵⁰. Эгейско-анатолийская контактная зона демонстрировала чрезвычайную активность в эпоху бронзового века. На западных берегах Малой Азии, особенно в юго-западных частях, создавались колонии, города – сначала минойские, потом микенские. Неудивительно, что в этот период западные регионы Малой Азии стали местом соприкосновения разных народов, ведь здесь одновременно существовали поселения лувийцев, напрямую связанных с хеттами в плане культуры, непосредственно хеттов и греков, чьими колониями связывается царство Аххиява, которое неоднократно упоминается в хеттских документах XIV–XII вв. до н.э. В этот период западноанатолийские города играют важную роль, соперничают с хеттами. Среди важных соперников и/или торговых партнеров Хеттской империи упоминаются федерация Ассува, а позже – союз Арцава, связанный с лувийскими (лувическими) народами.

Среди городов этих стран упоминаются Таруиса и/или Вилуса (отождествляются с Троей и/или Илионом, при этом остаётся открытым вопрос, один это был город или два разных – возможно, что Вилуса – это название города, а Тариуса – название территории, как более поздняя «Троада»), Миллаванда (Милет), остров Лацпас (Лесбос) и др. При этом, по мере приближения Троянской войны, западноанатолийские города вновь попадают под влияние континентальной Греции – на этот раз ахейцев. Некоторые правители Таруисы/Вилусы, упоминаемые в хеттских надписях, носят имена, носят имена, известные из более поздней греческой традиции (например Алаксандус, то есть Александр²⁵¹), хотя материальная культура города является типично анатолийской и отличается от ахейской. Земли «Лукка», упоминаемые в хеттских

²⁵⁰ Ардзинба В.Г. «Послесловие...» в кн. Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. С. 176.

²⁵¹ История Древнего Востока... С. 158-159.

источниках, чаще всего связываемые с населением – предками ликийцев железного века, тоже входили в объединение Арцава, однако точные географические рамки региона неизвестны. По мнению Тревора Брайса, под этим названием понимались обширные территории, включающие Памфилию, Ликаонию, Писидию и Ликию²⁵², однако есть и мнение, что это название относится только непосредственно к территории Ликийи²⁵³.

Список вещей, которые жители Эллады могли перенять у анатолийских народов, весьма обширен: здесь можно упомянуть и такие навыки, как езда на колесницах, многочисленные языковые заимствования, а также мифологические параллели²⁵⁴. Материальная же культура этой зоны представляет собой смесь эгейских и анатолийских черт, причем, как отмечает Кристофер Ми (Mee)²⁵⁵, каждое поселение демонстрирует свои приоритеты, свое сочетание предметов из обеих культур, и лишь тщательный анализ (а также – дальнейшие раскопки) сможет точно определить характер поселений.

Детальный анализ всех эгейско-анатолийских поселений не входит в наши задачи, однако хотелось бы рассмотреть некоторые особенности наилучше изученного из них: **Милета**²⁵⁶, одного из самых значительных городов Ионии.

На территориях, близких к Милету, самое первое поселение относится к эпохе неолита (7000-5000 гг. до н.э.) – Киликтепе. В самом Милете сложная стратиграфия и концентрация следов разных эпох в сравнительно небольшом месте (вокруг классического храма Афины) затрудняет изучение древнейших периодов истории, однако ясно, что здесь первое поселение появилось в халколите, около 5000 г. до н.э. В эпоху ранней бронзы географическое положение Милета сыграло важную роль: именно через него проходил самый

²⁵² Bryce T. Kingdom of the Hittites. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 54.

²⁵³ Yakubovich I. Sociolinguistics of the Luvian Language. Leiden: Brill, 2010. P. 134.

²⁵⁴ Ардзинба В.Г. «Послесловие...». С. 177-179.

²⁵⁵ Mee C. Anatolia and the Aegean in the Late Bronze Age // Aegaeum 18 (1998). P. 145.

²⁵⁶ О древнем Милете см. работы Kleiner G. Alt-Milet. Wiesbaden, 1966; Huxley, G.L. The Early Ionians. London, 1966; Greaves A.M. Miletos: A History. London-New York: Routledge, 2002. См. также: Беликов А.М. Догреческий Милет как перекресток культур и цивилизаций (середина IV – конец II тыс. до н.э.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2010.

легкий путь от побережья во внутренние регионы Анатолийского полуострова (через долину реки Меандр)²⁵⁷. Неудивительно, что в начале II тысячелетия до н.э. набирающие силы критяне обратили внимание на эту возможность и основали здесь свой форпост (наряду с такими местами, как острова Родос, Телос, Самос и малоазийский Яссос). Самая ранняя минойская находка в Милете датируется периодом ММІА (среднеминойский период I-A), т.е. примерно временем основания первых дворцов на Крите²⁵⁸.

В эпоху поздней бронзы город и его значимость значительно увеличиваются. Исследователи выделяют три периода. Первый период (Милет IV, 1700-1490/50 до н.э.) можно охарактеризовать как минойский – Милет явно был критской колонией. Второй период носит микенский характер (Милет V, 1450/30-ок. 1300 до н.э.) и есть все основания предполагать, что именно это место именуется Миллавандой в хеттских источниках²⁵⁹. Город был тесно связан с Аххиявой. Этот этап завершился частичным уничтожением города – это событие принято связывать с походом хеттского царя Мурсилия II против Миллаванды. Третий период (Милет VI, ок. 1300-1100 до н.э.) сохраняет микенское составляющее в материальной культуре, но вокруг города возникают фортификации явно хеттского типа²⁶⁰. Конкретные особенности этих стен, в первую очередь, сторожевые башни, расположенные на равном расстоянии (14-15 метров) друг от друга сближают этот памятник с известными нам образцами хеттской фортификационной архитектуры. Строительные приемы полностью совпадают, например, с технологиями возведения стен в Хаттусе.

При этом имеются хоть и немногочисленные, но веские признаки микенской или «микенизирующей» религиозно-культурной активности в регионе. К таким можно отнести скальные гробницы на горе Дейирментепе (1.5 км от

²⁵⁷ Greaves A.M. *Miletos: A History*. London-New York: Routledge, 2002. P. 45.

²⁵⁸ Ibid. P. 46.

²⁵⁹ Bryce T. *Kingdom....* P. 58.

²⁶⁰ Greaves A.M. Op. cit. P. 59-60, Fig. 2.3.; Neumann K. Op. cit., Beil. 1.

будущего храма Афины) с их характерно эгейско-микенским бронзовым инвентарем.

2.3.1. Пределы определений

Изучение культуры и искусства II тысячелетия до н.э. *вне* основных регионов хеттского владычества находится на самом раннем этапе. Нет точных определений, мало памятников, а те, что все-таки имеются, в основном рассматриваются как часть хеттского наследия. Само понятие «хеттское» по отношению к материальной культуре таит в себе множество противоречий. Ведь «хеттское искусство» тоже можно рассматривать скорее как продукт совместной деятельности народов, имеющих разные истоки²⁶¹.

Стремление к концептуальному осмыслению этой проблемы прослеживаются в работах ряда ученых. Махтельд Меллинк подробно останавливается на этом вопросе²⁶². Ханс Гютербок отмечает сложность применения термина «хеттский»²⁶³. Касательно вопросов материальной культуры (в т.ч. художественных памятников) он говорит: «в смешанной цивилизации Новохеттского царства присутствовал, в том числе, лувийский элемент, но все же, мы не имеем право называть все черты культуры лувийских земель хеттскими»²⁶⁴. То есть мы всегда должны помнить, что хетты, несмотря на свое могущество и влияние, не являлись исключительными носителями анатолийской (материальной) культуры.

Можно ли выделить из этой группы произведений те, что являются *не-хеттскими*, подобно тому, как лингвисты выделяют пласт лувийских

²⁶¹ Özyar A. A Prospectus of Hittite Art Based on the State of our Knowledge at the Beginning of the 3rd Millenium AD. // Strukturierung und Datierung in hethithischen Archäologie. /Hrsg. von D.P. Mielke, U-D. Schopp, J. Seeher. Istanbul: Ege Yayınları, 2006. S.125-148.

²⁶² Mellink M.J. A Hittite Cemetery at Gordion. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1956. P. 52-57.

²⁶³ Güterbock H.G. Toward a Definition of Hittite // Oriens, Vol. 10, No. 2 (Dec. 31, 1957). P. 233-239.

²⁶⁴ “The statement that Luwian and other elements went into the making of the mixed civilization of the Hittite New Kingdom does not imply that all cultural features in Luwian lands can be called Hittite” – *ibid.* P. 238.

заимствований в хеттском языке? Но как и в каких терминах тогда говорить, например, о «лувийском искусстве»? Первая попытка была предпринята Санной Аро (Sanna Aro, Sanna Aro-Valjus), написавшую главу об искусстве и архитектуре для издания «Лувийцы» под редакцией Крейга Мельчерта²⁶⁵. Глава открывается несколько неуверенно («обзор лувийского искусства и архитектуры может показаться странной идеей»²⁶⁶). В ней приводится корпус памятников, но однозначного вывода нет.

Следующий крупный труд, посвященный лувийцам, вышел спустя десять лет: «Лувийские идентичности. Культура, язык и религия между Анатолией и Эгейским миром»²⁶⁷. Название симптоматичное – ученые подчеркивают «инаковость» лувийских народов по отношению к хеттам, и, если Анатолия обычно воспринимается как нечто между «Западом и Востоком», то лувийцы вклиниваются между Анатолией и Эгейскими цивилизациями... В этом издании освещались вопросы исторические и филологические, однако тема искусства и материальной культуры мало затрагивается.

Города позднего бронзового века, современники Хеттской державы, но находящиеся не на ее территории, нам практически не известны. Основной корпус «лувийского искусства» образуется перераспределением имеющихся находок – ведь многие памятники под определенным углом оказываются связанными с «лувийским» кругом.

Любопытно, что «лувийское искусство», воспринимающееся как нечто совершенно нелепое в контексте II тысячелетия до н.э., будто обретает смысл в I тысячелетии: ведь «лувийский компонент» будет весьма сильным в части сирохеттских княжеств. Но само это определение в такой форме не подходит ни для II, ни для I тысячелетия.

²⁶⁵ Обзор материала и проблематики: Aro S. Art and Architecture (Chapter 7) // *The Luwians*. /Ed. H.C. Melchert. Leiden-Boston: Brill, 2003. P. 281-333.

См. также Ehringhaus H. Das Ende, das ein Anfang war: Felsreliefs und Felsinschriften der luwischen Staaten Kleinasien vom 12. bis 8./7. Jahrhundert v. Chr. Mainz: Nünnerich-Asmus, 2014.

²⁶⁶ "...an odd idea" – Aro S. Op. cit. P. 281.

²⁶⁷ *Luwian Identities. Culture, Language and Religion Between Anatolia and the Aegean*. /Ed. A. Mouton, I. Rutherford, I. Yakubovich. Leiden-Boston: Brill, 2013.

2.4. Выводы

Сравнительно небольшой первый подраздел главы охватывает примерно шесть тысячелетий – справедливо ли это? Этот обзор было необходимо сделать по нескольким причинам. Как нам кажется, те общие проблемы, которые были намечены в историографическом разделе (см. главу 1 – некая «научная разобщенность», нерешенность базовых вопросов, необходимость поиска ориентиров), требуют комплексного анализа.

Во-первых, необходимо было ощутить географические рамки исследования, понять векторы культурного влияния. Во-вторых, постоянный приток новых материалов требует обработки и соотнесения с уже имеющимися знаниями, возможно – их пересмотр. В-третьих, для правильного понимания истории всего региона было необходимо дать этот обзор.

Мы постарались сконцентрироваться на некоторых важных, актуальных памятниках (открытых за последние десятилетия или пересмотренных). Где это было необходимо, постарались осветить историю изучения и основные проблемы. Гёбекли-Тепе и Чатал-хююк дают нам первые примеры монументальной архитектуры – особых (конечно, совершенно по-разному трактованных) сооружений, выделяющихся на общем фоне жилых построек – домов. В дальнейшем рассмотрели важные памятники, например Мерсин-Юмуктепе, Бейджесултан, Хаджилар, Трою и др., обращая особое внимание на решения планировки и фортификаций, выделение особых (по функции или оформлению) построек.

В попытке обрисовать «культурную географию» Малой Азии в VIII-III тысячелетиях до н.э. удалось достаточно хорошо проследить месопотамско-сирийскую зону (связанное и с ранними периодами земледелия, а также с убейдской культурой) и эгейскую. В эгейско-анатолийских контактах очень интересна проблема устойчивого типа мегаронных построек – это будет важным в 3-ей главе нашего исследования, посвященной I тысячелетию до н.э.

Анатолийско-эгейские связи приобретают особые черты в эпоху поздней бронзы²⁶⁸.

На центральных территориях Малой Азии к середине II тысячелетия до н.э. образовалась мощная хеттская держава, определяющая ход истории всего региона. Неудивительно, что подобная военно-политическая и экономическая мощь сопровождалась активной разработкой монументальных форм, задача которых, в первую очередь, заключалась в репрезентации власти и силы страны Хатти. В работе были рассмотрены основные архитектурные памятники этого периода, выявлены их особенности, их место в общественной жизни этих земель.

На примере ряда памятников (в том числе письменных – впервые в истории Малой Азии мы имеем возможность сопоставлять материальную культуру и источники) мы увидели, как личность и образ царя буквально обретают архитектурные формы, «монументализируются». Подчеркивалась особая роль правителя в хеттской общественной жизни, в публичных и частных ритуалах.

Хеттские монументальные комплексы крайне эффективны – в том смысле, что они производят впечатление, действуют на разных уровнях. Мы увидели, что зодчими были учтены способы передвижению по комплексу и эффект развертывания планов и постепенного расширения, изменения пространства (например, во дворах хаттуского дворца). Простой земляной вал (Ер Капы) смог превратиться в зиккурат своего рода, в сцену для особых ритуальных действий.

«Комплексность» этих памятников заключается не только в их усложненной пространственной конфигурации, а еще и в изобретательном, многостороннем сочетании разных материалов и форм: лучшими примерами являются скальные и полускальные монументы, ритуальные бассейны. Совмещение природных и рукотворных, естественных и искусственных элементов приводило не к диссонансу, а открывало новые архитектурно-выразительные возможности.

²⁶⁸ См. напр. работы *Gütterbock H.G., Mellink M., Vermeule E.T. The Hittites and the Aegean World // AJA 87 (1983). P. 133-143; Mee C. Anatolia and the Aegean in the Late Bronze Age // Aegeum 18, 1998. P. 137-148.* и др.

Именно эти хеттские памятники дали мощнейший толчок изучению региона. Поэтому неудивительно, что в дискурсе об искусстве и культуре II тысячелетия до н.э. они тоже доминируют. В этом последнем подразделе будет предпринята попытка освещения памятники других культур на изучаемой нами территории. Пограничные, спорные, смешанные регионы «хеттской периферии», пожалуй, пока осваиваются только лингвистами.

В разделе был кратко рассмотрен и не прижившийся термин «лувийское искусство» и стало ясно, что он (по крайней мере, в такой формулировке) не обоснован археологически. Однако он провоцирует на поиски, указывает на необходимость изучения «хеттской периферии». Этот поиск оправдан: ведь возникающие в начале железного века новые культуры в чем-то опираются, возможно, именно на этот невидимый, неуловимый пласт.

ГЛАВА III.

Архитектурные комплексы первой половины I тысячелетия до н.э.

3.1. Малая Азия в I тысячелетии до н.э.

Постепенный распад державы хеттов в XII веке до н.э. сопровождалось перекраиванием карты Малой Азии²⁶⁹. Коллапс бронзового века, вторжения новых народов во многих местах привело к разрушению местных городов: засвидетельствованы пожары ок. 1200 г. до н.э. в археологических слоях Хаттусы/Богазкёя²⁷⁰, в Аладже Хююк и в Алишаре. Бейджесултан тоже был разрушен, потом снова заселен²⁷¹. Централизованное правление (в той форме, в которой существовало при хеттах) исчезло, архивы не дополнялись новыми табличками, применение клинописи сошло на нет. На первый план вышел ряд других народов – часть из них вторглась на территории Анатолии, часть из них уже находилась там, но, воспользовавшись ослаблением державы хеттов, взяли инициативу в свои руки. Эти изменения на первых порах прослеживаются на археологическом материале (в первую очередь – керамике), но по мере усложнения общества, накопления опыта и ресурсов, стали воздвигаться монументальные сооружения.

Нельзя не согласиться с высказыванием Роберта Дрюза – «XII век до н.э. – один из страшнейших поворотных моментов истории. Для тех, кто его пережил, он стал настоящим бедствием. Однако, в дальней перспективе, этот момент был

²⁶⁹ *Sagona A., Zimansky P. Ancient Turkey... P. 291-293. Sams G.K. Anatolia: The First Millennium B.C.E. in Historical Context // The Oxford Handbook of Ancient Anatolia. / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 604-611. См. еще Muhly J.D. Greece and Anatolia in the Early Iron Age: The Archaeological Evidence and the Literary Tradition // Symbiosis, Symbolism, and the Power of the Past: Canaan, Ancient Israel and their Neighbours from the Late Bronze Age through Roman Palestina /Ed. W.G. Dever, S. Gitin. Winona Lake: Eisenbrauns, 2003. P. 23-36.*

²⁷⁰ *Немировский А.А., Сафронов А.В. Кто погубил Хаттусу? // Материалы девятнадцатых чтений памяти И. М. Тронского "Индоевропейское языкознание и классическая филология - XIX". СПб. : Наука, 2015. С. 699-713.*

²⁷¹ *Barnett R.D. Phrygia and the peoples of Anatolia in the Iron Age // Cambridge Ancient History II/3.2. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 418.*

скорее началом, чем концом»²⁷². Действительно, для новых, «молодых» народов Анатолии это был шансом для возвышения. Политический вакуум, образовавшийся после падения хеттской державы, постепенно заполнялся, а наследие одного из величайших царств бронзового века частично прошло череду метаморфоз – частично же было утеряно. Некоторые группы претендовали на него, пытались в той или иной форме примкнуть к «стране Хатти». В восточных и юго-восточных частях Анатолии образовались небольшие, порою непрочные государства, обозначаемые в совокупности как позднихеттские, неохеттские или сиро-хеттские. Разумеется, они находились в постоянном конфликте друг с другом, а также, со стремительно набирающим силы новоассирийским царством – угрозой, идущей с востока... К этой зоне интересов примыкало еще одно новое образование – Урарту – страна не «пост-хеттского», а скорее «пост-хурритского» характера.

Арцава на юго-западе тоже распалась, а обособленные территории с течением времени превратились в известные нам регионы Кари и Ликии. Центральные земли были заселены разными группами (например фригийцами). Малая Азия оказалась раздробленной, децентрализованной – т.е. вернулась к своему, в общем-то, характерному и почти что естественному состоянию.

I тысячелетие до н.э. было ознаменовано появлением еще одного нового действующего лица – греков. Микенцы имели свои владения на малоазийском побережье (см. предыдущую главу), и в некоторых городах, как, например, в Милете и в Эфесе, были основаны новые поселения. Постепенно все острова и все западное побережье стали контролироваться греческими колонистами. Разумеется, «греков» и «греческую культуру» нельзя рассматривать как нечто единое и неделимое. Даже внутри восточно-греческого круга можно отдельно говорить о разных островах, об Ионии, об Эолиде. В первые века I тысячелетия

²⁷² *Drews R. The End of the Bronze Age. Changes in Warfare and the Catastrophe ca. 1200 B.C. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 3.*

Этот переходный момент, часто называемый «коллапсом» или «катастрофой» бронзового века, обладает обширной историографией. Напр. *Forces of Transformation: the end of the Bronze Age in the Mediterranean /Ed. C. Bachhuber, R. G. Roberts. Oxford: Oxbow, 2009.*

до н.э. греки участвуют в создании особой культуры наравне с другими народами Малой Азии, своими соседями. Некоторые греческие и фригийские геометрические произведения похожи друг на друга не потому, что один народ повлиял на другой, а потому, что это искусство на ранних стадиях создается ими совместно, в общем культурном ареале. Создание греческих колоний в Причерноморье открывает контакты и с Урарту. Но в определенный момент, все-таки, происходит разрыв, и греки выходят вперед. Начиная с VII века до н.э., практически всю историю культуры Малой Азии можно представить в виде постепенной «эллинизации»; заимствования другими народами ряда черт (как в общественной, так и в художественной жизни) от греков²⁷³.

Ощущается сильный контраст между динамикой взаимоотношений в этот период и в эпоху бронзы. Контакты имелись и во II тысячелетии до н.э., но, несколько утрируя положение: трудно представить хеттского царя—«филэллина». В эпоху бронзы Анатолия больше обращена на восток, в сторону Месопотамии. В I тысячелетии положение меняется. Противоречия, столкновения с западными соседями остаются, но уровень «комплементарности» греков, фригийцев, лидийцев, карийцев, ликийцев и т.д. был очень высоким.

Возвышение Фригийского царства в Центральной Анатолии, со столицей в Гордионе, ознаменовало новый этап. Нашествие киммерийцев нанесло большой удар, но окончательно Фригия потеряла независимость несколько позже, когда лидийцы захватили ее, став на короткое время владыками центральной и, частично, западной Анатолии. При этом лидийцы опирались на уже

²⁷³ В дальнейшем может быть интересным сравнение параллельной культурной ситуации Анатолии и Италии. На начальном этапе, например, этруски в Италии и народы, прибывшие в Малую Азию, оказываются в схожем положении, как в области исходных представлений, так и в области последующих культурных контактов.

К.Н. Гаврилин говорит о двух «уровнях» культурного влияния и связей: о наличии непосредственно эгейско-анатолийского и палеобалканского составляющего в ранних пластах этрусской культуры, получившие в дальнейшем дополнительные импульсы с востока и от греков (*Гаврилин К.Н. Искусство раннего Рима и южной Этрурии... С. 98-99*).

существующие точки контроля – дороги, крепости, налоги²⁷⁴. На востоке лидийцы столкнулись с мидийцами, вторгшимися на территорию Анатолии.

В середине VI века до н.э. в Иране пришли к власти Ахемениды и вскоре двинулись на запад. Войска Кира в 540-ые годы до н.э. взяли лидийские Сарды. Далее последовал захват практически всей территории Малой Азии. Регион оказался в своеобразном положении. Персы, с одной стороны, задавали ориентиры во вкусах и предпочтениях, но, с другой стороны, не всегда вмешивались в уже протекающие культурные процессы.

В данной главе монументально-архитектурные комплексы будут рассматриваться по регионам. В первую очередь, это храмы, святилища, дворцы. А также в I тысячелетии до н.э. огромную значимость приобретают погребальные сооружения – малоазийские правители и знать разрабатывает все новые способы саморепрезентации. После этого обзора будут подведены итоги по тем общим проблемам, которые возникнут в ходе анализа памятников.

3.2. Фригия

Самым важным политическим образованием Малой Азии после падения Хеттской державы стало фригийское царство²⁷⁵. Фригийцы, по всей видимости, переселились в северо-западную часть Анатолийского полуострова еще во второй половине II тысячелетия до н. э. из Македонии или Фракии. Фригийцы были тесно связаны с соседними государствами и племенами. Они помогали троянцам в их войне с греками в XIII в. до н. э., но после поражения союзника наряду с хеттами постарались воспользоваться выгодной ситуацией и сделать территориальные приобретения в Троаде. Возможно, фригийцы сыграли определенную роль в крушении самого Хеттского царства. Значительная часть его территории досталась фригийцам, которые смешались с рядом живших там

²⁷⁴ *Mellink M. Anatolia // САН, Vol. IV. Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 B.C. / Ed. Boardman J. et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 211*

²⁷⁵ *Barnett R.D. Phrygia and the peoples of Anatolia in the Iron Age...*

племен²⁷⁶. Таким образом, Фригия стала фактическим наследником анатолийских и эгейских цивилизаций II тысячелетия до н.э., синтезировав это наследие с культурой, которую эти народы имели до прихода на интересующую нас территорию.

Этот народ, возможно, потому, что он был в меру «свой», близкий, а в меру «чужой» и экзотичный, оставил глубокий след в мифах и легендах малоазийских греков-соседей, а оттуда эти мотивы перекочевали в общеантичный репертуар: «эти сказания бережно сохранялись в народной традиции, служили сюжетом для литературных и исторических сочинений, произведений изобразительного искусства»²⁷⁷. Таким был, например, Мидас, легендарный (и одновременно – исторический) фригийский царь, который обладал огромным богатством и «ушами осла-тихохода»²⁷⁸.

Гордион²⁷⁹, расположенный на реке Сангарий, является важнейшим и в наиболее полной мере изученным городом Фригии. В 1900 г. первые работы здесь проводили немецкие археологи Густав и Альфред Кертэ. Раскопки возобновились лишь значительно позже, в 1950-ые годы, под эгидой Пенсильванского университета. Исследование города и расположенных в непосредственной близости от него царских курганов позволили восстановить историю Гордиона.

В конце X – начале IX в. до н.э. здесь возник мощная, укрепленная цитадель со стандартизированными мегаронными постройками, расположенными «по красной линии» улицы – основной пространственной оси городского центра (**Рис. 3.1**). С восточной стороны к задним стенам ряда мегаронов примыкало еще

²⁷⁶ История Древнего Востока... С. 159.

²⁷⁷ Соловьева С.С. Троянское, Фригийское и Лидийское царства // Источниковедение истории Древнего Востока. М.: Высшая школа, 1984. С. 183.

²⁷⁸ *Ov. met.* XI.179. Античные авторы приводят разные причины ослиных ушей Мидаса, например Филострат (*Imagines*. I.22; Жизнь Аполлония Тианского 6.27), и др. По мнению исследователей, ослиные уши могли быть пережитком царских символов бронзового века, см.: Vassileva M. King Midas' Ass's Ears Revisited // *Ancient West & East*, vol. 7. Leuven-Paris-Walpole: Peeters, 2008. P. 237-248. О коннотациях другой фригийской мифологемы, Гордиева узла, см.: Roller L.E. Midas and the Gordian Knot // *Classical Antiquity*, Vol. 3, No. 2 (Oct., 1984), pp. 256-271.

²⁷⁹ *Archaeology of Phrygian Gordion, Royal City of Midas* /Ed. C.B. Rose. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012.

четыре постройки, более дифференцированные как по размеру, так и по оформлению, но по-прежнему отвечающие типу мегарона. Любопытно, что в одной из них (в т.н. «мегароне 2») пол был украшен галечной мозаикой. После недолгого периода расцвета этот город был разрушен – ученые это событие связывали с нашествием киммерийцев во второй половине VIII в. до н.э. Однако в 2000-ые годы радиоуглеродные анализы показали, что разрушение города произошло раньше, около 800 года до н.э.²⁸⁰ Эти результаты радикально изменили наши представления об истории Гордиона и Фригии в целом²⁸¹.

На руинах первого города «вырос» второй, отчасти повторяющий планировку предшественника (**Рис. 3.2**). В архитектурной типологии, как и ранее, доминировали мегароны, однако общая планировка цитадели изменилась. Стройный ряд мегаронов был разбит на отдельностоящие постройки, а в восточной части была сильнее выделена (и окружена) особая зона, напрямую связанная с воротами комплекса.

Какими особенностями обладала фригийская культура, в целом мало похожая на то, что мы до этого видели на территории Малой Азии? Можно выделить две отличительные черты фригийского искусства. Первая из них – стремление к монументализации природных форм. Под монументализацией здесь понимаем выделение, превращение в «памятник» естественных образований, или же создание подобных им структур. Это может принимать разные формы. Именно фригийцы были первой культурой на территории Малой Азии, возводившей курганы над могилами своих царей. Возможно, эта традиция восходит к обычаям предков фригийцев, проживающих на европейских территориях к северу от

²⁸⁰ The New Chronology of Iron Age Gordion /Ed. C.B. Rose, G. Darbyshire. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012.

²⁸¹ С резкой критикой гордионской «новой хронологии» выступает Оскар Мускарелла в своих рецензиях на публикации экспедиции, а также в *Muscarella O. The Date of the Destruction of the Early Phrygian Period at Gordion // Archaeology, Artifacts and Antiquities of the Ancient Near East. Sites, Cultures and Provenances. Leiden-Boston: Brill, 2013. P. 569-599* и др. статьях. По его мнению, предложенные ранние датировки не согласуются с находками из «слоя разрушения», который он по-прежнему предлагает относить примерно к 700 г. до н.э. Расхождение с C¹⁴ результатами он объясняет тем, что балки, на которых проводились анализы, были вторично использованы фригийскими строителями.

Балканского полуострова²⁸². Другое проявление фригийского «монументализирующего» мышления» – скальные рельефы и архитектура, – либо были заимствовано у анатолийских народов, либо оказались удивительно созвучны местным традициям. Ведь приспособление природных форм и применение скальной архитектуры является общей чертой древних народов, населяющих гористые регионы²⁸³. Это широко встречается у хеттов, а также у представителей пост-хеттского мира, как, например, у урартийцев и ликийцев. Фригийцы вырезали в скалах рельефы²⁸⁴, создавали «троны», ступенчатые монументы, схематические идолы, монументальные гробницы.

Вторая характерная черта фригийского искусства – особый орнаментальный язык, достигший наивысшую точку развития в оформлении памятников декоративно-прикладного искусства, предназначенных для царских погребений. Наглядным примером служат образцы мебели из тумулуса ММ в Гордионе²⁸⁵ и других погребальных комплексов (Рис. 3.3). Орнаментом было пронизано буквально все – керамика, ткани (см. рельеф из Ивриза с изображением неохеттского правителя Варпалавы²⁸⁶, одетого во фригийские одежды и носящего типичную фригийскую фибулу²⁸⁷); архитектурные терракоты, которые

²⁸² Представляет интерес вопрос о том, не смогли ли киммерийцы перенять эту традицию у фригийцев – *Marsadolov L. The Cimmerian Traditions of the Gordion Tumuli (Phrygia) Found in the Altai Barrows (Bashadar, Pazyryk) // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age. BAR International Series 890. Oxford: Archeopress, 2000. P. 247-258.*

²⁸³ *Berndt-Ersöz S. Phrygian Rock-Cut Shrines. Structure, Function and Cult-Practice. Leiden-Boston: Brill, 2006. P. 143.*

²⁸⁴ К сожалению, большинство скальных рельефов (процессии, изображения животных и людей) на территории «города Мидаса» сохранились очень плохо (единственное исключение составляет изображение жреца с жертвенным животным в Большой цистерне), их изучение и даже обнаружение затруднительно.

(Примечание к примечанию: интересная параллель к фригийским цистернам находится, например, в Тель-Хацоре, Израиль. Этот памятник датируется предположительно IX веком до н.э. – *Dever W.G. The Water Systems at Hazor and Gezer // The Biblical Archaeologist, Vol. 32, No. 3 (Sep., 1969), pp. 71-78*)

²⁸⁵ Итоговая публикация: *Simpson E. The Gordion Wooden Objects. Vol. 1: The Furniture from Tumulus MM. Leiden-Boston: Brill, 2011*

²⁸⁶ *Ehringhaus H. Das Ende, das ein Anfang war. Felsreliefs und Felsinschriften der luwischen Staaten Kleinasien vom 12. bis 8./7. Jahrhundert v. Chr. Mainz am Rhein: Nünnerich-Asmus, 2014. S. 56-57.*

²⁸⁷ *Muscarella O.W. Fibulae Represented on Sculpture // Journal of Near Eastern Studies, Vol. 26, No. 2, Apr., 1967. P. 83-84.*

использовались для облицовки зданий (образцы этих плит хранятся в археологическом музее Гордиона и др. коллекциях)²⁸⁸. Среди исследователей широко распространено мнение, что именно орнаментальные решения являются исконно «фригийским» составляющим этого искусства: «геометрический декоративный стиль, вероятно, был привнесен фригийцами в Анатолию, и развивался уже там, как часть фригийского наследия, без влияния нового, полу-ориентального [semi-oriental] окружения»²⁸⁹. Элизабет Симпсон выделяет орнамент как один из основополагающих принципов «фригийского художественного мышления» или «художественного интеллекта»²⁹⁰.

3.2.1. Фригийские тумулусы

В I тысячелетии до н.э. на территории Малой Азии получают широкое распространение тумулусы – захоронения под высоким земляным насыпью, курганом. Необходимо отметить, что раньше этот тип не встречался в регионе²⁹¹. Важнейшим исследованием малоазийских тумулусов (в первую очередь, фригийских и лидийских) является диссертация Ёзгюра Ила²⁹², а также

²⁸⁸ В целом о традиции архитектурных терракот в Малой Азии см. напр. *Åkerström Å.* Die architektonischen Terrakotten Kleinasiens. Lund, 1966. Главу о малоазийских памятниках в *Winter N.A.* Greek Architectural Terracottas from the Prehistoric to the End of the Archaic Period. Oxford, 1993. О фригийских терракотах: *Cummer W.W.* Phrygian roof-tiles in the Burdur Museum // *Anadolu* 14 (1970), pp. 29-54. О лидийских терракотах: *Ramage A.* Lydian Houses and Architectural Terracottas. Cambridge (Mass.), 1978; *Işık F.* Zur Entstehung der tönernen Verkleidungsplatten in Anatolien // *Anatolian Studies*, Vol. 41 (1991), pp. 63-86.

См. также работы К.Н. Гаврилина об архитектурной коропластике на территории Италии: *Гаврилин К.Н.* Искусство раннего Рима и Южной Этрурии... М.: Прогресс-Традиция, 2015 и др.

²⁸⁹ *Young R.S.* The Nomadic Impact: Gordion // *Dark Ages and Nomads c. 1000 B.C. Studies in Iranian and Anatolian Archaeology* /Ed. M. Mellink. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut, 1964. P. 53.

²⁹⁰ *Simpson E.* The Phrygian Artistic Intellect // *Source*. Vol. VII, No. 3/4, 1988. P. 24-42.

²⁹¹ Одним из немногих исключений является толос микенского типа в Колофоне: *Bridges R.A.* The Mysenean Tholos Tomb at Kolophon // *Hesperia*, Vol. 43., No. 2 (Apr. – Jun., 1974). P. 264-266. Но, во-первых, этот памятник не тумулус, а лишь близкий к этому типу толос, во-вторых, является исключением и маргинальным явлением (созданным местными мастерами, мало знакомыми с этой формой, для иноземного заказчика).

²⁹² *Il Ö.* Tumuli Asie Minoris. Untersuchung zu den phrygischen und lydischen Tumulusgräbern der Eisenzeit im zentralen und westlichen Kleinasien. Dissertation. Ruprecht-Karls-Universität, Heidelberg. 2009.

публикации отдельных экспедиций. На архаическом этапе в юго-западной Малой Азии (Карии и Ликийи) тоже были распространены тумулусы (см. следующие разделы этой главы).

Обратимся к фригийским тумулусам. Теперь, после уточнения датировок разрушения Гордиона, ясно, что курганы, расположенные в непосредственной близости от города, относятся именно к VIII-VII векам до н.э. В общей сложности в окрестностях Гордиона находится свыше 80 курганов разных размеров, и, поскольку город был воздвигнут в равнинной местности, эти холмы являются акцентами, задающими общий тон ландшафта. Именно в этом заключалась одна из их функций: эти вездесущие, осязаемые знаки (σῆμα) отмечали территорию и показывали вневременной статус покойника (**Рис. 3.4**).

Знаменитый «курган Мидаса» (он же «тумулус MM») является одним из самых ранних (датируется 740 годом до н.э.). Под огромной насыпью (высотой около 53 м. – второй по величине курган Анатолии после погребения лидийского Алиятта) археологи обнаружили деревянную погребальную камеру. Здесь покоился один-единственный мужчина, что только подтверждает теорию о том, что тумулус является царским²⁹³.

Погребальная камера представляет собой деревянный «дом» без окон, дверей или любого другого входа – она предполагалась для одного захоронения. Вокруг здания возвели еще одну стену – каменную. Камера строилась заранее, по смерти заказчика его тело было помещено внутрь, мастера завершили двускатное перекрытие и приступили к воздвижению кургана. Дом-гробница находилась практически по центру насыпи²⁹⁴.

3.2.2. Фригийские скальные фасады

См. также *Radt W.* Siedlungen und Bauten auf der Halbinsel von Halikarnassos. Unter besonderer Berücksichtigung der archaischen Epoche, 3, Beiheft MDA(I). Tübingen, 1970.

²⁹³ *Young R.S.* The Gordion Excavations Final Reports. Vol. 1: Three Great Early Tumuli. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981. P. 179.

²⁹⁴ *Ibid.* Fig. 50-51, 63.

Скальные фасады – соединение двух указанных характерных черт, монументализации и особого внимания к орнаменту. Скальные фасады встречаются по всей Фригии, но самые примечательные образцы сосредоточены в т.н. «городе Мидаса», или в его непосредственной близости. Это небольшая группа памятников была создана за довольно короткое время – в VI веке до н.э. На самом деле неудивительно, что столь совершенная (и заодно – завершающая) форма скального монументального искусства появляется так поздно (напомним: тумулусы, например, восходят к IX-VIII вв. до н.э., ровно как и самые первые простые идолы и ступенчатые монументы). Есть все основание предполагать, что к монументализации скальных форм фригийцы «научились» у своих анатолийских соседей, ведь, как отмечает Экрем Акургал, «на своей родине, в Юго-восточной Европе, эту традицию [Brauch] не могли знать»²⁹⁵. Другой видный специалист по региону, М. Меллинк пишет, что скальное искусство, «как таковое, имеет типично анатолийский характер»²⁹⁶ („All of this art is rock cut and as such typically Anatolian”), а первым толчком к созданию подобных памятников фригийцев могли подтолкнуть скальные рельефы центральной и западной Анатолии, т.е. хеттские и неохеттские памятники. В таком случае мы имеем дело с косвенным влиянием культур II тысячелетия до н.э. на I тысячелетие. При этом сама форма изображенного фасада сугубо фригийского происхождения²⁹⁷ – она повторяет структуру местного мегарона (об этом см. ниже).

На «Город Мидаса», расположенный рядом с деревней Язылыкая, провинция Эскишехир, и особенно на скальные фасады обратили внимание уже исследователи XIX века (в первую очередь необходимо упомянуть вклад Жоржа Перро, Шарля Шипье и Уильяма Рамзея). Первые раскопки проводились под руководством **Эмили Хаспелс** в 1937-1950 (с перерывами). Заслуживают

²⁹⁵ Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin, 1961. S. 108.

²⁹⁶ Mellink M. The Native Kingdoms of Anatolia // САН, Vol. III, Pt. 2. The Assyrian and Babylonian Empires and other States of the Near East, from the 8th to the 6th Centuries BC. Chap. 34a. /Ed. Boardman J. et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 642

²⁹⁷ Ibid. P. 641.

внимание изданные недавно мемуары Хаспелс, написанные, с одной стороны, от лица археолога, а с другой – вполне в духе путевых заметок XIX века²⁹⁸.

Самым известным примером является т.н. «Монумент Мидаса» (Рис. 3.5). Огромный по своим размерам фасад снабжен архитектурными элементами, а его основная поверхность плотно заполнена четким геометрическим узором. Орнаментальная система продуманная и сложная: за основу берется мотив из пяти крестов, далее они организуются в более сложный, «плетенный» узор. Неудивительно, что У. Рамзей и другие исследователи возводили скальные фасады к плетеным коврам и ширмам, за которыми скрыто изображение божества²⁹⁹. В нижней части фасада располагается ниша, в которой когда-то находилась статуя.

Эти скальные памятники являлись культовыми фасадами, перед которыми проводились религиозные ритуалы. На данный момент нет свидетельств о том, имели ли фригийцы именно храмы-здания, храмовые постройки: все указывает на то, что основные священнодействия разворачивались под открытым небом. Подобные фасады отмечали место культа, а также сами по себе являлись вотивными, посвятельными дарами. Сам культ включал, в первую очередь, поклонение Великой Матери. Фригийцы называли ее просто «Матерью», “*Matar*”, в греческой традиции известной под именем «Кибела». Фасад – это ее небесный дом, во воротах которого она является поклоняющимся. Известны более ранние (VIII-VI вв. до н.э.) вотивные рельефы, изображающие богиню в нише, обрамленной архитектурными элементами. Орнаментальное оформление этих памятников вполне согласовывается с нашими представлениями о фригийских декоративных принципах: на одном из рельефов из Музея анатолийских цивилизаций в Анкаре по двум сторонам от ниши «стены» украшены

²⁹⁸ *Haspels E.C.H. I Am the Last of the Travelers: Midas City Excavations and Surveys in the Highlands of Phrygia. /eds. D. Berndt, H. Çambel. Istanbul: Archaeology and Art Publications, 2012.*

²⁹⁹ *Ramsay W.M. Sepulchral Customs in Ancient Phrygia // JHS, Vol. 5 (1884). P. 241-262.*

вертикальным фризом меандров³⁰⁰. На другом, более крупном, рельефе из того же собрания нишу фланкируют композитные существа-стражи³⁰¹. Иконографически они явно восходят к хеттским образцам (например стража при входе в «камеру Б» святилища в Язылыкае). Фригийцы контактировали и с сиро-хеттскими княжествами, в искусстве которых эти образы тоже были распространены³⁰², и могли опираться на их памятники.

Далее, отметим, что скальные монументы часто имитируют структуру фригийского мегарона, чья типология достаточно хорошо известна по раскопкам Гордиона³⁰³. Однако при «переносе» на скалу все сводится к фасаду – судя по всему, самой важной в семантическом отношении части постройки. Вероятно, можно вести речь об обнаружении «в присущей архитектуре стереометрии той определенной доли двухмерности, которая и связывает архитектурный образ со всякими иными визуальными образами»³⁰⁴. Скальные фасады не мыслятся, как «здания» или постройки – они мощные религиозные образы, знаки. Огромный «Монумент Мидаса» занимает поверхность скального выступа лишь сравнительно небольшой толщины. Другой памятник, Арслан-таш («Львиная скала», провинция Афьонкарахисар), образован из остроконечной, одинокой

³⁰⁰ Akurgal E. Die Kunst Anatoliens..., Abb. 60-61. Roller L.E. In Search of God the Mother: The Cult of Anatolian Cybele. Berkeley: University of California Press, 1999, Fig. 8. Датировка: VII в. до н.э. (Roller), вторая половина VI в. до н.э. (Akurgal).

³⁰¹ Фотография: Roller L.E. In Search..., Fig. 9. Прорисовка: Berndt-Ersöz S. Phrygian Rock-Cut Shrines..., Fig. 118.

В дальнейшем может оказаться плодотворным сравнение анатолийских «богинь в архитектурном обрамлении» с иконографией «дамы в окне» (Хатхор), а также с необычной капителью из Библоса – Stern E. The Phoenician Architectural Elements in Palestine during the Late Iron Age and the Persian Period // The Architecture of Ancient Israel from the Prehistoric to the Persian Periods /Ed. A. Kempinski, R. Reich. Jerusalem: Israel Exploration Society, 1992. P. 304, Fig. 4.

³⁰² Например образы людей со львиными головами: Orthmann W. Untersuchungen... S. 310-316.

³⁰³ См. например: The Archaeology of Phrygian Gordion, Royal City of Midas: Gordion Special Studies 7 / Ed. B.C. Rose. Philadelphia, 2013.; Sams G.K. Aspects of Early Phrygian Architecture at Gordion // Anatolian Iron Ages 3: The Proceedings of the Third Anatolian Iron Ages Colloquium held at Van, 6-12 August 1990 / Ed. A. Çilingiroğlu, D.H. French. P. 211-220.

³⁰⁴ Ванеян С.С. Тело символа... С. 32.

скалы, которой была придана форма «фригийского колпака»³⁰⁵. Возможно, здесь мы имеем дело с двойным действием: сама скала изначально имела колпакообразную форму, являлась по своим природным признакам выделяющимся, особым объектом, и как таковой, служила хорошей основой для культового фасада. Мастера усилили аналогию и снабдили скалу дополнительным смыслом. Но при этом ни в одном памятнике мы не увидим стремления превратить скалу в трехмерное здание. Даже при наличии необходимой каменной массы, боковые стены не изображаются. Противоположный подход демонстрируют знаменитые ликийские скальные гробницы (имитирующие на первых порах деревянные дома), где изображается не только главный фасад, но еще, при возможности³⁰⁶, дополнительные стороны (об этом см. в соответствующем разделе, посвященном ликийскому искусству в четвертой главе).

«Гиацинтовый монумент», расположенный на территории «города Мидаса», является интересной вариацией на тему скальных фасадов (**Рис. 3.6, 3.7**). Этот памятник значительно меньше и представляет собой лишь культовую нишу с небольшим фронтоном. Флоральный акротерий в форме гиацинта стал основой для названия памятника. По типологии он значительно ближе к упомянутым выше вотивным изображениям Матар. Внутренние стены покрыты великолепным сплошным узором с крестами (напоминающим полиставрий святителей на православных иконах).

О способах работы фригийских мастеров мы можем судить по двум монументам. Один из них, т.н. **«Незаконченный монумент»**, находится на территории «Города Мидаса» и представляет собой верхнюю половины скального фасада (**Рис. 3.8, 3.9**). Другой фасад, **«монумент Ареястис»** (Areyastis, по всей

³⁰⁵ Необходимо напомнить, что этот головной убор является атрибутом Аттиса, мужского божества фригийского происхождения – возлюбленного Кибелы.

³⁰⁶ Не стоит забывать, что скальные памятники сильно ограничены материалом и то или иное решение (например, стремление к объемности или плоскостности) может являться последствием природных характеристик обрабатываемого камня.

видимости, эпитет Матар³⁰⁷ ~ «Кибела Ареастида»), является копией «Незаконченного монумента», повторяет все орнаментальные и пластические псевдо-конструктивные решения (Рис. 3.10). В «монументе Ариястис» отсутствует большая культовая ниша в нижней части фасада – возможно, что этот памятник тоже не завершен. Однако он снабжен обширными надписями (самыми длинными в корпусе старофригийских текстов), выполненных в разное время. Наряду с вотивными текстами встречается и грозное предупреждение – «да будет проклят Великой Матерью тот, кто станет верховным жрецом и разместит свое имя здесь» (т.е. тот, кто после изначально посвятившего (донатора) попытается присвоить себе памятник). Эта надпись позволяет судить об огромной общественной роли фригийских скальных фасадов.

Несмотря на то, что мы с полной уверенности можем говорить о вотивно-культовой функции этих фасадов и о их связи с Матар/Кибелой, нет научного компромисса по поводу деталей этого культа³⁰⁸. Особую сложность представляет та проблема, что скальные фасады были созданы в VI веке до н.э., т.е. в эпоху лидийского владычества. Сюзанна Берндт-Эрсёз в своей монографии (на данный момент – самом полном труде о фригийских скальных монументах) выдвинула тезис, согласно которому появление монументальных скальных фасадов именно в это время связано с лидийским царским заказом и стремлением новых правителей и вельмож утвердить свою власть на фригийских территориях посредством

³⁰⁷ Этот эпитет, возможно, имеет топографическое происхождение: *Lubotsky A. The Old-Phrygian Areyastis-inscription // Kadmos, 27/1 (1988). P. 9-26.*

С другой стороны, возможно, что эпитет восходит к лувийскому слову «гора, возвышенность» (в сочетании «бог Грозы гор»), об этом см. *Hutter M. Aspects of Luwian Religion // The Luwians. /Ed. H.C. Melchert. Leiden-Boston: Brill, 2003. P. 238* и комментарий в рецензии *Yakubovich I. The Luwians [Review] // Journal of Near Eastern Studies, 66/2 (2007). P. 143.* В таком прочтении *materan areyastin* = «Мать гор», «Горная мать».

³⁰⁸ Отметим также, несмотря на то, что Матар имела главенствующую позицию в фригийском пантеоне, наряду со своим спутником, культ и религия фригийцев не сводился лишь к почитанию этой богини. Об этом свидетельствуют, например, «полу-иконические» идолы: *Roller L.E. Phrygian Semi-Iconic Idols from Gordion // Anatolian Iron Ages 7: The Proceedings of the Seventh Anatolian Iron Ages Colloquium held at Edirne, 19-24 April 2010 / Ed. A. Çilingiroğlu, A. Sagona. Leuven-Paris-Walpole: Peeters, 2012, pp. 221-252.*

крупных, видных посвящений³⁰⁹. Не до конца ясно значение мужского (и, по сути, не изображенного) божества во фригийской религии. Возможно, его роль «играли» сами посвящители – верховные жрецы. Посвящение, например, «Монумента Мидаса», собственно, Мидасу, усложняет ситуацию. Эти факты могут указывать на то, что образ правителя был интегрирован в культ Матар (по крайней мере, в практике VI века до н.э.), а также на то, что скальные фасады могли иметь функцию, сходную с героонами – т.е. данный памятник можно понимать, как своеобразный «Мидасейон». Возможно, что полумифический царь (или скорее – несколько одноименных царей) мог выступать после смерти в роли посредника между подданными и богами. Тезис о лидийском заказе хорошо сочетается с такой реконструкцией – лидийцы пытались установить связь с древними фригийскими правителями, занять их место.

3.2.3. Керкенес Даг

Долгое время фригийская археология ограничивалась результативными, но все же – точечными, раскопками в Гордионе. На настоящий момент имеется еще несколько комплексов, заслуживающих внимание. Один из них – **Керкенес Даг** в северной части Каппадокийской равнины³¹⁰.

В отличие от Гордиона, имеющего глубокие исторические корни, город в Керкенес Даге был основан сравнительно поздно – в конце VII века до н.э., и просуществовал недолго; был разрушен около 550 г. до н.э.³¹¹ По всей видимости, основная планировка города была продумана сразу же при основании, и на протяжении существования поселения строители не отходили от заданных ориентиров. Керкенес Даг с большой вероятностью можно отождествить с древним городом Птериа, упоминаемым в том числе и у Геродота³¹². Вопрос о том, кто же собственно основал город, до сих пор остается открытым. Это период

³⁰⁹ Berndt-Ersöz S. Op. cit.

³¹⁰ Сайт экспедиции с годовыми отчетами: <http://www.kerkenes.metu.edu.tr>

³¹¹ Draycott C., Summers G. Sculpture and Inscriptions from the Monumental Entrance to the Palatial Complex at Kerkenes Dağ, Turkey. Chicago: Oriental Institute, 2009. P. 59.

³¹² Hdt, I.76 – при Птерии произошла битва между лидийцами и персами.

после падения Фригийского царства Мидаса, когда на эти территории претендовали, с одной стороны, Лидия (династия Мермнадов), а с другой – мидяне. Дж. Саммерс в 1997 году выдвинул предположение, что город был основан мидянами³¹³, однако после основательных раскопок конца 1990-ых – 2000-ых гг., он и его коллеги склонны думать, что Керкенес Даг/Птериа мог быть «позднефригийским» (или даже пост-фригийским) образованием, возможно – центром нового княжества между анатолийскими державами³¹⁴. Обилие памятников фригийского характера, а также наличие нескольких старофригийских надписей подтверждают эти тезисы, но необходимо помнить, что по материальной культуре не всегда можно определить ни этнический, ни политический характеры основателей города.

Керкенес Даг имел мощные фортификации, с общей протяженностью стен около 7 км и с семью воротами. Общая площадь – 271 га. Северную часть занимали обычные жилые постройки³¹⁵. В южной части располагался т.н. «дворцовый комплекс», который был окружен дополнительной внутригородской стеной, однако эти стены не являлись защитными (фортификационными) – либо строители города не успели таковые воздвигнуть, либо считали их ненужными, ввиду лояльности населения³¹⁶. Другим вариантом, сейчас уже более вероятным, является то, что здесь находился не «дворец» (т.е. не резиденция правителя), а святилище (об этом см. ниже).

Из семи ворот были раскрыты одни – юго-восточные, т.н. «Каппадокийские». Благодаря хорошему состоянию (каменная кладка сохранилась в некоторых местах до высоты 5 м.) мы можем составить общее впечатление о фортификациях Керкенес Дага (**Рис. 3.11, 3.12**).

³¹³ *Summers G.D. The Identification of the Iron Age City on Kerkenes Dağ in Central Anatolia // Journal of Near Eastern Studies, Vol. 56, No. 2 (Apr., 1997), pp. 81-94.*

³¹⁴ *Draycott C., Summers G. Op. cit. P. 58.*

³¹⁵ Планы и аэросъемку см. в *Draycott C., Summers G. Op. cit., Pl. 1-2.*

³¹⁶ *Summers G.D. The Identification... P. 81.*

Монументальный комплекс «Каппадокийских ворот» имел пять башен. Три из них находились на внешней стороне, две – на внутренней³¹⁷. Проход открывался между южной и центральной башнями. После этого посетитель попадал в центральную зону, мощенную камнем и имеющий достаточно крутой склон. За этим склоном, между двумя башнями задней стены открывались двойные ворота, ведущие уже в город.

В здании ворот находилось несколько статуй. Сразу после первого прохода в стену был вмонтирован идол (прямоугольное тело с круглой «головой»), имеющий совершенно гладкую поверхность от частого прикосновения проходящих мимо людей. Перед первыми воротами находился фригийский аниконический идол (выс.: 92 см), который был вставлен в верхнюю ступень перед входом в город. Эта конфигурация (идол на ступенях) является типичной для Фригии³¹⁸. Любопытно, что непосредственно после юго-восточных ворот в фригийской крепости Богазкея стоял идол в нише³¹⁹.

В комплексе «Каппадокийских ворот» на последнем пороге до города в углу была найдена база для статуи, украшенная рельефным изображением двух сфинксов³²⁰. От статуи, стоявшей некогда над сфинксами, сохранился обломок нижней части (вставленный в базу) и два небольших фрагмента. К сожалению, этих частей недостаточно для определения изображенной фигуры³²¹. Ближайшим формальным аналогом к «чешуйчатому орнаменту» одного из фрагментов является, на наш взгляд, одеяния хеттских и (редких) неохеттских «богов гор»³²².

³¹⁷ План: *Osborne J.F., Sumner G.D. Visibility Graph Analysis and Monumentality in the Iron Age City at Kerkenes in Central Turkey // Journal of Field Archaeology, Vol. 39, No. 3, 2014, Fig. 3.*

³¹⁸ *Berndt-Ersöz S. Phrygian Rock-Cut Shrines. Structure, Function and Cult-Practice. Leiden-Boston: Brill, 2006, pp. 40-49, 49-59.*

³¹⁹ *Bittel K. Hattusha. Capital of the Hittites... P. 146, Fig. 35. См. также Fig. 37 – идол.*

³²⁰ Фотография: *Branting S. Kerkenes Dağ // The Oriental Institute. 2011-2012 Annual Report, Fig. 12. Зарисовка: Osborne J.F., Sumner G.D. Visibility..., Fig. 5/C.*

³²¹ *Summers G. et al. The Kerkenes Project. A Preliminary Report on the 2011 Season. P. 51, Fig. 91. [Electronic resource] URL: <<http://www.kerkenes.metu.edu.tr/kerk2/17downlds/reportPdf/11kerkrepeng.pdf>> (дата обращения 2015-08-08).*

³²² Напр. рельефы из Айн-Дары – *Orthmann W. Untersuchungen zur späthethitischen Kunst. Bonn: Habelt, 1971, Taf. 3-b, 3-c.*

Однако «боги гор» никогда не изображаются в одиночку (и на данный момент встречаются только на рельефах). К сожалению, без новых находок идентификация этой статуи невозможно.

Однако контекст фигуры (база со сфингами и нахождение в непосредственной близости от ворот) указывает на то, что это мог быть изображением бога, как это часто встречалось в сиро-хеттских комплексах.

Например, проходя через Южные ворота Каратепе (VIII-VII вв. до н.э.) (**Рис. 3.13**), посетитель обнаруживал себя лицом к лицу со статуей бога грозы, которая стояла в непосредственной близости (**Рис. 3.14**). Этот образ (стоящий на двух быках) был снабжен большой надписью, прославляющей правителя – Азативаду³²³. Многочисленные финикийские и/или лувийские тексты из Каратепе, составленные по одной схеме, описывают подвиги и деяния царя, устанавливают его связь с богами. Надпись на статуе также дает указания, какие именно жертвоприношения необходимо совершать, чтобы обеспечить процветания народа. На этом примере хорошо читается, как одна из ролей правителя, гаранта благополучия страны, демонстрируется в монументальном контексте.

Заслуживает интерес и статуя с т.н. «Чинекёйской надписью»³²⁴. Она представляет собой изображение бога на колеснице, запряженной быками³²⁵. Такая композиция встречается на неохеттских рельефах³²⁶, но в круглой скульптуре это, пожалуй, единственный пример: бог обычно стоит непосредственно на спинах животных.

³²³ Финикийский текст (PhSt/C) и перевод: *Çambel H. Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Vol. II: Karatepe-Arslantaş. The Inscriptions: Facsimile Edition. Berlin-New York: de Gruyter, 1999. P. 63-68. Схема расположения скульптурного декора Южных ворот и статуи бога: ibid., Pl. 89.*

³²⁴ *Tekoglu R., Lemaire A., Ipek, K. Tosun. La bilingue royale louvito-phénicienne de Çineköy // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 144e année, N. 3, 2000, pp. 961-1007.*

³²⁵ Отметим, что на хеттских религиозных праздниках культовая статуя бога грозы перевозилась на колеснице с быками: *Bryce T. Life and Society... P. 195. См. также Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы... С. 23-24.*

³²⁶ Напр. в Арслантепе (*Orthmann W. Untersuchungen... Taf. 41-f*) и Каркемише (*Orthmann W. Untersuchungen... Taf. 20-d*).

В перечисленных сиро-хеттских образцах животные (быки) смотрят на зрителя, а «база» является интегральной частью статуи: бог стоит на спинах священных зверей (памятник из Чинекёя вообще является «классической» скульптурной группой бога на колеснице). В отличие от них, база из Керкенеса по своей конфигурации является горизонтальным рельефным панно, в корпус которого врезана ниша для идола; а сфинги изображены в профиль и образуют симметрическую, «геральдическую» композицию, как это часто бывает на сиро-хеттских ортостатах³²⁷. Таким образом, база и статуя из Керкенеса, с одной стороны, по своей функции и местоположению обнаруживает сходство с сиро-хеттскими памятниками (опережающими ее на один-два века), но, с другой стороны, в целом принадлежит другой линии.

Этот особый характер, сочетающий элементы позднехеттского и фригийско-анатолийского искусств, отчетливо проявляется еще в одной группе памятников, происходящих из Керкенес Дага.

С начала 2000-ых годов археологи исследуют и т.н. «дворцовый комплекс» в южной части города. Как уже говорилось, исследователи теперь больше склонны к тому, что здесь находился ритуальный центр³²⁸.

Ворота, в отличие от «Каппадокийских», имели, в первую очередь, репрезентативную функцию. Посетитель проходил по прямой дороге между двумя массивными башнями³²⁹: пока в здании Каппадокийских ворот он был вынужден останавливаться в промежуточном пространстве, потом продолжать движение по измененной траектории. Если ворота были отперты, то перед человеком, продвигающемся по мощенной дороге, открывался вид на площадку и два главных здания комплекса.

³²⁷ Об антитетических композициях в позднехеттском изобразительном искусстве см.: *Orthmann W. Untersuchungen...* S. 448-457.

³²⁸ *Summers G.D., Summers F. The Kale at Kerkenes Dağ: An Iron Age Capital in Central Anatolia // Cities and Citadels in Turkey: From the Iron Age to the Seljuks /Ed. S. Redford, N. Ergin. Leuven-Paris-Walpole: Peeters, 2013. P. 153.*

³²⁹ План: *Osborne J.F., Summer G.D. Visibility Graph Analysis...*, Fig. 6.

Одно из этих зданий – колонный зал, возможно – для приемов. Оно состояло из двух помещений. Во втором, квадратном в плане (размер сторон – около 20 м.), находилось два ряда по шесть деревянных колонн на базах из песчаника³³⁰. Другая постройка, т.н. «здание из тесанного камня» (*Ashlar Building*), нижняя часть стен которой была сложена из крупных, хорошо обработанных блоков гранита³³¹. По своим размерам она значительно уступала колонному залу. Конфигурация и пропорции сближают эту постройку с мегаронами.

По удачному выражению исследователей, небольшая группа центрально-анатолийской монументальной скульптуры свидетельствует о «родственной визуальной культуре» с современной ей греческой, однако содержит ряд неожиданных элементов³³², которые в определенной мере являются продолжением неохеттской и собственно фригийской традиций.

3.3. Лидия

Судьба Лидии во многом схожа с Фригией – не только в историческом, но и в историографическом и археологическом плане. Причем «историографическое» родство начинается с восприятия этих народов древними греками: и лидийцы, и фригийцы предстают перед нами в античных мифах как богатые, могущественные владыки, происходящие из знатных династий³³³. В середине VII века до н.э. в

³³⁰ О возможной связи этого здания с персидскими ападанами см.: *Gopnik H. Why Columned Halls? // The World of Achaemenid Persia. History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East /Ed. J. Curtis, St. J. Simpson. London: I.B. Tauris, 2010, pp. 195-206.*

³³¹ *Stronach D., Summers G.D. The Ashlar Building at Kerkenes Dağ : An interim report // Anatolia Antiqua, Tome 11, 2003. pp. 111-129.*

³³² *Draycott C., Summers G. Sculpture and Inscriptions.... P. 9, 59-61.*

³³³ Об античных источниках о Лидии см. еще *Pedley J.G. Ancient Literary Sources on Sardis. Cambridge: Harvard University Press, 1972.*

Лидии начинают чеканить первые в мире монеты – в этом вопросе Геродот³³⁴ и современная нумизматика³³⁵ придерживаются единой точки зрения.

Археологически Фригию мы знаем, в первую очередь, по раскопкам Гордиона (к счастью, в последнее время ситуация меняется к лучшему! – см. предыдущий подраздел), и пока по Лидии доминирует тоже один комплекс – Сарды.

Научное исследование Лидии началось с середины XIX века, когда Шпигельталь в 1853 году раскопал тумулус Алиатта. Последовали и другие работы, но первые значительные комплексные результаты по Сардам принесли работы американской археологической экспедиции совместно с турецкими археологами в 1910-1914 гг.³³⁶ С 1958 г. археологические работы в Сардах вела американская экспедиция под руководством Дж. Ханфмана³³⁷.

К сожалению, некоторые важнейшие памятники не дошли до нас. Знаменитый дворец Креза, построенный, по сведениям Витрувия, из кирпича³³⁸, не был обнаружен археологами, о его местонахождении ведутся споры.

Акрополь Сардов во времена Креза уже точно имел мощные фортификации³³⁹, но вполне возможно, что город был укреплен раньше – об этом сохранились легенды³⁴⁰. Александр Македонский при взятии города дивился

³³⁴ *Hdt.* I.94.

³³⁵ *Konuk K.* Asia Minor to the Ionian Revolt // *The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage* /Ed. W. Metcalf. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 43.

³³⁶ *Соловьева С.С.* Троянское, Фригийское и Лидийское царства... С. 177.

³³⁷ Основная публикация: *Hanfmann G.M.A.* Sardis from Prehistoric to Roman Times 1958-1975: Results of the Archaeological Exploration of Sardis. Cambridge-London: Harvard University Press, 1983. См. еще: *Hanfmann G.M.A.* On Lydian Sardis // *From Athens to Gordion: The Papers of a Memorial Symposium to Rodney S. Young.* /Ed. K. DeVries. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1980. P. 99-132.

³³⁸ *Витрувий.* II.8.10.

³³⁹ *Greenewalt Jr. C.H.* Sardis: A First Millenium B.C.E. Capital in Western Anatolia // *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia.* / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 1117-1118, Fig. 52.3-5.

Cahill N. The City of Sardis // *The Lydians and Their World = Lidyalılar ve Dünyaları* /Ed. N.D. Cahill. Istanbul, 2010. P. 75-81.

³⁴⁰ *Hdt.* I.84. Царь Мелес воздвиг не только физические стены, но снабдил город символической защитой: «Мелес же приказал обнести льва вокруг остальной стены, где крепость была легко

лидийским стенам (или их расширенному персами варианту): «место показалось ему неприступным: очень высокое, обрывистое, оно было еще обведено тройной стеной»³⁴¹. По мнению Кэхилла, стены Сардов были сравнимы с фортификациями современных им месопотамских центров, а среди греческих городов только Смирна могла соревноваться с ними³⁴².

При этом любопытно, что оборонительные системы Смирны практически не обнаруживают современных им аналогий на территории материковой Греции. В Элевсине и Фесте были обнаружены стены геометрического времени, однако эти постройки были построены не раньше конца VIII века до н.э.³⁴³ и не являлись фортификационными.

В конце VII-VI вв. до н.э. ряд ионийских городов укрепляется, в первую очередь в связи с опасностью лидийской агрессии. Литературные свидетельства и археологические данные об этих постройках наглядно обобщены в работе А.М. Гривса³⁴⁴. К сожалению, несмотря на былое величие ионийских фортификаций, они дошли до нас в плохой сохранности. Стены архаического Милета (построенные еще в начале VII в. до н.э.) «утонули» в аллювиальной почве. Лучше обстоит дело с Фокеей. Археологи долго не могли найти следы крепостных стен в этом городе, хотя, согласно сведениям Геродота, он имел мощные фортификации³⁴⁵. В 1990-ые годы под (погребальным) курганом Малтепе

уязвимой для нападения» - лев (геральдическое животное для Сардов и Лидии) этот был рожден наложницей.

³⁴¹ *Arr.* I.17 (3)

³⁴² *Cahill N.* The City of Sardis... P. 80.

³⁴³ *Snodgrass A.* The Dark Age of Greece. An Archaeological Survey of the Eleventh to Eighth Centuries. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1971. P. 298.

³⁴⁴ *Greaves A.M.* The Land of Ionia: Society and Economy in the Archaic Period. Chichester-Malden: Wiley-Blackwell, 2010. P. 156-163.

³⁴⁵ Тартесский царь Арганфоний, покровитель фокейцев, «услышав об усилении могущества лидийского царя, дал [фокейцам] денег на возведение стен в их городе. Дал же он денег, не скупясь, так как окружность стен [Фокеи] составляет немало стадий, а вся стена состоит целиком из огромных тщательно прилаженных камней» – *Hdt.* I.163.

был обнаружен большой, хорошо сохранный отрезок архаической стены, относящийся к 590-580 гг. до н.э.³⁴⁶

Территория храма (и святилища) Артемиды было достаточно хорошо изучено, однако, как и во многих других местах в Сардах, удалось обнаружить лишь немного памятников, относящихся к ранним периодам (доэллинистическим). Знаменитый большой псевдодиптер Артемиды раннеселевкидского времени³⁴⁷ был раскрыт еще экспедицией Батлера (1910-1914), и было предположено, что он стоит на месте более раннего храма эпохи Креза. Эта гипотеза не была подтверждена дальнейшими работами.

Заслуживает большой интерес архаический алтарь (т.н. «лидийский алтарь» [Lydian Altar, LA 1]) (Рис. 3.15, 3.16). Это самая древняя архитектурная находка на территории священного участка Артемиды, относится к концу VI века до н.э. По сегодняшнему состоянию это трехступенчатая конструкция, в плане близкая к квадрату (8.14 x 8.82 м)³⁴⁸, но, по всей видимости, изначально памятник не был ступенчатым – верхние ряды кладки не дошли до нас. Он находится непосредственно перед более поздним храмом: по сути здание храма было пристроено к уже существующему алтарю. Это позволяет предположить, что архаический культ Артемиды Сардской включал в себя, в первую очередь, обряды у большого алтаря под открытым небом. Можно также провести параллель между алтарем Артемиды и алтарем на мысе Монодендрии близ Милета³⁴⁹. В Герайоне на Самосе была выявлена последовательность из семи алтарей, предшествующих алтарю и храму архитекторов Ройка и Феодора³⁵⁰.

³⁴⁶ Özyiğit Ö. Recent Work at Phokaia in the Light of Akurgal's Excavations // *Anadolu / Anatolia*, 25, 2003. P. 116. Фотография: *Greaves A.M. The Greeks in Western Anatolia...* P. 506, Fig. 21.3.

³⁴⁷ План: *Yegül F. The Temple of Artemis // The Lydians and Their World = Lidyalılar ve Dünyaları* /Ed. N.D. Cahill. Istanbul, 2010. P. 368, Fig. 4.

³⁴⁸ *Ratté C. Lydian Architecture. Ashlar Masonry Structures at Sardis.* Cambridge: Harvard University Press, 2011. P. 123, Fig. 266-267.

³⁴⁹ *Dinsmoor W.B. The Architecture of Ancient Greece: An Account of its Historic Development.* P. 140, Fig. 51.; *Hoffmann H. Foreign Influence and Native Invention in Archaic Greek Altars // AJA*, Vol. 57, No. 3 (Jul., 1953). P. 189.

³⁵⁰ *Hoffmann H. Op. cit.* P. 192-193.

Об облике несохранившихся сардских храмов, возможно, позволяет судить уникальный памятник, найденный в 1963 году (**Рис. 3.17, 3.18**). Это votivный алтарь (?), высеченный из целого блока мрамора, изображающий богиню, стоящую в святилище³⁵¹. Высота – 62 см. Произведение датировано 540-530 гг. до н.э. Сам этот мотив (богиня в воротах храма) известен и по лидийским, и по несколько более ранним фригийским памятникам, однако, как правило, изображается лишь фасад. В данном же случае, мастера высекали из камня целое здание, изобразили его со всех сторон. Оно представляет собой прямоугольную постройку. По углам расположены трехчетвертные колонны ионического (или прото-ионического) ордера, между ними – по одной полуколонне на каждой стороне кроме главной, где центральное место занимает изображение ворот с богиней. Стены между колоннами боковых и задней стен разделены двумя горизонтальными полосами на отдельные прямоугольные панели с рельефными изображениями. На левой стороне высечены фигуры дев (кор), танцоров и комастов. На правой стороне – две коры; а также изображения львов. Каждая фигура занимает свой отдельный отсек, однако позы и направление движения позволяют говорить о том, что изображения следует воспринимать едино, т.е. по двум сторонам представлены две процессии, направляющиеся к входу святилища (к центральному фасаду). Львы – постоянный атрибут Кибелы. Фигуры танцоров и комастов, вероятно, указывают на оргиастический характер культа богини. Культ лидийской Кибелы весьма хорошо реконструируется по этому памятнику³⁵². На задней стене расположено шесть сюжетных композиций, среди них и узнаваемые мифологические сцены (Геркул и немейский лев), терзания животных, сцена с колесницей (**Рис. 3.19**).

По предположению Ханфмана, скульптор, возможно, воспроизводил в камне конкретную сардскую постройку 570-560-ых годов до н.э. (т.е. времени

³⁵¹ Hanfmann G.M.A., Ramage N.H. *Sculpture from Sardis: The Finds Through 1975-1978*. Cambridge: Harvard University Press, 1978. P. 43-51, Fig. 20-50.

³⁵² Hanfmann G.M.A. *Sardis...*, 1983. P. 92.

правления Алиатта или Креза)³⁵³. Это либо храм Кибелы, сожженный ионийцами в 499 году до н.э.³⁵⁴, либо, что более вероятно, одно из множества менее крупных святилищ. Кристофер Раттэ, наоборот, склонен считать, что этот памятник не является изображением какого-либо конкретного здания³⁵⁵.

С одной стороны, этот памятник сильно выбивается из общего типологического ряда вотивных рельефов Кибелы своей «трехмерностью». На наш взгляд, объемное решение сардского памятника находит параллели скорее не в фригийско-лидийском кругу, а в некоторых сиро-хеттских «архитектурных» надгробиях. Оба интересующих нас памятника происходят из Мараша. Это, во-первых, маленький рельеф (обозначенный Ортманном как «алтарь») с изображением сидящей на троне женщины. На правой стороне блока высечен дверной проем. Изображение вписано в раму, а сам памятник имеет форму зубчатой башни³⁵⁶. Во-вторых, это надгробие примерно такого же размера, но более сложной конфигурации. Камню в этом случае тоже придана форма башни с зубчатым завершением, но лицевая сторона имеет дополнительные элементы, явно «архитектурного» характера (горизонтальная балка с членением, напоминающим триглифы). Изображена сидящая женщина в профиль, в руках она держит веретено. Ее сопровождают две женщины, стоящие за ней. На торцевых и задней сторонах надгробия изображена процессия женщин в длинных одеждах, с покрытой головой и с предметами в руках (по одной фигуре на левой и правой сторонах, три фигуры на задней стороне). Датируется серединой VIII века

³⁵³ *Hanfmann, Ramage*. P. 45.

³⁵⁴ Святилище было сожжено в ходе ионийского восстания: *Hdt.* V.102. *Murray O.* The Ionian Revolt // *Cambridge Ancient History IV*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 483. См. также *Berndt-Ersöz S.* Kybele on Fire! The Significance of the Goddess in the Ionian Revolt // *Perspectives on Ancient Greece. Papers in celebration of the 60th anniversary of the Swedish Institute at Athens* /Ed. A.-L. Schallin. Stockholm, 2013. P. 153-171.

³⁵⁵ *Ratté C.* Lydian Architecture. Ashlar Masonry Structures at Sardis. Cambridge: Harvard University Press, 2011. P. 16

³⁵⁶ *Orthmann W.* Untersuchungen... P. 88, 527, Taf. 46/g.

до н.э.³⁵⁷ В этом памятнике мы видим тот же принцип расположения процессии «вокруг» стелы, как в более позднем алтаре из Сард.

С другой стороны, как и множество подобных фригийских и лидийских вещей, этот памятник действительно скорее является абстрактным изображением божественного дома-храма. Высокая конкретизация, точнее – детализация, архитектурного облика и убранства говорит скорее о высоком статусе и богатстве заказчика (посвятителя). Архитектурные элементы, по всей вероятности, имеют много общего с «реальными» зданиями, однако, как практически все древние «архитектурные модели», являются сводными, обобщенными изображениями. Тем не менее, это произведение действительно можно считать уникальным – своего рода экспериментом. Возможно, мастер опирался на опыт сиро-хеттских скульптурных надгробий. Эта форма позволила вместить в изображение не только привычный фасад с богиней, но еще и целый ряд важных дополнительных элементов. Располагая эти фигуры в таком контексте, мастер находит уникальный способ сочетания скульптуры и архитектурных форм; эти решения, несомненно, находят отражение и в скульптурном убранстве монументальной архитектуры, например, в декоре храма Артемиды в Эфесе.

Впрочем, примерно к тому же времени (540 г. до н.э.) относится и другой любопытный фрагмент: база из Кизика с изображением танцующих юнош и дев³⁵⁸, что позволяет говорить о бурном развитии архитектурной пластики в середине-второй половине VI века до н.э.

Помимо «восточных» элементов, в памятнике с Кибелой из Сардов на первый план выходит и очень сильное влияние ионийских греков. Дж. Бордмэн считает, что данное произведение «сделано руками греков» по лидийскому заказу (указывая на греческий характер трактовки складок, колонн и мифологических

³⁵⁷ *Schachner S., Schachner A.* Eine spät-hethitische Grabstele aus Maraş im Museum von Antakya // *Anatolica*, No. 22, 1996, S. 203-26.

³⁵⁸ *Akurgal E.* Kunst Anatoliens... Abb. 200. *Ridgway B.S.* Prayers in Stone. Greek Architectural Sculpture ca. 600-100 B.C.E. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1999. P. 42.

сюжетов)³⁵⁹. Да, стилистически эта вещь действительно выполнено в «греческом ключе», однако сама конфигурация архитектурных и дополнительных рельефных элементов указывает на особый лидийский заказ и особое локальное понимание образа сакральной архитектуры. «Заполнение» стены рельефами, обильное применение рельефного декора, как нам кажется, признак малоазийской и ближневосточной архитектурной традиции. В этой особенности прочитывается реминисценция, например, обильного применения бронзовых пластинок с рельефами на стенах и опорах ассирийских монументальных сооружений³⁶⁰.

Однако сложнее обстоит дело с расписными архитектурными терракотами, распространенными как во Фригии, так и в Лидии, но при этом имеющие неопределенное происхождение. По мнению Бордмэна они тоже выполнены исключительно в «греческом стиле»³⁶¹. Другие исследователи, например Л. Саммерер, проводившая тщательный анализ этих произведений, также придерживаются такого мнения³⁶². Однако происхождение этой формы (т.е. вопрос о том, были ли они впервые применены в центральной Малой Азии или в Ионии) до сих пор неясно.

После обзора памятников Сардов, обратимся к лидийской погребальной архитектуре.

3.3.1. Погребальные сооружения Лидии

³⁵⁹ Boardman J. *The Diffusion of Classical Art in Antiquity*. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 26.

³⁶⁰ См. напр. бронзы из Хорсабада (Дур-Шаррукина) и Балавата: Frankfort H. *The Art and Architecture...* P. 163-165.

³⁶¹ Boardman J. *The Diffusion...* P. 26.

³⁶² Summerer L. *Indigenous Responses to Encounters with the Greeks in Northern Anatolia: The Reception of Architectural Terracottas in the Iron Age Settlements of the Halys Basin // Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence /Ed. P.G. Bilde, J.H. Petersen. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 2008. P. 263-286.*

О лидийских архитектурных терракотах см. еще: Ramage A. *Lydian Houses and Architectural Terracottas*. Cambridge-London: Harvard University Press, 1978. Ateşlier S. *Lydian Architectural Terracottas // The Lydians and Their World = Lidyalılar ve Dünyaları /Ed. N.D. Cahill. Istanbul, 2010. P. 225-232.*

«Гробницы – самая видная и знаменитая часть наследия Лидии»³⁶³ - в разнообразных погребальных сооружениях архитектура, скульптура и ритуал соединяются, и, таким образом, их рассмотрение является важной частью исследования искусства и культуры лидийцев. Среди лидийских погребальных сооружений можно выделить три основные группы: 1. тумулусы (курганы) с погребальной камерой, 2. отдельно стоящие гробницы-«мавзолеи» и 3. погребальные камеры, врезанные в скалу или в холм, с архитектурными элементами. В этом разделе рассмотрим несколько примеров этих групп.

3.3.2. Лидийские тумулусы

Лидийские тумулусы, как и фригийские, определили облик ландшафта, и неудивительно, что они прочно закрепились в сознании античных авторов.

Некий тумулус фигурирует в рассказе Геродота об убийстве сына Креза: «затем Крез предал тело своего сына погребению по местным обычаям. Адраст же, сын Гордия, внук Мидаса, убийца собственного брата и затем убийца [сына] своего очистителя [Креза], когда [близкие покойного разошлись] и у могилы воцарилось спокойствие, заколол себя на могильном кургане: он чувствовал себя самым несчастным из всех людей, которых ему пришлось знать»³⁶⁴.

Геродот описывает гробницу царя Алиатта следующим образом: «природными достопримечательностями, как другие страны, Лидия совсем не обладает, кроме, быть может, золотого песка, приносимого [течением] реки Тмола. Есть, правда, в Лидии одно сооружение, далеко превосходящее величиной все другие (помимо построек египтян и вавилонян). Это – могильный памятник Алиатта, отца Креза. Его основание состоит из огромных каменных плит, остальная же часть памятника – земляной курган. Рыночные торговцы, ремесленники и девушки, “занимающиеся своим ремеслом на дому”, соорудили этот памятник. На верху памятника помещены каменные плиты числом пять,

³⁶³ *Baughan E.* Lydian Burial Customs // *The Lydians and Their World = Lidyalılar ve Dünyaları* /Ed. N.D. Cahill. Istanbul, 2010. P. 273.

³⁶⁴ *Hdt.* I.45.

существующие и поныне, с высеченными на них надписями, [гласящими], какая часть работы выполнена каждым из этих разрядов людей. <...> К кургану примыкает большое озеро, которое, по словам лидийцев, никогда не высыхает. Называется оно Гигесовым. Таково это замечательное сооружение»³⁶⁵.

Это описание, с некоторыми оговорками, хорошо коррелирует с памятниками. На территории некрополя «Бин Тепе» (тур. «тысяча холмов») находится свыше 90 курганов³⁶⁶. Высота – от 1 до 15 м., диаметр – от 10 до 40. Среди них выделяются три т.н. «царских кургана», значительно превосходящие все остальные тумулусы по масштабу.

Высота самого крупного кургана (часто называемого «гробницей Алиатта») – ок. 69 м. (Рис. 3.20) Каменные плиты у основания, описываемые Геродотом, не были достоверно выявлены, однако вполне возможно, что они существовали (наподобие крепид, окружающих этрусские курганные насыпи³⁶⁷). Недалеко от другого тумулуса была обнаружена кладка, которая интерпретируется как возможная опорная стена³⁶⁸. Вертикальные плиты-знаки с надписями тоже не были обнаружены, хотя есть два блока (без надписей), которые принято соотносить с описанием Геродота³⁶⁹. Тем не менее, фактически нет никаких сомнений, что именно этот тумулус является гробницей Алиатта, отца Креза, правящего около 610-550 гг. до н.э.

Примерно в центре кургана была обнаружена погребальная камера. В плане она представляет собой вытянутый прямоугольник с одним входом на торцевой

³⁶⁵ *Hdt.* I.93.

³⁶⁶ *Hanfmann G.M.A.* Sardis from Prehistoric to Roman Times 1958-1975: Results of the Archaeological Exploration of Sardis. Cambridge-London: Harvard University Press, 1983. P. 54.

³⁶⁷ См. например тумулусы в некрополе Бандитачча в Черветери и др. – *Voëthius A.* Etruscan and Early Roman Architecture. Harmondsworth: Penguin, 1978. P. 48, 94-99, Fig. 36.

Однако, необходимо отметить, характер кладки определенно был другой. Этруски отдавали предпочтение рустической кладке, «брутально» обработанным туфовым блокам, которая соотносилась с некой «первоосновой, «природой не преображенной» (*Гаврилин К.Н.* Искусство раннего Рима и Южной Этрурии... С. 86), пока лидийская кладка, судя по остаткам архаической монументальной архитектуры, наоборот, имеет весьма «рукотворный» вид.

³⁶⁸ *Ratté C.* Lydian Architecture. Ashlar Masonry Structures at Sardis. Cambridge: Harvard University Press, 2011. P. 5.

³⁶⁹ *Ratté C.* Lydian Architecture... P. 4, Fig. 18.

стороне. Перед входом находится открытая площадка, своего рода двор. Стены камеры и двора (с двух сторон) выложены из больших тесанных каменных блоков.

Другой «царский холм», т.н. «Карнырык тепе» (Karnıyarık Tepe) обычно интерпретируется как гробница царя Гига³⁷⁰. Высота – около 50 м. По характеру кладки погребальной камеры этот тумулус тоже датируется первой половиной VI века до н.э., т.е. еще доперсидским временем. Впрочем, курганы (в том числе весьма внушительных размеров) не перестали воздвигать и после захвата Малой Азии Ахеменидами.

Как раз таким позднелидийским (ахеменидо-лидийским) тумулусом считается **Лале Тепе** (тур. «тюльпанный холм»), открытый в 1999 году (**Рис. 3.21**). Это интереснейший комплекс, который имеет росписи хорошей сохранности и резные каменные клине. К камере ведет дромос (длина: 6,45 м.) с плоским перекрытием³⁷¹. Погребальная камера выложена из блоков тесаного известняка, но перекрытие не плоское, как в большинстве лидийских курганов, а двускатное, как это часто бывает, например, во фригийских *деревянных* «подтумулусных» постройках и скальных гробницах (см. напр. гробницу в «городе Мидаса»). Внутри находилось семь мест для захоронений. Росписи имеют «явно архитектурный характер»³⁷² и имитируют структуру балочного деревянного перекрытия. На поверхностях чередуются не закрашенные и заштрихованные полосы, отделенные друг от друга тонкими синими вставками (**Рис. 3.22**). Торцевой треугольник («фронтон») под перекрытием тоже снабжен нарисованными архитектурными элементами и двумя «окнами» - эта конфигурация близка, например, к фригийскому «Незаконченному монументу» и «монументу Ареястис» из «города Мидаса» (см. раздел по Фригии).

³⁷⁰ Hanfmann G.M.A. Sardis... P. 57.

³⁷¹ Stinson P.T. Lale Tepe: A Late Lydian Tumulus near Sardis. 2. Architecture and Painting // Love for Lydia: A Sardis Anniversary Volume Presented to C.H. Greenewalt, Jr. /Ed. N.D. Cahill. Cambridge-London: Harvard University Press, 2008. P. 26, Fig.1, 4.

³⁷² Ibid. P. 42. Pl. 1-3.

Интересно также сравнить Лале Тепе с тумулусом Татарлы. Тумулус Татарлы – уникальный памятник середины V века до н.э.³⁷³ Он имеет деревянную погребальную камеру с фигуративной росписью – изображены процессии всадников и сцены битвы. Примерно к этому же времени относятся росписи гробниц в Карабуруне³⁷⁴ и в Кызылбеле на территории Ликии.

К сожалению, многие памятники настенной живописи Малой Азии пострадали от грабителей. В 1960-ые годы ряд тумулусов был разграблен, а находки, в т.ч. выбитые участки стен с росписями, были вывезены из Турции (в последствии группа предметов получила название «Лидийский клад» или «Лидийские сокровища»³⁷⁵). Лишь несколько десятилетий спустя памятники были возвращены в Турцию, после длительного юридического процесса.

Среди них были фрагменты живописи из тумулуса Актепе. В погребальной камере (перекрытой ложным полуциркульным сводом) стояла мраморная расписная ложа³⁷⁶. К ложе с двух сторон «подходили» изображения девушек, нанесенные непосредственно на каменную поверхность боковых стен³⁷⁷. В руках они держат ветки. Мастера использовали насыщенные, яркие тона для передачи деталей одежды и украшений. Стилистически эти изображения представляют

³⁷³ *Summerer L.* From Tatarlı to Munich: The Recovery of a Painted Wooden Tomb Chamber in Phrygia // *The Achaemenid Impact on Local Populations and Cultures in Anatolia* /Ed. I. Delemen et al. Istanbul, 2007. P. 129-156. *Summerer L.* Imaging a Tomb Chamber: The Iconographic Program of the Tatarlı Wall Paintings // *Ancient Greece and Ancient Iran: Cross-Cultural Encounters*. Athens: National Hellenic Research Foundation, 2008. P. 265-299.

³⁷⁴ *Mellink M.* The Painted Tomb at Karaburun (Elmalı). *Problems of Conservation and Iconography* // KST, II, 1988. P. 271-277. *Mellink M.* Fouilles d'Elmalı, en Lycie du Nord (Turquie). Découvertes préhistoriques et tombes à fresques... // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 123e année, N. 3, 1979. pp. 476-496.

³⁷⁵ Основная масса памятников попала в Метрополитен. Турецкие археологи обратили на них внимание в журнале музея: *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*, v. 42, no. 1, 1984.: A Greek and Roman Treasury. Обзор проблемы см. в *Roosevelt C.H., Luke C.* Mysterious Shepherds and Hidden Treasures: The Culture of Looting in Lydia, Western Turkey // *Journal of Field Archaeology*, Vol. 31, No. 2 (Summer, 2006), pp. 185-198.

³⁷⁶ *Baughan E.P.* Couched in Death. Klinai and Identity in Anatolia and Beyond. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2013. P. 303-304 (Cat. 52). Схема погребальной камеры: Fig. 119. Расписной фриз ложи со всадниками: *Eadem.* Persian Riders in Lydia? The painted frieze of the Aktepe tomb kline // *Bollettino di Archeologia Online*, I, 2010. P. 24-36.

³⁷⁷ *Özgen İ.* Lydian Treasure // *The Lydians and Their World = Lidyalılar ve Dünyaları* /Ed. N.D. Cahill. Istanbul, 2010. P. 328. Fig. 43-46.

собой вариант восточно-греческой и ионийской живописи. Можно сравнить, например, с фрагментами ваз из Фокеи³⁷⁸, на которых изображены девушки с подобными повязками на голове (на одном из фрагментов присутствует даже ветвь). Другой параллелью может служить клазоменская чернофигурная гидрия³⁷⁹, с изображением сцены аудиенции (или прибытия посла). На этом фрагменте присутствуют также и детали, указывающие на ахеменидскую придворную жизнь (курильница на высокой ножке). Комплекс Актепе тоже был создан для «иранизированной» местной аристократии, которая часто обращалась к восточногреческим мастерам.

Интересно, что лидийские тумулусы часто находятся в непосредственной близости от воды. Рядом с Бин Тепе находится Гигесово озеро (совр. озеро Мармара). Среди «Моралий» Плутарха есть анекдотическое описание захоронения одного могущественного лидийца, Пифия (кстати, известного и по Геродоту, как один из самых богатых лидийцев³⁸⁰): «в городе была обширная насыпь, мимо которой протекала река, называемая Пифополитанской. На этой насыпи он построил усыпальницу, а течение реки изменил так, что она стала ее омывать»³⁸¹. Лале Тепе и соседние курганы, например, расположены рядом с притоком реки Гермос. Здесь же можно вспомнить, что этрусские некрополи отделялись от «городов живых» естественной преградой, водным потоком, символически отождествляемая с рекой Лета³⁸². Связь лидийских тумулусов с природными объектами, установление возможных мифологических или ритуальных коннотаций требуют дальнейшего изучения.

3.3.3. Другие погребальные сооружения Лидии

³⁷⁸ *Akurgal E.* Kunst Anatoliens... S. 180, Abb. 128-130.

³⁷⁹ Афинский национальный музей, 5610. Ок. 540 г. до н.э. – *Cook R.M., Dupont P.* East Greek Pottery. London: Routledge, 1998. P. 103, Fig. 12.8.

³⁸⁰ *Hdt.* VII.27-28.

³⁸¹ *Plut.* Moralia. 263.b-c.

³⁸² *Гаврилин К.Н.* Искусство раннего Рима и Южной Этрурии... С. 87.

В Сардах стоит любопытный памятник, так называемая «гробница-пирамида» или «пирамидальная гробница» (Pyramid Tomb) (Рис. 3.23, 3.24). Она была открыта еще первой экспедицией в 1910-ых гг.³⁸³, потом повторно исследована в 1960-ых. Сохранившаяся часть состоит из нескольких ступеней, что позволяет реконструировать это сооружение по-разному. Во-первых, можно предположить, что оно было именно пирамидой, верхние ступени которой закрывали погребальную камеру, однако эта гипотеза не поддерживается современными исследователями. Общепринятая реконструкция этого памятника опирается, с одной стороны, на имеющиеся находки, с другой стороны, на сравнение с гробницей Кира в Пасаргадах³⁸⁴.

Гробница Кира Великого в Пасаргадах была воздвигнута около 530 года до н.э. (Рис. 3.25) Ее описание, ссылаясь на Аристубула, приводит Арриан в своем трактате о походах Александра Македонского: «подземная часть могилы была сложена в форме четырехугольника из четырехфутовых камней; над ней было выстроено каменное крытое помещение. Внутри вела дверца, настолько узкая, что и худой человек мог в нее едва-едва протиснуться. В помещении стояли золотой гроб, в котором был похоронен Кир, а кроме гроба ложе»³⁸⁵. Это описание весьма точно соответствует гробнице в Пасаргадах. Она возвышается на шести ступенях и представляет собой прямоугольную целлу с двускатной крышей. Гробница имела достаточно лаконичный облик – единственными элементами архитектурного оформления были ионические антаблемент и карниз³⁸⁶.

В гробнице Кира мы имеем общую схему возведения «храма» на высоком, ступенчатом, пирамидальном цоколе. Существует по крайней мере один пример практически идентичного сооружения – гробница в долине Бозпар (Bozpar, в

³⁸³ Butler H.C. Sardis. Vol. 1., Pt. 1.: The Excavations. 1910-1914. Leyden: Brill, 1922. Ill. 174.

³⁸⁴ Dusingberre E.R.M. Aspects of Empire in Achaemenid Sardis. Cambridge, 2003. P. 139.

³⁸⁵ Arr. VI.29.4-5.

³⁸⁶ Nylander C. Ionians in Passargadae: Studies in Old Persian Architecture. Uppsala, 1970. P. 145.

провинции Фарс). Она так же, как и гробница в Пасаргадах, имеет ступенчатый цоколь и целлу с двускатной крышей, однако примерно в два раза меньше³⁸⁷.

Известно, что в Пасаргадах широко применялись услуги мастеров из Ионии, однако, конечно же, нельзя говорить о «провинциальном греческом искусстве» по отношению к Пасаргадам или ахеменидскому искусству в целом – здесь читается «воля персов, с ясными представлениями о том, что надо делать и как это должно выглядеть»³⁸⁸. Помимо ионийских зодчих, на Ахеменидов часто работали и лидийцы, что нашло отражение в технических решениях кладки, как отмечает Карл Ниландер – в металлических зажимах, которые применялись уже в VI веке до н.э. для соединения каменных блоков в стенах погребальных камер лидийских тумулусов в некрополе Бин Тепе³⁸⁹.

Вопрос об относительной хронологии гробницы Кира и «Пирамиды» был предметом полемики, однако доминирует мнение о том, что сардский памятник был создан позже пасаргадского – во второй половине VI – начале V века до н.э.³⁹⁰ Возможно, «Пирамида» была построена для местного персидского аристократа, представителя империи Ахеменидов, или лидийского вельможи, следующего архитектурному прообразу, приходящему с Востока. Разграничить эти группы крайне затруднительно – возможно, что это разграничение и не было проведено столь остро, сколько нам кажется.

Но гробница Кира в Пасаргадах лишь одна из возможных параллелей: ведь «гробница-пирамида» еще близка к погребальным камерам лидийских тумулусов, рассмотренных выше.

К сожалению, мы имеем слишком мало памятников, дошедших до нас в хорошей сохранности. Однако можно предположить, что в некрополях Сардов в VI-V вв. до н.э. стояли богато украшенные монументальные гробницы, выстроенные по заказу местной элиты – смешанной лидийско-персидской

³⁸⁷ „Bozpar”, *Encyclopaedia Iranica*, Vol. IV, Fasc. 4, (1989), pp. 429-430.

³⁸⁸ *Nylander C. Op. cit.* P. 148.

³⁸⁹ *Ibid.* P. 66. См. также *Hanfmann G.M.A. Sardis...* P. 53-66.

³⁹⁰ *Nylander C. Op. cit.* P. 141.

верхушки. Об этом свидетельствует, например, фрагмент скульптурного фронтона, предположительно принадлежавший гробнице-мавзолею³⁹¹. Это левая половина фронтона, выполненная из одного блока. В центре (т.е. на правой стороне сохранившегося фрагмента) изображен мужчина, возлежащий на клине с ритонном в руке. Рядом сидят три фигуры (члены семьи?). Такие композиции с пиршеством весьма распространены на малоазийских надгробных памятниках, в т.ч. архитектурных, особенно популярными они стали после прихода Ахеменидов. Сразу вспоминаются несколько более поздние примеры из Ликии – монумент Нерейд в Ксанфе и героон Перикла в Лимире. Фронтон сардского «мавзолея» изначально имел длину в 4,6 м.³⁹²: т.е. уступал ликийским образцам на 2-3 метра, и, вероятно, не имел высокий цоколь, подобно им. На наш взгляд, по своему облику он мог быть ближе, скорее, к «сокровищницам» греческих святилищ.

Скальные гробницы были однотипными: небольшой дромос, ведущий в камеру с клине или саркофагами. Самые ранние датируются VII веком до н.э. Они располагались по правой стороне реки Пактол, где был подходящий крутой берег. Интересным исключением является так называемая гробница №813 (Tomb 813)³⁹³, датируемая первой четвертью V века до н.э. Погребальная камера была врезана в склон, перед входом была открытая площадка. Вход фланкировали две стелы с пальметтами.

Очевидно, что чем дальше, тем популярнее становятся работы греческих мастеров в Сардах. Ионийцы, некогда испытавшие-впитавшие влияние, идущее с востока, сами стали ориентиром для анатолийских народов и для местной ахеменидской верхушки, которая с середины VI века правила этими землями. Репрезентативное искусство Лидии этому прекрасный пример.

³⁹¹ *Hanfmann G.M.A., Ramage S. Sculpture... P. 56-57, Fig. 72-74.*

³⁹² *Ibid. P. 57.*

³⁹³ *Hanfmann G.M.A. Sardis... P. 58, Fig. 113. Carstens A.-M. Tracing Elite Networks. A View from the Grave // Euploia. La Lycie et la Carie antiques. Dynamiques des territoires, échanges et identities. Bordeaux : Ausonius, 2013. P. 107, Fig. 10.*

И, возможно, именно лидийцы образуют самую прочную и плодотворную связь между Малой Азией и Персией, причем связь эта была двухсторонней, то есть трудно определить, что одна культура заимствовала у другой.

3.4. Ликия

То, что область античной Ликии тождественна «землям Лукка», известных по хеттским источникам (или входила в их состав, наряду, например, с Карией), практически не вызывает сомнения у исследователей³⁹⁴. Население бронзового века скорее всего говорило на лувийском или на родственном ему «прото-ликийском», а языки уже I тысячелетия до н.э., распространенные в этом ареале, тоже восходят к ним. Целый ряд топонимов восходит к названиям бронзового века. Греки, по всей видимости, образовали топо- и этноним именно от слова «Лукка». Ликийцы же в I тысячелетии называли свою страну *Trmmis*³⁹⁵. Геродот утверждает, что ликийцы изначально обитали на Крите, и только позже (под предводительством Сарпедона) переселились на материк. Имя «ликийцы» получили от афинянина Лика, тоже прибывшего в их края³⁹⁶.

В трехязычной надписи (трилингв из Летоона), там, где в ликийском тексте – термилы, в греческом – ликийцы³⁹⁷. Вполне возможно, что ассоциация в греческом сознании этих земель именно с Луккой-Ликией, а любого народа, населяющего их, с гомеровскими ликийцами, была настолько сильной, что они автоматически присваивали им этноним «ликийцы».

³⁹⁴ The Luwians. /Ed. H.C. Melchert. Leiden-Boston: Brill, 2003. P. 107-114.

Hawkins J.D. Luwians versus Hittites // *Luwian Identities. Culture, Language and Religion Between Anatolia and the Aegean.* /Ed. A. Mouton, I. Rutherford, I. Yakubovich. Leiden-Boston: Brill, 2013. P. 35-38.

³⁹⁵ *Клукхорт А.* Ликийский язык // *Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии.* / ред. колл.: Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик. М.: Academia, 2013. С. 131-132.

³⁹⁶ *Hdt.* I.173.

³⁹⁷ *Mellink M.* Homer, Lycia, and Lukka // *The Ages of Homer: A Tribute to Emily Townsend Vermeule* /Ed. J.B Carter S.P. Morris. Austin: University of Texas Press, 1998. P. 35.

Лингвисты и историки находят соответствия между названиями городов и других местностей земель Лукка в хеттских текстах и более поздних ликийских наименованиях, хотя не всегда можно говорить о точном соответствии этих населенных пунктов (т.е. вполне возможно, что само слово в несколько измененном виде продолжало существовать и в железном веке, однако поселение «переехало»).

К сожалению, в плане материальной культуры мы не имеем фактически никаких доказательств связи между поздней бронзой и I тысячелетием до н.э.

Во-первых, поселения и памятники бронзового века на территории Ликии засвидетельствованы лишь в небольших количествах. Они в основном сосредоточены на равнине Элмалы, – в т.ч. хорошо исследованное поселение Караташ, относящееся к раннему бронзовому веку. Разнообразные (как правило – фрагментарные) находки позднего бронзового века собраны в приложении №3 книги Энтони Кина «Династическая Ликия»³⁹⁸. Во-вторых, из археологического материала также «выпадают» и первые века I тысячелетия до н.э. – древнейшие находки в Ксанфе датируются не ранее VIII века до н.э. В последние годы проводятся разведочные работы, нацеленные на выявления следов более ранних культур на территории Ликии³⁹⁹.

Таким образом, мы пока не можем судить о материальной культуре возможных «протолийцев» или вообще населения «земель Лукка» ни во второй половине II тыс. до н.э., ни в переходном периоде между бронзовым и железным веками, ни в первых веках I тысячелетия до н.э. Возможно, это было связано с неоседлым или полуномадическим образом жизни этих групп населения.

³⁹⁸ Keen A.G. *Dynastic Lycia: A Political of History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers*, с. 545-362 В.С. Leiden-Boston: Brill, 1998. P. 215-221. См. также Carruba O. *Neues zur Frühgeschichte Lykiens // Fremde Zeiten. Festschrift für Jürgen Borchhardt*. Bd. 1. S. 25-39.

³⁹⁹ Напр. Чалтылар-Хеюк, провинция Мугла: Momigliano N. et al. *Settlement history and material culture in southwest Turkey: Report on the 2008–2010 survey at Çaltılar Höyük (northern Lycia) // Anatolian Studies* 61, 2011. P. 61-121. Hodos T. *Lycia and Classical Archaeology: The Changing Nature of Archaeology in Turkey // Classical Archaeology in Context. Theory and Practice in Excavation in the Greek World /Ed. D. Haggis, C. Antonaccio*. Berlin: de Gruyter, 2015. P. 87-118.

Соответственно, несмотря на то, что мы «нащупываем» некую связь между ликийцами и их предположительными предками, все разговоры о наследственности остаются гипотетическими. Следовательно, в рамках данной работы самым эффективным методологическим решением является попытка сделать акцент на сравнительном анализе Ликии с современными ей культурами Малой Азии и уделить внимания поиску места этого региона и его населения в сложной системе взаимосвязей с другими – не забывая, конечно, о возможных более древних истоках своеобразий этого региона.

В этом отношении большой интерес заслуживает очерк Кристофера Рузвельта, рассматривающий историю двух регионов Западной Анатолии железного века – Лидии и Ликии. Обе эти территории оказались под влиянием персов.

Он отмечает, что «ликийская традиция, известная нам от VI века до н.э. и позже, носит в себе как минимум столько же черт преемственности локальных традиций [continuity of older, local traditions], сколько и следов постороннего влияния [foreign features]». Далее он противопоставляет политическое устройство Лидии, остававшейся по сути единой (в т.ч. под персами), и Ликии, которая «никогда в своей ранней истории не являлась ни имперской, ни даже федеративной [federal], а ее династическая история при Ахеменидах свидетельствует об определенной территориальной, и, возможно, политической раздробленности, которая могла быть похожей на устройство Ликии позднего бронзового века»⁴⁰⁰.

Ликия и Кария и до персидского завоевания представляли собой близкие, тесно связанные, но все же – отдельные территории. Связь и контакт осуществлялся на уровне местных знатных семей. Приход персов в 540 г. до н.э. стал толчком для выделения и подъема отдельных аристократических групп. Тревор Брайс, разбирая этот вопрос на примере Ликии, акцентирует важность

⁴⁰⁰ *Roosevelt C.H. Iron Age Western Anatolia: The Lydian Empire and Dynastic Lycia // A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East. Ch. 34. /Ed. D.T. Potts. Oxford: Blackwell, 2012. P. 897.*

ахеменидской поддержки. По его мнению система контактов между локальными «династиями» (т.е. знатными семьями) зародившаяся «на заре персидской экспансии придала Ликии видимость объединенной и последовательной политической структуры», однако эта структура являлась не естественным развитием, а скорее сложилась под сильным персидским влиянием⁴⁰¹. Анна Мари Карстенс добавляет, что локальный уклад с ориентацией на власть знатных семей подготовил почву для этого процесса⁴⁰². По ее мнению, в этот период и в Ликии, и в Карию протекали схожие процессы.

Вопросы политической истории Ликии, сложения правящих родов в целом хорошо разработаны исследователями⁴⁰³. Здесь необходимо упомянуть работу Энтони Кина о ликийских династах и династиях⁴⁰⁴, благодаря которой и укрепился термин «династ» по отношению к ликийским вождям. Сама концепция местных «династов» подвергалась критике в работах Кэтрин Дрейкот⁴⁰⁵. Она не отрицает существование «династий», аристократических родов, однако считает, что концепция связана с ошибочным представлением о необходимости некоего «ликийского мини-сатрапа»⁴⁰⁶. По ее мнению, можно выделить две фазы. Для первой, более ранней, характерен всплеск строительства монументальных гробниц – демонстративное и вычурное. Эта фаза примерно совпадает со временем персидского завоевания. Позже, во второй фазе, из прежнего «смешанного дискурса» возникает династическая идентичность.

⁴⁰¹ Bryce T.R. The Lycians - Volume I: The Lycians in Literary and Epigraphic Sources. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1986. P. 103.

⁴⁰² Carstens A.M. Tombs of the Halikarnassos Peninsula – The Late Bronze Age and Early Iron Age // Halikarnassian Studies, Vol. V. /Ed. P. Pedersen. Odense: University Press of Southern Denmark, 2008. P. 93.

⁴⁰³ См. также Баранов А.Д. Политическая и социальная история Ликии в V-IV вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012.

⁴⁰⁴ Keen A. G. Dynastic Lycia: A Political History of the Lycians and Their Relations With Foreign Powers, C. 545-362 B.C. Leiden, 1998.

⁴⁰⁵ Draycott C. Dynastic Definitions: Differentiating Status Claims in the Archaic Pillar Tomb Reliefs of Lycia // Anatolian Iron Ages 6: The Proceedings of the Sixth Anatolian Iron Ages Symposium held at Eskişehir-Turkey, 16-19 August 2004. /Ed. A. Sagona & A. Çilingiroğlu. Leyden: Peeters, 2007. P. 103-134.

⁴⁰⁶ Ibid. P. 127.

Известные нам ликийские памятники архитектуры, относящиеся к первой половине I тысячелетия до н.э. сконцентрированы, в первую очередь, в Ксанфе.

Заслуживает интерес здание, открытое археологами в Патаре (важном портовом городе Ликии) в 2003 году. На холме Тепеджик, ранее мало исследованном (основные раскрытые памятники города относятся к эллинистическим и римским периодам и располагаются на равнине), был обнаружен комплекс VIII-V вв. до н.э.⁴⁰⁷ На этом небольшом акрополе были оформлены террасы с опорными стенами, «циклопическая» кладка которых типична для ликийской архаики и имеет параллели в Ксанфе, а также в Авшар Тепеси и Лимире. На террасе возвышалось здание, интерпретируемое исследователями как дом местного правителя⁴⁰⁸. Постройка расширялась и перестраивалась на протяжении нескольких веков. Здесь находилось и большое хранилище для зерна. Действительно, и по расположению, и по характеру постройки ее можно считать резиденцией некоего «протодинаста».

3.4.1. Столбовые гробницы

Однако наиболее наглядное воплощение амбиций ликийской верхушки мы получаем в VI-V вв. до н.э. Правители и аристократы Ликии прекрасно понимали «силу памятников»⁴⁰⁹ и воздвигали монументальные гробницы для увековечения своего имени и своей династии. Показательным примером является центральная агора города Ксанф, где в одном месте (своего рода некрополе, мемориальном комплексе) сосредоточен ряд столбовых гробниц ликийских владык разных времен: «Львиный столб», «Гробница Гарпий», гробница у театра, «Гробница с

⁴⁰⁷ *Işin G.* The building complex on the Tepecik acropolis at Patara // *Anatolian Studies*, Vol. 60, 2010. P. 93-104.

⁴⁰⁸ *Ibid.* P. 103.

⁴⁰⁹ *Robinson T.* Op. cit. P. 366.

надписями», гробница на Акрополе и гробница с изображением борцов, от которой сам столб не сохранился⁴¹⁰ (Рис. 3.26).

Хронологическая последовательность и принадлежность данных гробниц являются предметами полемики, но более или менее все исследователи склонны согласиться с приведенной выше схемой, которая была предложена Энтони Кином.

Столбовые гробницы являются одним из основных видов ликийских погребальных сооружений (наряду со свободностоящими саркофагами и скальными гробницами). Всего на территории Ликии известно около 50 столбовых гробниц⁴¹¹. Они представляют собой высокий, квадратный столб, верхняя часть которого являлся погребальной камерой или же служил опорой для дополнительной надстройки в виде саркофага. В оформлении столбов применялись разнообразные скульптурные решения – рельефные фризy (например, в «Гробнице Гарпий»), круглая скульптура (лежащий лев, давший название «Львиному столбу»), или оба вида сразу, как, например, в «Гробнице с надписями».

«Гробница Гарпий» – один из наиболее интересных памятников этого круга. Свое название он получил в связи с крылатыми существами, изображенными по сторонам рельефов (плиты были перевезены в Британский Музей⁴¹², in situ находятся их копии) (Рис. 3.27). На самом деле это скорее всего сирены, выступающие в роли психопомпов. Они обладают женскими головой и торсом и птичьими лапами и крыльями. В руках они держат и переносят человеческую фигуру (душу или тело умершего?). Этот мотив хорошо коррелируется с историей о смерти ликийского героя Сарпедона, убитого Патроклом под Троей:

⁴¹⁰ Keen A. G. „The Dynastic Tombs of Xanthos: Who Was Buried Where?“ // *Anatolian Studies*, Vol. 42 (1992). P. 53. Устойчивые англоязычные названия ксанфских гробниц: Lion Pillar, Harpy Tomb, Theatre Pillar, Inscribed Pillar, Acropolis Pillar, Pillar of the Wrestlers.

⁴¹¹ Draycott C. *Dynastic Definitions*... P. 106.

⁴¹² Smith A.H. *Catalogue of Greek Sculpture in the British Museum*. Vol. 2. London: British Museum, 1892. No. B237.

«После, когда Сарпедона оставит душа, повели ты
 Смерти и кроткому Сну бездыханное тело героя
 С чуждой земли перенести в плодоносную Ликийскую землю.
 Там и братья и други его погребут и воздвигнут
 В память могилу и столп, с подобающей честью умершим»⁴¹³

В данном отрывке упоминаются два крылатых существа – Смерть и Сон, Гипнос и Танатос, поднимающие тело Сарпедона. Этот сюжет часто встречается в вазописи (один из самых известных примеров – аттический краснофигурный кратер из музея Метрополитен, вторая половина VI века до н.э.). Возможно, что это является своеобразным сплетением двух мифологем – роль ликийских крылатых проводников душ переносится на Гипноса и Танатоса⁴¹⁴. Впрочем, данный отрывок («могилу и столп») нельзя интерпретировать, как воздвижение столбовой гробницы наподобие ксанфских. Речь, очевидно, идет о тумулусе с вертикальной надгробной плитой, какими пользовались ликийцы (а также и лидийцы, см. предыдущий раздел) в ранней архаике: в греческом тексте в этом месте говорится о *τύμβος* и *στήλη*.

Другим примечательным элементом рельефа «Гробницы Гарпий» является сидящий на троне мужчина. Он появляется на трех из четырех сторонах памятника, отсутствует только на западной, где присутствуют две женщины на тронах. К нему подходят придворные и преподносят различные предметы, например шлем или петуха. Прослеживаются параллели между этой сценой и известным рельефом царской аудиенции из ападаны в Персеполе⁴¹⁵.

⁴¹³ *Hom.* II. XVI. 453-457.

⁴¹⁴ В сочинении Квинта Смирнского тело Главка, другого ликийского героя, в Ликийю переносит сам Аполлон. Его могилу ликийцы отмечают большим камнем. – *Quintus Smyrn.* *Posthomerica.* IV.1-12.

Существует мнение, что эпизод со смертью Сарпедона является повторением сюжета о смерти Мемнона – см. обзор проблемы у *Tsagalis C.* *From Listeners to Viewers: Space in the Iliad.* Washington-Cambridge: Harvard University Press, 2012.

⁴¹⁵ *Jenkins I.* *Op. cit.*, pp. 165-166.

Заслуживает внимания т.н. «здание G» в Ксанфе, датируемое 470-450 гг. до н.э. Здание было украшено рельефными фризами с животными. По сведениям античных авторов, в римское время в Ксанфе стоял героон Сарпедона (Сарпедонейон)⁴¹⁶. Существует предположение, что Здание G было построено на месте более древнего монумента (вероятно – именно Сарпедонейона), однако оно не подтверждается археологически⁴¹⁷.

3.5. Кария

Кария расположена на юго-западном побережье Анатолийского полуострова. Один из основных определяющих факторов региона – пестрый этнический состав населения. Это отразилось и на культуре. Геродот (сам кариец, родом из Галикарнаса) в «Истории» отмечает два варианта происхождения карийского народа⁴¹⁸. По рассказу критян, карийцы пришли на материк с островов и тождественны другому народу – лелегам. Они являлись подданными или союзниками Миноса, и, судя по описанию, были обязаны поставлять гребцов для его кораблей. Карийцы-лелеги позже были изгнаны с островов дорийцами и ионийцами, тогда они и переселились в Карию, на материк. Но сами карийцы считали, что они являются исконными, коренными жителями этой территории. Страбон подробнее раскрывает эту проблему и приводит дополнительные сведения о том, что «некоторые поселения в Милетской области называются поселениями лелегов, а во многих местностях Карии встречаются могильные курганы лелегов и заброшенные укрепления, так называемые „укрепления лелегов”»⁴¹⁹. Он выдвигает предположение, что лелеги появились в Малой Азии еще до карийцев. Афиней предполагает, что карийцы использовали лелегов в качестве рабов⁴²⁰, но это вызывает сомнение. Чарльз Ньютон, открыватель

⁴¹⁶ *App. b. c.* IV.78.

⁴¹⁷ *Keen A.G.* The Dynastic Tombs of Xanthos: Who Was Buried Where? // *Anatolian Studies*, Vol. 42 (1992). P. 55.

⁴¹⁸ *Hdt.* I.172.

⁴¹⁹ *Strab.* VII.7.2.

⁴²⁰ *Athenaeus.* VI.101.

Галикарнасского Мавзолея, в своих дневниках фиксирует несколько своеобразных гробниц в районе современного Бодрума/Галикарнаса, которые относит к погребальным сооружениям лелегов⁴²¹. В третьей главе настоящей работы еще пойдет речь об этих памятниках.

Дополнительные важные факты для определения места карийцев в истории и культуре дают сведения об их языке. Ещё в «Илиаде» Гомера встречаем такой пассаж:

«Настес вел говорящих наречием варварским каров,
Кои Милет занимали и Фтиров лесистую гору,
И Меандра поток и Микала вершины крутые;
Сих предводили на бой Амфимах и воинственный Настес,
Настес и тот Амфимах, Номионова отрасль, который
Даже и в битвы ходил, украшаяся золотом, как дева.»⁴²²

Географическое описание вполне соответствует Карию, а также упоминается их язык – «варварское наречие». Геродот тоже отмечает, что «жители их [карийских городов] говорят на одном наречии»⁴²³. Карийский язык принадлежит анатолийской ветви индоевропейских языков. Сохранились надписи, сделанные карийским письмом (это – вариант греческих и финикийских знаков) – они-то и послужили основой для расшифровки и классификации карийского языка. Однако из-за фрагментарности и краткости памятников долгое время не могли определить даже характера этой письменности⁴²⁴. В 60-ые годы XX века произошел прорыв, в том числе благодаря русскому лингвисту В.В. Шеворошкину. Важным шагом в работах была находка карийско-египетских билингв и их расшифровка. В настоящее время существует уже установленная система расшифровки этого языка, в разработке которой приняли участие Дж. Рэй, И. Адизго и Д. Шюр. По мнению исследователей, грамматические особенности и некоторые лексические

⁴²¹ *Newton C.T.* A History of Discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae. London, 1863. P. 573-601.

⁴²² *Hom.* II. II.865.

⁴²³ *Hdt.* I.142.

⁴²⁴ *Фридрих И.* Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 2007 (репринт). С. 164.

совпадения позволяют считать карийский принадлежащим анатолийским языкам, ближе скорее к ликийскому, чем к лидийскому⁴²⁵.

Каким бы ни было происхождение карийцев, какими грамматическими свойствами ни обладал бы их загадочный язык, та культура, которая рассматривается в данной работе, возникла и развивалась на определенной территории – на юго-западном побережье Малой Азии. В интересующий нас период карийцы уже являются яркими носителями сложной, многосоставной культуры, характерной для региона. Вероятно, сохранились следы их древних обычаев, но в ходе естественного развития и влияний со стороны других культур они преобразовались, наряду с ними появились и новые элементы.

Климат и другие географические особенности горных регионов Малой Азии не позволяли эффективно заниматься сельским хозяйством или скотоводством. Карийцы чаще всего устраивались на военную службу к самым разным правителям Средиземноморья: неслучайно, что в Египте находят значительно больше карийских надписей, чем на территории самой Карики. Например, известно, что египетский фараон Псамметих I (664-610 до н.э.) призвал для укрепления своей власти многочисленных наемников, о чем свидетельствует Геродот: Псамметих жаловал им «участки земли для поселения друг против друга на обоих берегах Нила ... ионяне и карийцы долгое время жили в этой области»; потом, во время правления Амасиса II (ок. 570-526 гг. до н.э.) они были переселены в Мемфис⁴²⁶. Примечательно, что в древнем Мемфисе был так называемый квартал греков и квартал карийцев. Внук Псамметиха I, Псамметих II, тоже прибегал к помощи наемников в своем походе на Нубию, о котором тоже сохранились карийские надписи в Египте⁴²⁷.

О представителях местной знати и их связях с другими народами упоминает и Геродот. Например, несколько раз фигурирует киликиец Сиеннесий, правда,

⁴²⁵ The Ancient Languages of Asia Minor, Ed. Roger D. Woodward. Cambridge, 2008. P. 64-67; *Adiego I. J. The Carian Language. Leiden-Boston, 2007.*

⁴²⁶ *Hdt.* II.154

⁴²⁷ *Adiego I.J. The Carian Language. Leiden - Boston, 2007. P. 2.*

неясно, идет ли речь об одном человеке, или о нескольких одноименных деятелях. Сиеннисий выступал посредником между лидийцами и мидянами⁴²⁸. Кариец Пиксодар, сын Мавсола, был зятем этого Сиеннесия, названного здесь «царем киликийцев»⁴²⁹. Эти сообщения свидетельствуют о сложной системе династических браков и союзов между представителями анатолийских знатных семей.

К V веку до н.э. Кария, если и не входила в состав, то, во всяком случае, являлась подчиненным государством персидской державы Ахеменидов. Иногда выступала в роли союзника – есть сведения о том, что Артемисия I была советником Ксеркса. В 499 году Кария примкнула к восставшим ионийским городам, но после их поражения снова покорилась персам и даже поставляла войска против греков. Какое-то время Кария управлялась лидийцами, которые подчинили себе тогда и греческие центры. Поражение в греко-персидской войне привело к подчинению Карию Афинам, стоявшим во главе морского союза ионийских полисов, но после Пелопоннесской войны (430-404 гг. до н.э.) и ослабления влияния Афин персидская власть была восстановлена в Малой Азии. Новые обстоятельства принесли карийцам больше независимости: именно с этого времени Карией управлял сатрап местного происхождения, первым из которых был Гекатомн из Милас (о деятельности его семьи – династии Гекатомнидов – см. подробнее в главе 4).

У нас довольно мало сведений об архаической Карию. С одной стороны, в VII-VI вв. до н.э. этот регион действительно менее активный, чем другие. С другой – степень изученности именно этого периода очень низкая. Тумулусы на Галикарнасском полуострове отличаются от ликийских, и, по всей вероятности, как раз они восходят к эгейским традициям⁴³⁰.

⁴²⁸ *Hdt.* I.74.

⁴²⁹ Там же, V.118.

⁴³⁰ *Hüllden O.* Considerations on the Tumuli of Lycia in the Pre-classical Period // *Anatolia Antiqua*, Tome 19, 2011. P. 509.

Часть тумулусов была описана еще Пэйтоном в 1880-ые годы⁴³¹, однако остается много неясных аспектов. Недалеко от села Гериш (Geriş, на северо-западном берегу Галикарнасского полуострова) находим два тумулуса и гробница с ложным сводом. Гробница состоит из дромоса, стомы и погребальной камеры. Камера имеет прямоугольную форму и перекрыта ложным сводом⁴³². К дромосу вела дорога, вымощенная камнями, что означает, что гробницу периодически посещали⁴³³, с целью жертвоприношений. Погребальные сооружения, воздвигаемые карийской знатью, служили, по всей видимости, местами почитания предков. Это явление и связанное с ним культ героев достаточно хорошо изучены⁴³⁴, однако, ввиду почти полного отсутствия письменных источников, нам мало что известно о культе предков конкретно на карийском материале. Тем не менее, большинство исследователей сходятся на том, что он имел место быть и играл большую роль в религиозной практике и общественной жизни⁴³⁵.

Помимо тумулусов, нам на данном этапе известен лишь один ранний погребальный памятник. Это гробница в Бечине (Beçin), недалеко от Миласа. Она датируется концом VI - началом V в. до н.э. Кария в это время обладала достаточной силой, чтобы противостоять персам⁴³⁶ и это место могло служить некрополем карийских владык⁴³⁷. Этот памятник является предтечей гробниц с подземной погребальной камерой и надземной постройкой, которые будут распространены и получат развитие в IV веке до н.э. (см. главу 4). Как правило, камера имеет прямоугольную форму и, как правило, перед ней находится дромос

⁴³¹ Paton W.R. Excavations in Caria // The Journal of Hellenic Studies, Vol. 8 (1887), pp. 64-80.

⁴³² Carstens A.M. Tomb Cult on the Halikarnassos Peninsula // AJA, Vol. 106, No. 3 (Jul., 2002). P. 395.

⁴³³ Ibid. P. 398.

⁴³⁴ См. например в Burkert W. Greek Religion. Harvard, 1985; Antonaccio C. M. An archaeology of ancestors: tomb cult and hero cult in early Greece. Lanham, 1995; Ancient Greek Hero Cult. Proceedings of the Fifth International Seminar on Ancient Greek Cult etc. Ed. Robin Hägg. Stockholm, 1999.

⁴³⁵ Carstens A.M. Op. cit. P. 400.

⁴³⁶ Hdt. V.119-121

⁴³⁷ Henry O. Wood Reflections on Stone Tombs // Tatarlı, the Return of Colours. /Ed. L. Summerer & A. von Kienlin. Istanbul, 2010. P. 14.

и одно или несколько помещений. Надземная часть гробницы в Бечине, насколько можно судить по остаткам, представляла собой подиум, сложенный из мраморных блоков – некоторое время его считали остатками храма Зевса Карийского. Под подиумом находились две параллельно расположенные погребальные камеры⁴³⁸. Анри предполагает⁴³⁹, что здесь покоились те выдающиеся карийцы, о которых сообщает Геродот в связи с Ионийским восстанием и которые могли быть предками Гекатомнидов⁴⁴⁰. Однако эта линия не сразу получила развития. Кария на протяжении V века находилась под контролем сатрапов Лидии, и крупные гробницы за этот период пока не засвидетельствованы⁴⁴¹.

Можно предположить, что эта группа гробниц восходит к тумулусам, состоящими (в общих чертах) из погребальной камеры и насыпного холма, которые в больших количествах встречаются в данном регионе. Промежуточным звеном между тумулусами и гробницами с надземными структурами можно считать «укрепления лелегов»⁴⁴², упоминаемые Страбоном. Показательным примером таких сооружений является так называемая «Гебе Килисе» (Gebe Kilise, тур. «беременная церковь») (Рис. 3.28). По всей вероятности, она была воздвигнута в VII-VI веке до н.э.⁴⁴³ Гебе Килисе представляет собой круглое сооружение (диаметр – 15 метров), построенное из различных блоков камней без применения раствора или каких-либо способов крепления⁴⁴⁴. Прямая стена

⁴³⁸ Baran A. Karian Architecture Before the Hekatomnids // Die Karer und die Anderen /Hrsg. von F. Rumscheid. Bonn: Habelt, 2009. P. 309-312.

⁴³⁹ Henry O. Tombes de Carie etc.. P. 135-136.

⁴⁴⁰ Их имена совпадают с некоторыми Гекатомнидами: Мавсол, Пиксодар. О связях карийских владык V и IV веков см.: Newton C. T. A History of Discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae. London, 1862. P. 32 (+ reprint Cambridge, 2011); Hornblower S. The Greek World 479-323 BC. London-New York, 2011.

⁴⁴¹ Henry O. Wood Reflections on Stone Tombs. P. 16. Анри предполагает, что в этот период (как и в предшествующие времена) погребальные сооружения возводились из непрочных материалов, т.е. дерева.

⁴⁴² Strab. VII.7.2.

⁴⁴³ Carstens A.M. Tomb Cult on the Halikarnassos Peninsula // AJA, Vol. 106, No. 3 (Jul., 2002). P. 404.

⁴⁴⁴ Radt W. Siedlungen und Bauten auf der Halbinsel von Halikarnassos unter besonderer Berücksichtigung der archaischen Epoche. Tübingen, 1970, S. 219-223.

высотой около 3 метра удерживает полусферическое завершение, которое со стороны производит впечатление «тумулуса из щебня»⁴⁴⁵, однако внутри потолок оформлен в виде высокого, узкого, ступенчатого ложного свода. Появление более изощренных зданий над погребальной камерой можно считать шагом в естественной эволюции этой конфигурации.

3.6. Ахемениды на территории Малой Азии

В VI-IV веках до н.э. большая часть территории Малой Азии оказывается под властью Ахеменидской Персии. Влияние Ахеменидов на художественную культуру покоренных анатолийских территорий имело разный характер. Ритуальные действия местных народов обогащались за счет контакта с персами, и усложненные (или просто строже формализованные) церемонии и обряды нашли отражение и в изобразительном искусстве⁴⁴⁶. Погребальная пластика (стелы, оформление саркофагов, рельефы монументальных гробниц, в т.ч. скальных) черпало вдохновение из изображений процессий и пиров в персидском искусстве, причем распространение иконографических схем было связано, в том числе, с предметами роскоши, получаемыми из Персии. Однако что касается стилистических средств, то, на наш взгляд, нельзя говорить о прямом воздействии ахеменидских образцов. Местные народы обладали, во-первых, собственными мастерами, во-вторых, непосредственно обращались к опыту ионийских греков. В этих условиях зародилось особое искусство, сочетающее в себе множество черт как местных, так и «привозных». Это сложное и многогранное явление, с одной стороны, имеет ряд универсальных черт, но, с другой стороны, представлено множеством локальных вариантов, в каждом из которых условное соотношение персидского, греческого и «местного» элементов оказывается разным.

⁴⁴⁵ *Carstens A.M.* Op. cit. P. 404.

⁴⁴⁶ *Raimond E.A.* Hellenization and Lycian Cults during the Achaemenid Period // *Persian Responses: Political and Cultural Interaction With(in) the Achaemenid Empire.* /ed. Ch. Tulpin. Swansea: Classical Press of Wales, 2007. P. 143-162.

При изучении этого феномена исследователи часто обращаются к термину «греко-персидское искусство». Термин этот имеет длинную историю и сложный, дискуссионный характер. В данной работе нет возможности полностью осветить все стороны проблемы, однако обзор необходим. Историография данного вопроса подробно изложена в первой главе книги Никулиной Н.М. «Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана»⁴⁴⁷.

Термин был введен в научный обиход Адольфом Фуртвенглером в капитальном труде, посвященном античной глиптике⁴⁴⁸. Анализируя корпус печатей, он по стилистическим признакам выделил две группы – «персидских», созданных собственно персами, и «греко-персидских», которые были созданы греческими мастерами для негреческих заказчиков. Это деление помогло ему систематизировать обширный, сложный и до него практически необработанный материал, хотя границы между двумя группами были размытыми. Было также неясно, относятся ли эти определения исключительно к стилистике, или же применимы и для сюжетной стороны памятников.

Подход Фуртвенглера стал общепринятым в первой четверти XX века. Совершенно иной подход продемонстрировала М. И. Максимова в своих трудах об античных резных камнях, подчеркивая персидский характер предметов и преимущество негреческих мастеров. Однако ее тезисы не получили развития. Тем не менее, к середине века некоторые исследователи начали оспаривать правоту системы Фуртвенглера (например, Джизела Рихтер), считая, что геммы т.н. «греко-персидского» круга могли быть созданы персидскими мастерами.

Наиболее точную характеристику греко-персидского круга (в частности – гемм, но и в более широком смысле) дает Н.М. Никулина. По ее мнению, памятники греко-персидского круга не являются произведениями ни греческого, ни персидского искусства, а «родились на почве искусства местных малоазийских

⁴⁴⁷ Никулина Н.М. Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана. По материалам глиптики V-IV вв. до н.э. М.: Искусство, 1994.

Обзор литературы после 1994 см. например в: Gates J.E. "The Ethnicity Name Game: What Lies Behind "Graeco-Persian"?" // *Ars Orientalis*, Vol. 32 (Medes and Persians), 2002, pp. 105-132.

⁴⁴⁸ Furtwängler A. Die antiken Gemmen. Leipzig, 1900.

народностей, испытавших на себе одновременно как влияние иранского, так и греческого искусства» и представляют собой искусство «периферийных областей государства Ахеменидов»⁴⁴⁹. Это определение весьма точно отражает суть явления. При этом важно постоянно иметь в виду параллельное сосуществование разных течений. Джон Бордмэн, рассматривая глиптику греко-персидского круга, говорит о том, что в данном случае важны не столько этническая принадлежность мастера, сколько регион, из которого предмет происходит⁴⁵⁰.

В данной работе, как уже было сказано во введении, отдается предпочтение именно такому подходу, позволяющему раскрыть «живую и глубокую связь искусства малоазийских народов с восточногреческими, ионийскими влияниями и официальным придворным иранским искусством»⁴⁵¹.

Как мы видим из представленного выше обзора, термин «греко-персидское искусство» изначально применялось к произведениям глиптики, теоретическая основа вопроса разрабатывалась именно на этом материале. Хотя, важно отметить, что Фуртвенглер поставил вопрос о греко-персидском искусстве достаточно широко, предполагая, что помимо гемм в него входил и ряд других произведений изобразительного искусства⁴⁵². Однако исследователи постепенно расширили область применения термина и на другие группы памятников – скульптурные, архитектурные, и т.д. Когда, например, в начале XX в. начали появляться рельефные надгробия особого характера, Макриди описал их именно этим словом⁴⁵³. В вышеупомянутой книге Н.М. Никулиной резные камни (которые являются основным материалом труда) вписаны в более общий контекст: благодаря этому выявлено, что «греко-персидское» – это не столько тот или иной вид искусства, а тип культурного синтеза, нашедший отражение и в памятниках архитектуры, монументальной скульптуры.

⁴⁴⁹ Там же. С. 15.

⁴⁵⁰ Boardman J. Greek Gems and Finger Rings. London, 1970. P. 303.

⁴⁵¹ Никулина Н. М. Там же.

⁴⁵² Никулина Н.М. Там же. С. 12.

⁴⁵³ Metzger H. Sur deux groupes de reliefs «gréco-perses» d'Asie Mineure // L'antiquité classique, T. 40, fasc. 2, 1971. p. 505.

Как этот процесс отразился на архитектурных памятниках Малой Азии?

В целях обеспечения контроля над территорией, Ахемениды создали систему гарнизонов⁴⁵⁴, укрепляли сатрапальные столицы и центры. Однако мы имеем крайне мало археологического материала, напрямую соотносимого с этим процессом. В Сардах сложно отличить стены, созданные при лидийском царе от персидских. А самих дворцов и резиденций, где можно ожидать появление сугубо «персидских» черт, мы фактически не знаем.

Можно ли предположить, что в ахеменидскую имперскую программу не входило создание на территории Анатолии крупных монументально-репрезентативных комплексов, подобных Пасаргадам, Сузам или Персеполю? Сатрапы и верхушка отдельных областей отстраивали свои резиденции (а также, например, усыпальницы) по своему усмотрению, с учетом местных традиций и условий. Впрочем, степень исследованности анатолийских памятников Ахеменидского периода невысока, поэтому вполне возможно, что в будущем станут известными новые, выполненные в более «иранизированном» ключе архитектурные ансамбли.

Один из немногих известных нам примеров – комплекс в Мейданчык Кале (*Meydancık Kale*), древний Киршу, в западной Киликии⁴⁵⁵. В первой половине I тысячелетия здесь располагалась страна Пиринду, известная по нововавилонским источникам⁴⁵⁶. Первые этапы существования города относятся к VII-VI вв. до н.э., когда он был одним из укрепленных центров страны Пиринду. В VI веке Киршу был резиденцией царя Аппуашу (и его предков). Его дворец был разрушен вавилонским правителем Нергал-шар-уцуром в 557-556 гг. до н.э. После

⁴⁵⁴ Список упоминаний персидских гарнизонов в текстах, а также археологические свидетельства см. у *Dusinberre E.R.M.* *Empire, Authority and Autonomy in Achaemenid Anatolia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 108-113.

⁴⁵⁵ См. напр. *Davesne A., Lemaire A., Lozachmeur H.* *Le site archéologique de Meydancikkale (Turquie): du royaume de Pirindu à la garnison ptolémaïque // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 131e année, N. 2, 1987, pp. 359-383.

⁴⁵⁶ *Bryce T.* *Handbook of the People and Places of Western Asia...* P. 388-389.

завоевания персами, Киликия стала одной из сатрапий⁴⁵⁷. Ахемениды понимали стратегическую важность Киршу, поэтому во второй половине VI-начале V вв. до н.э. город снова был обустроен и укреплен.

Центральная постройка комплекса, т.н. «здание А», была украшена фризом, изображающим процессию. Эти рельефы по стилю и иконографии близки к рельефам ападаны Персеполя⁴⁵⁸. Бородатые мужчины, одетые в длинные одежды, продвигаются справа налево. В руках они держат чаши и сосуды (Рис. 3.29, 3.30).

Пьер Бриан в своей книге об истории персидской империи так комментирует этот комплекс: «кто подумал бы, что в Мейданчык-кале, отдаленном месте в киликийских горах, мы встретим рельефы такого же типа, как в Персеполе? Если даже этот город второго ряда обладал таким оформлением, не в праве ли мы предположить, что крупные региональные центры (Сарды, Даскилеон, Дамаск, Бактра) тоже имели подобные рельефы?»⁴⁵⁹ Возможно, он не совсем прав в заниженной оценке Мейданчык-кале/Киршу, но вопрос поставлен верный. Ахеменидские памятники должны оцениваться «не только в количественном отношении»⁴⁶⁰, но и в качественном.

Ксенофонт сообщает, что в Даскилеоне, столицы Геллеспонтской Фригии⁴⁶¹, в конце V века до н.э. находился «царский дворец» (τὰ βασιλεία) Фарнабаза. Имение, унаследованное от отца (Фарнака), было окружено садами, парками, охотничьими угодьями, т.е. «парадизом» (παράδεισος)⁴⁶², однако они

⁴⁵⁷ О Киликии эпохи Ахеменидов см.: *Casabonne O.* La Cilicie à l'époque achéménide. Paris: De Boccard, 2004.

⁴⁵⁸ *Casabonne O.* Présence et influence Perses en Cilicie à l'époque achéménide: iconographie et représentations // *Anatolia Antiqua*, T. 4, 1996. pp. 136-139.

Laroche-Traunecker F. Les édifices d'époque archaïque et gréco-perse de Meydancikkale (Gülнар) // *Les Grands Ateliers d'architecture dans le monde égéen du VIe siècle av. J.-C.* /Éd. J. des Courtils, J.-Ch. Moretti. Istanbul: Institut Français d'Études Anatoliennes-Georges Dumézil, 1993. pp. 13-28.

⁴⁵⁹ *Briant P.* From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire. /Transl. P.T. Daniels. Winona Lake: Eisenbrauns, 2002. P. 764.

⁴⁶⁰ Ibid.

⁴⁶¹ А также ряда прилегающих территорий, см. *Briant P.* Op. cit. P. 697-700.

⁴⁶² *Xen. Hell.* IV.1.15-16.

были разрушены войсками Агесилая⁴⁶³. Возможно, описание роскошных садов является лишь штампом, который Ксенофонт применяет для придачи персидского «колорита» города. Однако, на наш взгляд, это описание могло соответствовать действительности, и в Даскилеоне мог стоять дворец, по отдельным элементам напоминающий крупные иранские ансамбли. Древний Даскилеон был локализован и исследован экспедицией Экрема Акургала в 1954-1959 гг.: был обнаружен крупный архив (около 400 булл)⁴⁶⁴, ряд новых «греко-персидских» надгробий и рельефов. В эллинистических террасных стенах были выявлены блоки, относящиеся к концу V-начала IV вв. до н.э.⁴⁶⁵

В настоящее время в Келенах (эллинистическое название города – Апомея) проводятся исследования, в том числе и по поиску ахеменидской резиденции⁴⁶⁶. Этот город вероятно находился на «царской дороге», соединяющей Сузы и Сарды, и был важным местом. Мы читаем о нем у Геродота: «в Келенах Ксеркса уже ожидал Пифий, сын Атиса, лидиец, который устроил самому царю и всему его войску роскошный прием. Пифий объявил, что готов предоставить царю деньги для войны. Когда Пифий сделал Ксерксу это предложение, царь спросил персов из своей свиты, кто этот Пифий и неужели он так богат, что может делать такие предложения. Персы отвечали: “О царь! Это тот человек, который поднес в дар родителю твоему Дарию знаменитый платан и виноградную лозу из чистого золота. Он и теперь еще самый богатый человек после тебя, о котором мы знаем”»⁴⁶⁷. Этот отрывок показывает в том числе и то, что местная элита обладала ресурсами и авторитетом, с которыми персы должны были считаться при выстраивании своей власти в Малой Азии.

⁴⁶³ *Xen. Hell. IV.1.33*. См. также *Wright A. Persianisation in the Art and Architecture of Achaemenid Provincial Palaces, 550-330 BC // Ancient History Encyclopedia*.

⁴⁶⁴ *Kaptan D. The Daskyleion Bullae: Seal Images from the Western Achaemenid Empire. Leiden: NINO, 2002*.

⁴⁶⁵ *Akurgal E. Kunst Anatoliens... S. 171, Abb. 115*.

⁴⁶⁶ *Иванчик А.И. Келены – Апамея Киботос. Результаты исследований в Южной Фригии // Monumentum Gregorianum. Сборник научных статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина. Отв. ред. А.И. Иванчик, М., 2013. С. 358-377*.

⁴⁶⁷ *Hdt. VII.27*.

Согласно древним авторам, в Келенах (Фригия) был выстроен дворцовый комплекс: «здесь у Кира был дворец и большой парк, полный диких зверей, на которых он охотился верхом, когда считал нужным поупражнять самого себя и своих коней. Посреди парка протекает река Меандр, но истоки ее находятся во дворце; она протекает также через город Келены. В Келенах находится также укрепленный дворец великого царя у истоков реки Марсия под акрополем; эта река также протекает через город и вливается в Меандр»⁴⁶⁸. Ксенодонт также добавляет, что «Ксеркс, возвращаясь из Эллады после понесенного там поражения, построил этот дворец и акрополь Келен».

На западном побережье Малой Азии, в городе Фокея (совр. Фоча) стоит еще один памятник, который можно отнести к полиэтнической элите Ахеменидской империи, который получил название «Таш Куле» (Taş Kule, тур. «каменная башня»)⁴⁶⁹ (Рис. 3.29, 3.30). Он был вырезан из скалы, где коренная порода выходит на поверхность, и образует вертикальный ориентир на равнинной местности, окруженный невысокими холмами. По всей вероятности этот памятник был создан во второй половине VI – начале V в. до н.э. «Башня» состоит из двух объемов. Нижний объем – прямоугольный массив размером 8,8 x 6,2 м., высотой 2,7 м. Кубический верхний объем расположен в северо-западной половине здания и имеет размеры 2,9 x 2,9 и высоту 1,9 м. Переход между двумя объемами осуществлен в виде ступенчатой пирамиды. На северо-восточном фасаде находится ложная дверь. Вход в погребальную камеру осуществлялся через дверь на северо-западном фасаде. Ложные двери были распространенным мотивом в Малой Азии в римскую эпоху, однако в более ранние времена их

⁴⁶⁸ Xen. An. I.2.7-8.

⁴⁶⁹ Cahill N. Tas Kule: A Persian-Period Tomb near Phokaia // AJA, Vol. 92, No. 4 (Oct., 1988), pp. 483-484.

значительно меньше⁴⁷⁰. Каменные плиты с изображением дверей были найдены, в том числе, в лидийской гробнице в Ыкызтепе (İkiztepe) конца VI-начала V вв.⁴⁷¹

Но проблема с критериями отбора «ахеменидских» и «неахеменидских» памятников на территории Анатолии остается. Ряд погребальных сооружений, рассмотренных в данной главе, имеет персидские коннотации, по крайней мере потому, что созданы по заказу элиты, служащей Ахеменидам. Но именно художественное влияние Ирана может оказаться весьма малым.

Таким образом, «персидское составляющее» вошло в анатолийскую культуру наряду с другими элементами, но не стало доминирующим. Ахемениды во многих случаях поощряли местную элиту, считались с местными аристократами.

3.7. Выводы

В данной главе нами были рассмотрены культуры древней Анатолии первой половины I тысячелетия до н.э., причем их характер и особенности взаимоотношений друг с другом прослеживались на примере нашего основного материала – монументальной архитектуры. Как и в предыдущих главах диссертации, мы попытались собрать в одном месте разные памятники, и «хрестоматийные», и менее известные (или открытые в недавнее время). Монументальная архитектура – особая часть наследия древних народов. Она требует больших затрат ресурсов, планирования, заведомо создается для того, чтобы и будущие поколения его тоже созерцали. Поэтому ее изучение сможет пролить свет на множество культурно-общественных явлений.

Если во II тысячелетии до н.э. основным заказчиком монументальных проектов являлись царь, верховный жрец, храмовая организация, то в рассмотренный в данной главе период наблюдается усиление родовой знати,

⁴⁷⁰ Ibid. P. 495. О ложных дверях: *Waelkens M.* Die kleinasiatischen Türsteine. Mainz, 1986; *Roosevelt C.H.* Symbolic Door Stelae and Graveside Monuments in Western Anatolia // *AJA*, Vol. 110, No. 1 (Jan., 2006), pp. 65-91.

⁴⁷¹ *Baughan E.* Lydian Burial Customs... P. 280, Ill. 4.

элиты. С этим связано повышение интереса к погребальной, мемориальной архитектуре. Разумеется, правители по-прежнему играют важную роль: «царские» тумулусы Фригии или Лидии по своему масштабу и инвентарю выделяются среди остальных. Но при этом резко возрастает количество видных «аристократических» гробниц.

Группировки знати разных регионов, к тому же, находятся в постоянном контакте. Их взаимоотношение служит своего рода катализатором этого процесса обогащения архитектурной типологии. Фригийская, лидийская, карийская, ликийская элиты «подсматривают» друг у друга идеи.

Во второй половине VI-V веках до н.э. на уже имеющуюся сложную систему накладывается второй пласт – ахеменидская власть.

Во введении говорилось о том, что малоазийские негреческие народы тесно и плодотворно контактируют с восточными греками. Постоянное «соревнование» элит, предположительно, тоже способствовало популяризации греческих достижений – ведь приглашение знатных греческих мастеров (к которым, кстати, обращались и сами персы!) было делом престижным.

Фригийцы, открывающие анатолийский железный век, следовали собственным архитектурным традициям, имеющим мало общего с современным им греческим зодчеством. Они развивались параллельно, отчасти черпая вдохновение из общих источников – некоторые сходства (например, в применении архитектурных терракот) можно объяснить именно этим. Лидийцы же, наоборот, с большим интересом относились и к эллинской архитектуре, и к скульптуре; становились патронами крупных панэллинских святилищ и заказчиками греческих мастеров. Ликия (и с определенным запозданием – Кария) тоже последовали этому примеру. Но самая высокая точка этого явления еще впереди – в IV веке до н.э.

ГЛАВА IV.

Культово-мемориальные комплексы IV века до н.э.

4.1. Особенности культуры Анатолии в IV веке до н.э.

В связи с ослабеванием Ахеменидского контроля, в IV веке до н.э. на западных территориях Малой Азии наблюдается небывалый политический и художественный подъем. После медленного (и не до конца ясного) процесса формирования этносов, после, возможно, несколько неуверенных первых шагов в VII-VI вв., в IV веке до н.э. происходит всплеск, кратковременный расцвет локальных культур.

И в Карии, и в Ликии мы видим усиление аристократических родов, опирающихся, с одной стороны, на локальные традиции, а с другой стороны, все больше поворачивающихся в сторону греков. Причем, в отличие от предыдущих эпох, ориентиром являются не «восточные греки», а материковая Греция – в первую очередь, разумеется, классические Афины.

Этот период, примерно от начала IV века до походов Александра, определяется по-разному. Это, разумеется, эпоха поздней классики – особая категория в изучении *греческого* искусства. Риджуэй в своей книге о скульптурных стилях IV века до н.э.⁴⁷² справедливо замечает, что в рассматриваемый период происходит «смещение акцентов» („shift of emphasis”), и важнейшие процессы развития скульптуры происходят уже не в Афинах и материковой Греции, а на западных территориях Малой Азии, и, соответственно, в книге рассматриваются многие выдающиеся памятники региона, например, Монумент Нерейд в Ксанфе и героон в Лимире. В труде Джона Бордмэна⁴⁷³ тоже неоднократно отмечается этот сдвиг.

⁴⁷² Ridgway B. S. *Fourth-Century Styles in Greek Sculpture*. Wisconsin, 1997.

⁴⁷³ Boardman J. *Greek Sculpture. The Late Classical Period*. London: Thames & Hudson, 1995.

Но этот период можно описать и как предэллинизм – понятие, особенно важное и непростое. Предэллинизм предполагает сложение предпосылок эллинизма, появление тех или иных черт, которые станут основополагающими признаками эллинистической культуры. Регионы Малой Азии, где контакты «негреческих» («варварских») народов и греков исторически являлись очень тесными, внесли определенный вклад в формирование как предэллинистического, так и непосредственно эллинистического мира.

Однако существует и некий парадокс: в Кари и Ликии, в последствии так и не сложилось полноценных эллинистических образований в посталександровское время⁴⁷⁴.

Действительно, в определенной мере, с точки зрения общественно-политического развития, для анатолийских территорий начало эллинизма «не стало логическим завершением назревавших там процессов, а явилось следствием внешнего вмешательства – походов Александра <...> для Востока эллинизм был в известной мере исторической случайностью»⁴⁷⁵.

Да, верно: эллинистические государства Малой Азии (государство Селевкидов, Пергамское царство, Вифинийское царство, и т.д.) были в известной мере независимы от политических образований предшествующих эпох. Однако в общекультурном и художественном плане они «дышали» той атмосферой, которая создавалась при косвенном и прямом содействии анатолийских предэллинистических образований.

4.2. Ликия

Основная характеристика ликийских земель и общества уже были даны в предыдущей главе. В IV веке до н.э. власть аристократических группировок и «династов» проступает еще отчетливее. Соревнуясь между собой, они искали все

⁴⁷⁴ Габелко О.Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 173.

⁴⁷⁵ Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М.: Русский фонд содействия образования и науке, 2015. С. 43.

новые способы репрезентации своей власти. Результатом этих поисков стали особые культово-мемориальные сооружения, относящиеся к первой половине IV века до н.э. После 360-ых годов строительство монументальных усыпальниц сходит на нет (Ликия подчинена Карию), но менее масштабные гробницы продолжают хранить отдельные черты традиции.

4.2.1. Монумент Нереид в Ксанфе

Одним из предшественников Мавзолея можно считать Монумент Нереид в городе Ксанф (при этом нельзя забывать о том, что он сам по себе является важнейшим памятником ликийского и малоазийского искусства). Он был открыт и исследован в 1840-41 гг. британским археологом Чарльзом Феллоузом⁴⁷⁶. Памятник был практически полностью вывезен в Англию (рельефы, статуи, архитектурные элементы) с места находки и теперь хранится в Британском Музее. Изначально была выдвинута теория о том, что хозяином гробницы был Гарпаг, военачальник Кира II, который в середине VI века покорил Ксанф. Однако эта версия была практически сразу же отвергнута на почве более поздней стилистики скульптуры и архитектуры, а памятник был отнесен к началу IV века до н.э. Его принято связывать с Эрббиной⁴⁷⁷.

Монумент располагался рядом с главной дорогой города, ведущей на акрополь (Рис. 4.1). Как предполагает Дженкинс, ионическое здание, возвышающееся над дорогой, должно было вызывать ассоциации с храмом Афины-Ники афинского акрополя⁴⁷⁸.

Согласно наиболее распространенной реконструкции⁴⁷⁹, эта постройка имела высокий цоколь, на котором стоял ионический храм (Рис. 4.2). Общая

⁴⁷⁶ Феллоуз опубликовал целый ряд книг, посвященных своим ликийским путешествиям и раскопкам: *Fellows C. An Account of Discoveries in Lycia, being a Journal kept during a Second Excursion in Asia Minor.* London, 1841; *Idem. The Xanthian Marbles; their Acquisition and Transmission to England.* London, 1843.; *Idem. An Account of the Ionic Trophy Monument excavated at Xanthus,* London, 1848.

⁴⁷⁷ *Keen A.G. The Dynastic Tombs of Xanthos...* P. 55-56.; *Jenkins I. Op. cit.* P. 186.

⁴⁷⁸ *Jenkins I. Op. cit.* P. 186.

⁴⁷⁹ *Ibid.* P. 188-189.

высота составляла примерно 15 метров. Цоколь опоясывало два рельефных фриза. На так называемом Большом фризе изображены сцены битвы. Сюжет пока не определен. На фризе присутствуют только мужские воины, то есть это не может быть Амазомахией, как на фризе Галикарнасского Мавзолея, или в Бассах. Некоторые участники битвы одеты в тунику с длинным рукавом и кожаный головной убор, отдельные воины изображены в виде гоплитов, остальные же носят греческие одежды (короткую тунику). Однако воинов нельзя разделить на две противоборствующие стороны по четкой схеме, нет, например, этнического разграничения. Второй фриз, размещенный на подиуме (Малый фриз) изображал осаду города, причем сцены были выполнены с большой точностью и очень детализировано. Центральное место занимает сцена с сидящим на троне правителем в персидских одеждах⁴⁸⁰ (**Рис. 4.3**). Слуга держит над ним зонтик. Правитель сидит с поднятой правой рукой. К нему подходят два мужчины в «гражданских» одеждах и с длинной бородой – посланцы, представители покоренного города. Типологически этот сюжет восходит к рельефам «Гробницы Гарпий», и, соответственно, к персидским образцам, однако был выполнен греческими мастерами. По всей вероятности, Малый фриз запечатлел конкретные исторические события, а именно – покорение Эрбинной большей части Ликийи⁴⁸¹. Батальные сцены Большого фриза, скорее всего, имеют более отвлеченный характер и призваны подчеркнуть героизм событий Малого фриза (**Рис. 4.4**).

Архитравный фриз изображал охоты и битвы, но между сценами нет такой тесной взаимосвязи, как в двух фризах, рассмотренных выше. Охотничьи сюжеты являлись самой распространенной темой погребальных сооружений, и греческих, и персидских⁴⁸². Четвертый же фриз, который исследователи помещают не стене целлы, изображает жертвоприношения и пир. Центральным образом, опять же, выступает правитель, на этот раз он возлежит на клине, в правой руке поднимает

⁴⁸⁰ BM Sculpture. P. 24. (Inv. 879)

⁴⁸¹ Jenkins I. Op. cit. P. 156-157, 194.

⁴⁸² Ibid. P. 195.

ритон⁴⁸³. Под клине лежит собака. Вокруг него носятся слуги, а один придворный шепчет ему на ухо.

В украшение монумента Нереид входили и произведения круглой скульптуры (нереиды), которые стояли между колоннами. Высокий цоколь, переходящий в подиум и украшенный рельефными фризами, был привычным элементом малоазийской погребально-монументальной традиции. Так называемый «северо-восточный героон» в Сагалассе (уже времени Августа) доказывает это: он представляет с собой небольшую квадратную постройку на высоком, ступенчатом цоколе-подиуме, верхняя часть которого была украшена фризами. На рельефах изображены танцовщицы.

Возведение периптера на высоком цоколе, обильное применение рельефных фризов, совмещение местных традиций и заимствованных элементов, привлечение греческих мастеров к работам – все эти факторы сыграют на несколько десятилетий позже при постройке Мавзолея важную роль.

4.2.2. Героон в Гельбаши-Трисе⁴⁸⁴

Героон в Трисе – любопытный архитектурно-скульптурный комплекс, находящийся во внутренней части Ликии. Он был обнаружен и впервые описан путешественником Юлиусом Аугустусом Шёнборном в 1841 году. Позже это место посетил Отто Бенндорф, а в 1882 году рельефы были перевезены (с разрешением турецких властей) в Австрию и попали в собрание Музея истории искусства. К сожалению, на данный момент выставляется всего несколько плит с рельефами – крошечный фрагмент длинного, сложносочиненного фриза. Полной публикации памятника пока тоже нет: репродукции рельефов публиковались в

⁴⁸³ BM Sculpture. P. 30.

⁴⁸⁴ В русскоязычной литературе укрепилось написание «Гельбаши», хотя правильная транскрипция турецкого топонима Gölbaşı – Гельбашы. Триса – античное название находящегося здесь города.

разных изданиях. К концу 2015 года ожидается выход новой монографии, посвященной героону и его скульптурному убранству⁴⁸⁵.

Героон датируется 380-370 гг. до н.э.⁴⁸⁶ Он представлял собой прямоугольный участок (по сути – теменос), окруженный каменной стеной (**Рис. 4.5**). Терраса, на котором он находился, примыкала к акрополю древнего города Триса⁴⁸⁷ и являлся особой, выделенной частью некрополя (содержащего как ликийские свободностоящие саркофаги, так и одну столбовую гробницу последней четверти VI века до н.э.) (**Рис. 4.6**). Таким образом, путь к героону вел снизу вверх, сквозь памятники умершим разного ранга, что должен был подчеркивать особый статус этого места. На территории теменоса находился саркофаг на постаменте (сдвинутый по отношению к центральной оси героона). В юго-западном углу находилась деревянная пристройка, с ложами для пирования.

Ограждение теменоса было богато украшено рельефами. С внешней стороны фризы были только по южной стене, где находился вход. Внутри же фризы проходили по всем сторонам (**Рис. 4.7**). Рельефы были расположены в два регистра. Среди изображений был представлен широкий набор сюжетов:

1. Западная стена: амазомахия; осада Трои; битва у стана греков.
2. Северная стена: похищение дочерей Левкиппа; охота; кентавромахия.
3. Восточная стена: подвиги Тесея и Персея; кентавромахия; сцена пира.
4. Южная стена (внутренняя сторона): убийство женихов; калидонская охота; изображение колесницы, изображение Беллерофонта, пир. – Южная стена (внешняя часть, по двум сторонам от входа): амазомахия; кентавромахия; семеро против Фив; битва у кораблей⁴⁸⁸.

⁴⁸⁵ *Landskron A.* Denkmäler in Lykien zwischen Ost und West: Das Heroon von Trysa. Untersuchungen zu Bildschmuck, Bauform und Grabinhaber. Wien: Holzhausen, [in print].

⁴⁸⁶ *Childs W.A.P.* Prolegomena to a Lycian Chronology, II: The Heroon from Trysa // *Revue Archéologique, Nouvelle Série, Fasc. 2, Études sur les relations entre Grèce et Anatolie offertes à Pierre Demargne*, 2, 1976. P. 315-316.

⁴⁸⁷ *Kolb F.* Bericht über Feldforschungen in Kyenai und Umgebung im Sommer 1990 // *Araştırma Sonuçları Toplantıları*, IX, 1991. Abb. 13.

⁴⁸⁸ *Benndorf O., Niemann G.* Das Heroon von Gjölbасhi-Trysa. Wien: Holzhausen, 1889. Abb. 37.

Посетитель героона, таким образом, мог ходить по территории и по очереди рассматривать рельефы – это, а также совпадение некоторых сюжетов (амазономахия, кентавромахия⁴⁸⁹), наводит на мысль о близости памятника в Трисе к афинскому Тесеюну.

Ворота комплекса тоже имели скульптурное оформление, однако эти элементы носили совершенно иной характер, нежели рельефы, явно ориентированные на эллинистическую культуру. Со внешней стороны карниз портала был украшен чередованием сильно выступающих протом крылатых быков, розетт и горгонейона. Под ними проходил небольшой фриз (на том же блоке камня) с фигурами, сидящими на тронах. Внутри вход был обрамлен с двух сторон рельефами танцовщиц в высоких калафах. На карнизе изображены музицирующие демоны, близкие к египетскому Бесу⁴⁹⁰ (Рис. 4.8, 4.9).

Как мы видим, среди изображений находилось множество сцен, связанных с Троянским циклом. Ликийцы играют очень важную роль в Илиаде, как союзники Трои – количество их упоминаний уступает только, непосредственно, грекам и троянцам, поэтому этот выбор неудивителен. Однако в рельефах по троянскому циклу «ликийская тема» не эксплуатируется явно – в них подчеркивается скорее общий героический пафос. Другие сюжеты посвящены подвигами героев (включая Беллерофонта, чьи деяния и личность тесно связаны с Ликией), а также другими сюжеты, ставшие к этому практически повсеместными в погребальном контексте: мифологическая битва (амазономахия, кентавромахия), сцены пира и охоты. Однако были и редкие темы, например убийство женихов Одиссеем и Телемахом⁴⁹¹ (Рис. 4.10, 4.11).

⁴⁸⁹ Paus. I.17.2.

⁴⁹⁰ См. очерк Й. Кралла в кн. Бенндорфа: Krall J. Über den ägyptischen Gott Bes // Benndorf O., Niemann G. Das Heroon von Gjölbashi-Trysa. Wien: Holzhausen, 1889. S. 72-96.

⁴⁹¹ Другие примеры этого сюжета в монументальной скульптуре нам неизвестны. В храме Афины Арей в Платеях была картина Полигнота, изображающая Одиссея, «уже убившего женихов» (Paus. IX.4.1). В вазописи этот сюжет тоже мало распространен. Иконографическую близость с рельефом из Трисы обнаруживает, например, скифос из Берлина, приписываемый мастеру Пенелопы (Berlin F 2588, ок. 440 г. до н.э.)

Среди исследователей встречается разная оценка иконографической программы комплекса. Берринджер прослеживает противопоставления «мифологических» и «немифологических» сюжетов (как это часто бывало, например, на двух сторонах расписных ваз): Калидонская охота связана с «обычной» охотой, сюжет «Семеро против Фив» противопоставлен «реальной» осаде, и т.д.⁴⁹² В этом же духе сопоставлены рядом со входом Беллерофонт, убивающий Химеру, и воин на колеснице (предположительно – основной заказчик комплекса)⁴⁹³. Тем временем Бордман описывает рельефы Трисы, как «греческий миф, закупленный оптом»⁴⁹⁴... Риджуэй дает более тонкое объяснение столь широкому и смешанному подбору: это разнообразие «подчеркивало эпический характер» избранных сюжетов, конкретного единого «посыла» не было, комплекс скорее был сроден «выступлению рапсода на пиру»⁴⁹⁵.

Учитывая наличие места для пиров в составе комплекса, это замечание кажется нам весьма важным. Интеллектуальные затеи со связанными сюжетами, описываемые Берринджером, должны были «играть» именно в таком ключе: на периодических собраниях-пиршествах, для поминания (героизированного?) усопшего, для установления связи с ним.

Этот общественный, коммунальный аспект отчетливо читается в герооне в Трисе. Во-первых, необходимо учитывать его особенное, промежуточное положение в структуре города и некрополя. Во-вторых, пиры служили усилению общественной значимости слоев населения, участвующих в них (предположительно – аристократии). Это, а также характер рельефов, контрастирует с Монументом Нерейд: в ксанфском памятнике подчеркивались деяния выдающегося «героя-правителя», предводителя, отличающегося от своих

⁴⁹² *Barringer J.M.* The Hunt in Ancient Greece. Baltimore-London: John Hopkins University Press, 2001. P. 196-197.

⁴⁹³ Подобные взаимодополняющие структуры постулирует Дженкинс, как основной иконографический принцип ликийского погребального искусства – *Jenkins I.* Op. cit. P. 184.

⁴⁹⁴ *Boardman J.* Greek Sculpture. The Late Classical Period. London: Thames & Hudson, 1995. P. 192: "...greek sculpture, bought by the metre".

⁴⁹⁵ *Ridgway B. S.* Fourth-Century Styles in Greek Sculpture... P. 129.

подданных. В Трисе же, наоборот, приобщение к умершему было заложено и в структуре постройки, и в рельефной программе.

Учитывая особый набор сюжетов, можно даже выдвинуть гипотезу, что нахождение на территории теменоса могло быть связанным с инициацией юных ликийцев, вступающих в ряды мужчин. Контекст «героона», гробницы, добавлял дополнительный героический пласт.

4.2.3. Героон Перикла

В 1969-1976 гг. на территории восточноликийского города Лимира была открыта и изучена любопытная монументальная гробница. Она датируется 370-360 гг. до н.э., т.е. она была возведена уже после Монумента Нерейд, но еще до Мавзолея в Галикарнасе. Сооружение получило название «героон Перикла». Перикл Лимирский был выдающимся политическим деятелем. Начиная с 380 года до н.э., ему, по всей видимости, удалось подчинить себе большую часть Ликийи⁴⁹⁶. Неизвестно, был ли «Перикл» его именем, полученном при рождении. И действительно, есть все основания верить, что это сооружение являлось его мемориалом.

Героон находился на искусственной террасе, на южном краю акрополя Лимиры. Он действительно стоял «на краю» - с его места открывался прекрасный вид на низлежащий город и поля (**Рис 4.12**). Риджуэй считает, что подобное расположение является прямой отсылкой к афинскому храму Ники Аптерос (Афины-Ники)⁴⁹⁷, однако на примере Монумента Нерейд и более ранних столбовых гробниц мы уже могли убедиться, что высокий подиум или цоколь является характерной чертой ликийской погребальной архитектуры. Над цоколем возвышался «храм» ионического ордера – такой же амфипростиль, как упомянутый храм Ники Аптерос в Афниях, с той разницей, что по двум фасадам героон Перикла имеет кариатид (**Рис. 4.13**). Т.е. памятник соединяет в себе черты

⁴⁹⁶ Bryce T. The Other Pericles // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, Bd. 29, H. 3 (3rd Qtr., 1980). P. 377-381.

⁴⁹⁷ Ridgway B.S. Fourth century... P. 94.

двух значимых построек классических Афин – основную схему храма Ники Аптерос и портик кариатид Эрехтейона.

Архитектурно-пластический ансамбль героона Перикла является эклектичным. В нем присутствуют архитектурные прообразы на уровне прямых цитат, однако скомпонованы вольно. Скульптуры выполнены мастерами, отлично знакомыми с достижениями греческой пластики, однако в иконографическом отношении здесь прослеживаются и местные аспекты, и «иранизирующие»⁴⁹⁸. В скульптурном убранстве присутствует и архаические черты (в статичной трактовке кариатид), пока динамика акротериальных композиций вполне в духе искусства IV века до н.э.

Отношение ликийцев к греческим образцам было удачно охарактеризовано Н.А. Налимовой «одновременно и восхищенном, порождающем подражания, и избирательном. Откровенно имитируя афинские постройки, создатели лимирского монумента взяли из них только то, что было созвучно их традиции, что вписывалось в задуманную ими программу»⁴⁹⁹.

При этом, несмотря на активное применение греческого мифа и художественных приемов, этот памятник нельзя воспринимать, как «сепаратистский» по отношению к персам. Главным врагом Перикла, если можно так выразиться, были его собственные ликийские соперники, с которыми он боролся. Его гробница – это своеобразный ответ Монументу Нерейд в Ксанфе, в Западной Ликии.

4.2.4. Ликийские скальные гробницы

Скальные гробницы являются, пожалуй, самой известной частью наследия древней Ликии – именно они формируют наиболее заметным образом археологический ландшафт региона. Ликийцы весьма умело обращались с

⁴⁹⁸ Keen A.G. *Dynastic Lycia...* P. 158.

⁴⁹⁹ Налимова Н.А. Особенности архитектуры героона Перикла в Лимире: локальные традиции и «классические» влияния // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013, № 2 (1). С. 187.

камнем, и вырезали рядом со своими городами целые некрополи. Как и скальные фасады Фригии (см. соответствующий раздел в главе 3), гробницы Ликии тоже воспроизводили, имитировали существующие архитектурные формы: и местную, традиционную деревянную архитектуру (их часто называют «гробницами-домами», *house tombs*), и, видимо, некоторое время спустя, элементы греческого ордера («гробницы-храмы», *temple tombs*). Однако, в отличие от фригийцев, ликийцы не обязательно ограничивались лишь двумерным фасадом: где скала это позволяла, они могли оформить и другие стены. В таких случаях объем памятника как бы высвобождается из скалы, сближается с другой важной группой ликийских погребальных памятников – со свободностоящими саркофагами. Впрочем, некоторые саркофаги и скальные гробницы действительно очень близки друг к другу. Принципы формообразования этих двух групп идентичны: в обоих случаях имеем дело с петрификацией деревянных конструкций.

Однако, несмотря на «неизбежность» встречи с этими памятниками, степень их изученности оставляет желать лучшего.

Во-первых, на сегодняшний день не существует какого-либо общего, сводного корпуса ликийских скальных гробниц. Частично описаны некрополи некоторых городов или регионов⁵⁰⁰, существуют монографии, посвященные отдельным иконографическим вопросам⁵⁰¹, и разработана проблематика родовых или семейных гробниц⁵⁰². Однако затруднено даже точная ссылка на те или иные памятники – приходится пользоваться условными именами и примерным описанием их местонахождения.

⁵⁰⁰ Напр. *Borchhardt J.* Myra: Eine lykische Metropole in antiker und byzantinischer Zeit. Berlin: Gebr. Mann, 1975; *Hülden, O.* 2006. Graber und Grabtypen im Bergland von Yavu (Zentrallykien): Studien zur antiken Grabkultur in Lykien. Bonn: Habelt, 2006.

См. также *Roos P.* Survey of Rock-Cut Chamber-Tombs in Caria. Göteborg: Paul Åströms Förlag. Vol. I: South-Eastern Caria and the Lyco-Carian Borderline. 1985. Vol. II: Central Caria. 2006.

⁵⁰¹ *Akurgal, E.* Griechische Reliefs des VI. Jahrhunderts aus Lykien. Berlin, Archäologisches Institut des Deutschen Reiches, 1942; *Childs W.A.P.* The city-reliefs of Lycia. Princeton: University Press, 1978.

⁵⁰² *Bryce T.* Lycian Tomb Families and Their Social Implications // Journal of the Economic and Social History of the Orient, Vol. 22, No. 3 (Oct., 1979). P. 296-313.

Во-вторых, мы не имеем точных датировок. Все гробницы были разграблены. Лишь малая часть гробниц имеет надписи (в т.ч. на ликийском языке), поэтому уточнение времени создания памятников по эпиграфике затруднено. Общепринято, что гробницы, имитирующие деревянную архитектуру, появились раньше, чем «ордерные» фасады, однако эти две группы памятников сосуществовали на протяжении нескольких веков. Сопоставление элементов ордера с непосредственно архитектурными формами может подсказать хронологические рамки создания гробницы, однако в целом ликийские скальные фасады тяготеют к более архаизирующим формам, чем современные им постройки греческого мира, т.е. нет прямой корреляции.

Первая группа скальных гробниц, как уже отмечалось, имитирует деревянные постройки древней Ликии. Эти «окаменелые» здания позволяют судить о несохранившихся памятниках деревянного зодчества, об их конструктивных приемах. На их основании в Лимире археологами была создана экспериментальная реконструкция ликийского деревянного дома (**Рис. 4.14**). В основе лежит рамочная конструкция из перекрестных балок, проемы между которыми закрываются досками-ставнями – этот прием создает характерное впечатление прямоугольной перспективной ниши. Каждая стенка обычно делится на две зоны: нижнюю и верхнюю, причем нижняя зона примерно в два раза выше верхней. Торцы бревен перекрытия образуют над стеной ровный ряд кругов. Таким образом, выразительность простых элементов традиционного зодчества только повышается при переносе в камень, обретая в целом более абстрактный вид.

Скальные фасады могут имитировать не только здание с плоским перекрытием, но также и любопытную кровлю – двускатную, с криволинейным очертанием, характерную только для Ликии. Подобное завершение имеется и на ликийских саркофагах. Но не до конца ясно, где берет свое начало это завершение – в архитектуре или в саркофагах? Фасад может завершаться акротерием, часто в виде бычьих рогов, как, например, на одной из гробниц в Пинаре (**Рис. 4.15**). На

другой фотографии видно, что разного характера гробницы свободно сочетаются в одном комплексе (Рис. 4.16)⁵⁰³.

Фасады гробниц, восходящих к ликийскому деревянному зодчеству, как бы наложены на основную скальную стену, лишние массы камня полностью счищены вокруг них. Гробницы же, имитирующие ордерные постройки, врезаны в скалу глубже. Основной силуэт фасада находится в нише; именно этот метод обработки камня и позволял оформлять более сложные объемы архитектурных элементов. Эта разница особенно отчетливо ощущается, например, в некрополе Тельмесса (совр. Фетхие), где в одном комплексе присутствуют и «ордерные» гробницы (в том числе знаменитая «гробница Аминты» и другие, явно подражающие ей) и «деревянные» фасады.

Среди гробниц, имитирующих греческий ордер, «гробница Аминты» в Тельмессе является наиболее известной (а также, возможно, наиболее ранней)⁵⁰⁴ (Рис. 4.17). Размеры памятника, возвышающегося над долиной, впечатляют – примерно 11x13 м. Свое название она получила по надписи Ἀμύντου τοῦ Ἐρμαλίου⁵⁰⁵ – «Аминты, сына Гермация». Гробница относится к IV веку до н.э. Имя «Аминта» было распространено в Македонии и северо-западной Греции, и вполне вероятно, что появилось в Тельмессе благодаря македонцам, переселившимся в Малую Азию в VI-V вв. до н.э.⁵⁰⁶ Вполне вероятно, что эта гробница была создана для македонца (или потомка македонцев).

Фасад гробницы – ионический дистиль в антах. Колонны имеют капители с укрупненными волютами, близкие к ордеру храма Аполлона в Бассах⁵⁰⁷, памятнику второй половины V века до н.э. Однако «гробница Аминты» явно была

⁵⁰³ Вполне возможно, что гробница, находящаяся слева на фотографии, в древности имела небольшой деревянный портик.

⁵⁰⁴ *Bean G.E.* Lycian Turkey. An Archaeological Guide. London: Benn, 1978. P. 40.

⁵⁰⁵ ТАМ II, 30. (PH283917)

⁵⁰⁶ *Кузьмин Ю.Н.* Аргеады, персы и имя Amnytas в Ликии // Иран и античный мир. Политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Тезисы докладов меж. нар. научной конференции... /Отв. ред. Э.В. Рунг, О.Л. Габелко. Казань: Казанский университет, 2011. С. 49.

⁵⁰⁷ *Fedak J.* Monumental Tombs of the Hellenistic Age: A Study of Selected Tombs from the Pre-Classical to the Early Imperial Era. Toronto: University of Toronto Press, 1990. P. 97.

создана позже – предположительно в середине-второй половине IV века до н.э. Анты украшены под капителями рядом розетт. Вход в погребальную камеру оформлял портал – ложная дверь, тонко профилированный и с имитацией разных деталей (гвоздей, створок, и т.д.). Фронтон венчался (незавершенным или плохо сохранившимся) флоральным акротерием.

Любопытно, что, пока для ликийских скальных гробниц в целом характерно компактное, сгруппированное расположение, «гробница Аминты» стоит особняком. Она отделена от основной массы фасадов (но находится в непосредственной близости), что подчеркивает ее статус. Основной скальный некрополь производит совершенно иное впечатление, нежели спокойный монумент Аминты: это настоящий «муравейник», тесное нагромождение разнородных фасадов (**Рис. 4.18**). Среди них есть и один «ордерный» памятник, явно копирующий «гробницу Аминты», однако он имеет несколько иные пропорции.

Мы пока не можем точно доказать, что именно тельмесская «гробница Аминты» была первым подобным памятником, однако можно заметить, что в эпоху поздней классики и эллинизма формула фасада «дистиль в антах» была популярной не только в Ликии, но и по всей юго-западной Малой Азии. Прекрасным примером этому служат скальные гробницы карийского города Кавн⁵⁰⁸ (**Рис. 4.19**). Здесь на одной скальной стене сосредоточены⁵⁰⁹ пять однотипных фасадов дистилей, разница между ними заключается только в масштабе. Между ними высечен еще один, более крупный фасад, тетрастиль в антах. Дистиль в антах применяется и в т.н. «Бербер Ыни»⁵¹⁰, а также в двух гробничных фасадах в Идидиме⁵¹¹ (совр. Гёкова).

⁵⁰⁸ Roos P. The Rock Tombs of Caunos. Vol. I-II. Göteborg: Paul Åströms Förlag, 1972.

⁵⁰⁹ В отличие от ликийских некрополей, здесь достаточно мало памятников, и расположены они менее хаотично.

⁵¹⁰ Henry O. Hekatomnos, Persian Satrap or Greek Dynast? The Tomb at Berber İni // Hellenistic Caria. Bordeaux, 2010. P. 103-120.

⁵¹¹ Akurgal E. Die Kunst Anatoliens... S. 162, Abb. 110-111.

Важно отметить, что все эти города – Тельмесс, Кавн, Идиде – находятся в пограничной ликийско-карийской зоне. Возможно, что именно здесь, на стыке развивается и кристаллизовывается идея создания подобных скальных гробниц. Встречается мнение, что гробницы-храмы с ордерами являются результатом эволюции «гробниц-домов»⁵¹², но, на наш взгляд, не исключено, что здесь имело место быть некое другое влияние, которое привело к появлению этой параллельной линии в ликийской (ликийско-карийской? западноанатолийской?) скальной архитектуре. Однако этот вопрос еще требует подробного осмысления.

Также интересен вопрос о семантике этих фасадов. Скальные гробницы с ордерами элементами часто именуется в литературе «гробницами-храмами». Архитектурная формула дистиля в антах, на наш взгляд, должна была вызывать ассоциации не просто с «храмами», а именно с целлами: ведь ряд важных для юго-западной Малой Азии храмов этого времени имели подобную целлу (с пронаосом в антах). Это и храм Афины в Приене⁵¹³, и храм Зевса в Лабрандах (в Карию)⁵¹⁴. В Ликии они также, несомненно, ассоциировались с фасадами Монумена Нерейд и героона Перикла в Лимире. В сознании карийских вельмож фасады гробниц, можно полагать, могли соотноситься и с андронами в святилище в Лабрандах (см. раздел 4.3.6.). Сравнение с андронами, а также с сокровищницами проводит и Паво Роос⁵¹⁵.

4.3. Кария эпохи Гекатомнидов

«Кария Гекатомнидов» является не географическим понятием, а политическим»⁵¹⁶, отмечает Саймон Хорнблоуэр в своей монографии,

⁵¹² *Keen A.G. Dynastic Lycia...* P. 184: „House-tombs eventually evolved in western and particularly north-western Lycia into 'temple-tombs'.”

⁵¹³ *Robertson D.S. Greek and Roman Architecture.* Cambridge: Cambridge University Press, 1980. Fig. 64.

⁵¹⁴ *Baran A. The Archaic Temple of Zeus Labraundos // Anadolu/Anatolia,* 30, 2006. Fig. 7.

⁵¹⁵ *Roos P. The Rock Tombs of Caunos. Vol. I.* Göteborg: Paul Åströms Förlag, 1972. P. 95, n. 23; см. комментарии в *Keen A.G. Dynastic Lycia...* P. 184-186, 210.

⁵¹⁶ “‘Hekatomnid Karia’ is a political, not a geographical expression” – *Hornblower S. Mausolus.* Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 2.

посвященной Мавсолу. Действительно: под термином «Кария Гекатомнидов» подразумеваем сложную совокупность общественных и культурных явлений, связанных с деятельностью этого амбициозного рода. Неудивительно, что в последние десятилетия эта эпоха все больше привлекает внимание ученых⁵¹⁷. Приведенная выше книга Хорнблоуэра легла в основу большинства исследований, ведь в ней впервые предпринята всеобъемлющая концептуализация деятельности Мавсола и Гекатомнидов. Этот труд способствовал формированию общепринятой картины Карики в контексте истории древнего мира. Местные правители IV века сочетают в себе власть, данную Ахеменидами с сакральным царством, основанном на местных традициях. Их политика во многом превосходит модели поведения эллинистических правителей. Династия, сумевшая в IV веке до н.э. создать в юго-западной Малой Азии квазигосударственное образование, демонстрирует широкий набор политических инструментов – обращение к греческому культурному опыту было лишь одним из них. Знатные потомки Гекатомна из Милас после обретения титула сатрапа постепенно расширяют свою сферу влияния, всегда уделяя много внимания репрезентации собственной власти. Самым мощным политическим актом, пожалуй, можно считать предпринятый Мавсолом синоикизм побережного Галикарнаса и окружающих городов⁵¹⁸. Во внутренних же регионах Гекатомниды

⁵¹⁷ В рамках данной главы нет возможности раскрыть всю историографию вопроса, однако можно привести ряд изданий материалов узкотематических конференций: Linders T., Hellström P. (eds.). *Architecture and Society in Hecatomnid Caria*. Uppsala, 1989; Isager J. (ed.) *Hecatomnid Caria and the Ionian renaissance*. Odense, 1994; Rumscheid F. (ed.), *Die Karer und die Anderen*. Bonn, 2009; van Bremen R., Carbon J.-M. (eds). *Hellenistic Karia: Proceedings of the First International Conference on Hellenistic Karia*. Oxford, 2010; Karlsson, L., Carlsson, S. (eds). *Labraunda and Karia, Proceedings of the International Symposium Commemorating Sixty Years of Swedish Archaeological Work in Labraunda*. Uppsala, 2011; Henry O. (ed.). *4th Century Karia. Defining a Karian identity under the Hecatomnids*. Istanbul-Paris, 2013.

В последние десятилетия возросло и количество работ, посвященных карийскому искусству, культуре и, в том числе, погребальным сооружениям, в связи с активной археологической деятельностью. Стоит выделить таких исследователей, как Анна-Мари Карстенс, Абдулкадир Баран и Оливье Анри. Их сфера интересов – искусство и культура Карики в эпоху Гекатомнидов и в периоды, предшествующие им.

⁵¹⁸ *Hornblower S. Op. cit. P. 78-105*

активно усваивали карийские религиозные центры – засвидетельствовано множество посвящений в Синури, Амизоне и в Лабрандах.

Участие греческих мастеров в малоазийских художественных проектах рассматривается с разных точек зрения. Во время правления Гекатомнидов в Карию наблюдается подъем культуры и искусства. Этот период получил название «ионического Возрождения». Термин впервые встречается у немецкого археолога Фердинанда Ноака для обозначения активного строительства в IV веке до н.э. с применением новых идей на основе переосмысленной ионической архитектуры⁵¹⁹, с его подачи он и вошел в научный обиход. Теперь исследователи предпочитают говорить об «ионийском Возрождении»⁵²⁰, считая, что такая формулировка более адекватно отражает всеобъемлющий характер самого явления⁵²¹. Сатрапы Карию IV века до н.э. действительно часто обращались к опыту греческому и особенно ионийскому, не пренебрегая при этом локальными традициями. Карийскую культуру (как, по сути, и анатолийскую) можно охарактеризовать как синтез местных, греческих и персидских черт, однако не стоит механически оперировать этими понятиями. Турстан Робинсон в своей статье о ликийском Монументе Нереид осуждает биполярное противопоставление эллинского и персидского (Запада и Востока), а также восприятие культурного влияния как активного воздействия на пассивный субъект. Робинсон рассуждает так: поскольку Монумент Нереид должен был представлять могущество Ликии, нельзя считать заимствованные элементы признаками слабости культуры или упадка национального сознания⁵²². Включение тех или иных элементов в художественный язык могло происходить вполне осознанно, с определенной целью. В данном случае художественный язык был в, первую очередь, средством

⁵¹⁹ Noack F. Die Baukunst des Altertums. Berlin, 1910. S. 37.

⁵²⁰ Соответственно Ionische – Ionic – ионическое и Ionier... – Ionian – ионийское.

⁵²¹ Baran A. Karian Architecture Before the Hekatomnids. // Die Karer und die Anderen. Internationales Kolloquium an der Freien Universität Berlin etc. Hrsg. Frank Rumscheid. Bonn, 2009, S. 291-292.

⁵²² Robinson T. Erbinna, The „Nereid Monument” and Xanthus. // Ancient Greeks West & East. Ed. Gocha R. Tsetskhladze. Leiden-Boston-Köln, 1999. P. 361-377.

репрезентации. Исследователь Е. А. Круглов⁵²³, в своей статье «Мавзолей и архаическая культура Карики», задается вопросом об «этнической» принадлежности Галикарнасского Мавзолея и приходит к выводу, что «космополитической эпохе эллинизма. Все же, типологически, по стилю и духу, <...> он оказывается кровным представителем древней культуры Карики»⁵²⁴.

Кария оставалась частью Ахеменидской Империи, по-прежнему участвовала в персидских походах, но стала во многих отношениях независимой. Гекатомн получил в управление новые территории, в том числе крупнейший ионийский город Милет. Страбон так описывает судьбу Гекатомнидов: «У карийского царя Гекатомна было три сына – Мавсол, Идрией и Пиксодар – и две дочери; на старшей из них, Артемисии, женился старший из братьев – Мавсол, второй брат – Идрией женился на младшей сестре – Аде. Мавсол же стал царем; когда он скончался бездетным, то оставил царство жене, которая и воздвигла ему упомянутую гробницу»⁵²⁵ – Мавзолей. После того как Артемисия умерла от горя по мужу, царем стал Идрией. Исократ величал его самым богатым правителем Малой Азии того времени⁵²⁶. По смерти Идриея ему наследовала жена Ада, однако она была изгнана Пиксодаром, последним из детей Гекатомна. Склонившись на сторону персов, Пиксодар призвал в Карию сатрапа, чтобы разделить с ним власть. После кончины Пиксодара Галикарнасом уже полностью завладел сатрап⁵²⁷. Когда к городу подступил Александр, сатрап выдержал его осаду. Он был женат на Аде, дочери Пиксодара и Афнеиды, каппадокийской женщины. Однако другая Ада, дочь Гекатомна, которую Пиксодар изгнал, стала умолять Александра и сумела убедить его вернуть ей отнятое царство. Ада обещала за это царю свое содействие против отпавших городов, так как правители

⁵²³ Статьи опубликованы под разными фамилиями: Круглов, Круглов-Мавридис или Мавридис.

⁵²⁴ *Круглов-Мавридис Е.А.* Ук. соч. С. 35.

⁵²⁵ *Strab.* XIV.2.17.

⁵²⁶ *Исократ.* Письмо Филиппу. (V.)103.

⁵²⁷ = Оронтобат. См. *Hornblower S. Mausolus.* Oxford, 1982. P. 49-50.

их, по ее словам, были ее родственниками. Она передала Александру не только Галикарнас, но и Алинды, где она тогда сама пребывала⁵²⁸.

Рассмотрим теперь подробнее время правления Мавсола. Молодой правитель принял участие в восстании сатрапов против центральной власти, и, хотя движение потерпело поражение, Мавсолу удалось утвердить свою власть и независимость Карии. Исследователи отмечают неоднозначный характер и самого события, и позиции Мавсола⁵²⁹ – его политика всегда отличалась тонким лавированием. Это позволило сохранить фактическую независимость Карии. Важным моментом в укреплении автономии можно считать перенесение им столицы из Миласа в Галикарнас и объединение территорий (синойкизм). С этим связано и начало крупного строительства.

По всей видимости, город Галикарнас был основан греками-дорийцами из Аргоса и Трезена, однако уже в первой половине V века до н.э. оказался во власти местной, карийской династии⁵³⁰. Артемисия I, упомянутая в связи с Ксерксом как его советчица, скорее всего, была самым знаменитым представителем этого рода. Любопытно, что при раскопках Мавзолея был найден алебастровый сосуд с именем Ксеркса на четырех языках⁵³¹. Строительство при Мавсоле, с которыми связан расцвет города и появление Галикарнасского Мавзолея, по сути, был очередным шагом к закреплению владений за родом Гекатомнидов.

Витрувий сравнивает планировку и структуру нового города с театроном⁵³². Учитывая рельеф местности, это сравнение весьма уместное. В нижней части, у берега был расположен порт и форум (агора). Выше, примерно на середине склона, на большой площади стоял сам Мавзолей. На хребте горы в центре располагался храм Марса (Ареса) со скульптурой божества, выполненной

⁵²⁸ *Strab.* XIV.2.17

⁵²⁹ *Weiskopf M.* The so Called „Great Satrap’s Revolt”, 366-360 B.C. *Zeitschrift für Alte Geschichte*, Heft 63. Stuttgart, 1989. P. 65-67.

⁵³⁰ *Круглов Е.А.* Социальное развитие Карии в I половине IV в. до н.э. (эллинизация или эллинизация?) // *Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья* / ред. Э.Д. Фролов. Барнаул, 1989. С. 62.

⁵³¹ *Newton C. T.* Op. cit. P. 92.

⁵³² *Vitr.* II.8.11-13.

Леохаром или Тимофеем; с правой стороны был сооружен храм Венеры и Меркурия (Афродиты и Гермеса). Там же находился источник Салмакиды. Налево от храма Ареса стоял царский дворец, чей план, по сведениям Витрувия, был выполнен самим Мавсолом. Возможно, что тот храм, что Витрувий называет храмом Марса/Ареса, был посвящен Зевсу Стратию, который имел особую важность для Карии (см. ниже).

Витрувий в своем трактате пользуется уже устоявшейся терминологическим аппаратом и описательными штампами. Он опирается на известные ему, но не дошедшие до нас источники. Галикарнас он, в принципе мог и не видеть собственными глазами – об этом говорит в т.ч. и Саймон Хорнблоуэр⁵³³. Из терминов, например, бросается в глаза слово для широкой улицы – *platea*, из-за наличия которого некоторые исследователи предполагают устройства города по гипподамовой системе⁵³⁴, однако, как нам кажется, для этого нет основания.

Сравнение городского ландшафта с театром мы встречаем у Диодора Сицилийского, в «Исторической библиотеке» о двух городах: Родоса (19.45.3 и 20.83.2) и о Перинфе (16.76.2). Таким образом, «город-театрон», с одной стороны, литературно-описательный штамп; а с другой – тип прибрежного места, хорошо приспособленного благодаря своим естественным задаткам для создания порта и города.

Хотелось бы провести параллель с Родосом – врагом, конкурентом, и, во многом, ориентиром Карии. Античный город Родос был основан в 408 году до н. э. путем синойкизма значительных городов-государств острова – Камира, Ялиса и Линда: «на этих олимпийских играх <...> жители острова Родос оставили свои города Ялис, Линд и Камер и поселились в одном городе, получившим название Родос»⁵³⁵.

⁵³³ *Hornblower S.* Mausolus... P. 298.

⁵³⁴ *Hoepfner W.* Halikarnassos und das Maussolleion. Die modernste Stadtanlage und der als Weltwunder gefeierte Grabtempel des karischen Königs Maussollos. Darmstadt-Mainz: von Zabern, 2013. S. 9, 37-40, Abb. 18.

⁵³⁵ *Diod.* 13.75.1.

Мавсол тоже выступает синойкистом в Галикарнасе, и фактически создает новый город. А масштабное строительство – обязательный атрибут настоящего благородного правителя: можно провести параллель с литературным образом Эвагора I, кипрского царя, создаваемым Исократом в панегирике: Эвагор, «получив город [Саламин], совершенно одичавший и вследствие финикийского владычества не допускавший к себе эллинов, город, не знавший ремесел, не занимавшийся торговлей, не имевший гавани, он все это исправил и привел в должный порядок. Кроме того, он присоединил к городу новую большую территорию, возвел кругом новые стены, построил триеры и вообще так укрепил этот город своими сооружениями, что он теперь не уступает ни одному из эллинских городов. Более того, Эвагор сделал его настолько могущественным, что многие из тех, кто раньше презирал этот город, теперь боятся его»⁵³⁶. Безусловно, панегирики, созданные по смерти Мавсола поэтами-учениками Исократом⁵³⁷, должны были носить подобный характер.

Тем более, что помимо Галикарнаса, при Мавсоле были укреплены и обустроены и другие города Карики. Это, например, Алинда, где были возведены мощные фортификации⁵³⁸. Другой проект: Минд, «город-театрон» в западном конце Галикарнасского полуострова, где возведенные ворота оказались настолько несоразмерными с самим поселением, что Диоген, «придя в Минд и увидев, что ворота в городе огромные, а сам город маленький, [Диоген] сказал: "Граждане Минда, запирайте ворота, чтобы ваш город не убежал"»⁵³⁹.

То, что Мавзолей, захоронение Мавсола, расположен близко к агоре, подчеркивает роль правителя в развитии города: его практически считают и почитают основателем. Подобным образом захоронили жители Кирены (Ливия)

⁵³⁶ *Исократ. Эвагор. 47.*

⁵³⁷ *Flower M.A. Theopompus of Chios: History and Rhetoric in the Fourth Century BC. Clarendon Press, 1997. P. 55-57.*

⁵³⁸ *Konecny A.L. Ruggendorfer P. Alinda in Karia: The Fortifications // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens, Vol. 83, No. 4 (October-December 2014). P. 709-746.*

⁵³⁹ *D.L. 73.*

основателя города Батта на агоре⁵⁴⁰, которого почитали почти как бога. Павсаний пишет, что именно Артемисия была инициатором постройки Мавзолея, но вероятнее Мавсол еще при жизни заложил основу – столь чётко Мавзолей вписывается в общую планировку города (см. описание Витрувия). Также здесь нельзя не учитывать стремление Павсания показать Артемисию в образе «благородной жены» (в этом смысле особенно показателен пассаж Авла Геллия о скорбящей Артемисии: «Артемисия, как передают, любила [своего] супруга Мавсола сильнее, чем во всех любовных историях и сверх всякого вероятия человеческого чувства. <...> Этот Мавсол, скончавшись на глазах рыдающей и обнимающей его супруги, был великолепным образом погребен, а Артемисия, жена его, пылающая скорбью, положила в воду его прах и пепел, смешанные с благовониями и растолченные в подобие порошка, и выпила, и совершила, как говорят, и многое другое, указывающее на неистовую любовь»⁵⁴¹ или отрывок из речей Цицерона: «Артемисия, жена карийского царя Мавсола, выстроившая ему в Галикарнасе знаменитую гробницу, скорбела о нем всю жизнь и от этого горя скончалась. Это значит, что для нее мысль о муже всегда была свежей; мысль перестает быть свежей лишь тогда, когда засохнет от давности»⁵⁴²).

4.3.1. Галикарнасский Мавзолей

Мавзолей в Галикарнасе относился когда-то к «Семи чудесам света». Памятник этот не сохранился, но от него осталось достаточное количество архитектурных и скульптурных фрагментов, кроме того существуют археологические данные, позволяющие его реконструировать и исследовать. Интерес к Мавзолею⁵⁴³ исследователи проявляют давно, но в последнее время он растет, благодаря новым открытиям как на территории Карики, так и на территории Малой Азии в целом.

⁵⁴⁰ *Ridgway B. S. Fourth-Century Styles in Greek Sculpture. Wisconsin, 1997. P. 113. См. также Pind. Pyth. V.90-98.*

⁵⁴¹ *Aul. Gell. NA. X.18.*

⁵⁴² *Cicero. Tusc. III.31.*

⁵⁴³ Здесь и далее: «Мавзолей» с заглавной буквы обозначает Галикарнасский Мавзолей.

Галикарнасский Мавзолей – одно из самых любопытных сооружений IV века до н.э. Построенный в середине IV века архитекторами Пифеем и Сатиром для карийского владыки Мавсола, монументальный надгробный памятник дал имя целому ряду построек: могила, «которая возведена на Галикарнасе, в честь бывшего тут царем Мавсола, таких больших размеров и так восхитительна по своей отделке и стилю, что даже римляне пришли в величайшее удивление от нее и замечательные памятники в своей стране называют мавзолеями»⁵⁴⁴.

Ряд внешних и внутренних факторов способствовал широкой известности Мавзолея. Он поражал последующие поколения своим масштабом и пышностью скульптурного декора, неслучайно он был включен в списки «Семи чудес света» в эллинистическую эпоху. Но самым главным фактором является, безусловно, то, что он в наивысшей степени отвечал желанию заказчика увековечить свои имя и род – династию Гекатомнидов. Разумеется, эти качества были присущи и другим многочисленным постройкам древних времен, но именно Галикарнасский Мавзолей стал наиболее отчетливым, понятным и величественным воплощением идей монументализации и героизации правителя для «западной» (впоследствии, европейской) традиции, культуры.

Мавзолей был создан на стыке всех тенденций культурного влияния, характерных для региона. Он был создан по заказу карийского царя и, по совместительству, персидского сатрапа, но к работе привлекался главный мастер ионики Пифей (по всей вероятности, уроженец Приены⁵⁴⁵). В Мавзолею узнаются греческие элементы – но общий архитектурный облик сооружения производит совершенно иное впечатление. Скульптурное убранство отражает греческий вкус⁵⁴⁶, но подбор и трактовка сюжетов соответствует требованиям Мавсола, отражающим местную культуру.

Существовал целый ряд надгробных памятников (воздвигаемых для правителей, знати и высшего жречества), имеющих сходную многосоставную

⁵⁴⁴ *Paus.* VIII, 16, 4.

⁵⁴⁵ *Pollitt J. J.* *Art in the Hellenistic Age.* Cambridge, 1986. P. 243.

⁵⁴⁶ *Boardman J.* *Greek Sculpture: The Late Classical Period.* London, 1995. P. 27.

структуру, и что Галикарнасский Мавзолей тоже восходит к этой группе, но представляет собой более масштабное и богатое сооружение, в котором применяются самые распространенные в то время архитектурные и скульптурные решения.

Помимо возможной реконструкции Галикарнасского Мавзолея и анализа его стилистических особенностей (во многом восходящих к эллинским образцам), особое внимание уделяется карийскому и, в более широком смысле, малоазийскому контексту. Это позволяет лучше понять идеи, положенные в основу самого архитектурного образа и его скульптурного оформления; а изучение истории и культуры региона объяснит, почему карийцы обратились к выразительным средствам именно греческого искусства.

Галикарнасский Мавзолей должен – сложное синкретическое явление предэллинистического времени, которое вобрало в себя широкий набор выразительных средств греческого искусства для выражения «негреческого» содержания, а также восходящее к древневосточным прообразам.

Галикарнасский Мавзолей привлекал исследовательское внимание во всех периодах с повышенным интересом к культуре и искусству античности. Как отмечалось во введении, одной из главных изучения этого памятника является проблема реконструкции. Описания Плиния и Витрувия, упоминания у разных авторов – фантастические, но при этом не лишённые деталей, служили своеобразной затравкой для пытливых умов и давали широкий простор для творчества, а также постоянно подталкивали их на заполнение этого белого пятна в истории искусства.

Если ликийские памятники попали в Британский Музей, в первую очередь, благодаря Чарльзу Феллоузу, то Мавзолей связывается именем Чарльза Томаса Ньютона. Чарльз Томас Ньютон (1816-1894) – в будущем – хранитель отдела греческих и римских древностей, был в одном лице дипломатом (в таком качестве он изначально прибыл в Османскую империю и именно эти навыки и связи позволили ему провести раскопки и вывести находки), археологом и выдающимся специалистом музейного дела. Во вступлении к своему сборнику эссе он

рассуждает о роли археологии в системе исторической науки: «мы должны понимать цель и функцию археологии; а ее цель и функция заключаются в том, чтобы собирать, классифицировать и истолковать все свидетельства об истории человечества, не отраженные в письменных источниках»⁵⁴⁷. Именно он стал руководителем экспедиции Британского Музея в Галикарнас, начатой в 1856 г. Эти раскопки вывели изучение Галикарнасского Мавзолея на совершенно новый уровень.

Следующим этапом стала публикация каталога скульптур из античного собрания Британского Музея под редакцией Артура Гамильтона Смита (1860-1941). Круглая скульптура и архитектурные декор и элементы Мавзолея были включены во вторую часть, которая вышла в 1900 году⁵⁴⁸.

По мере появления новых данных и публикаций, Галикарнасский Мавзолей стали более подробно рассматривать авторы трудов, посвященных истории греческого и античного искусства или каким-то отдельным темам. В первую очередь это происходило в связи с участием выдающихся греческих мастеров – среди которых был, в том числе, Скопас.

Четыре греческих мастера, упомянутые Плинием – Скопас, Тимофей, Бриаксид и Леохар (Витрувий предлагает Праксителя вместо Тимофея) выполнили рельефы и круглые скульптуры. В историографии Мавзолея прослеживаются те же две противоположные тенденции, которые характерны для исследования античной скульптуры в целом.

Важным моментом для изучения скульптуры Мавзолея стала публикация каталога «Свободностоящие статуи из Мавзолея в Галикарнасе в собрании Британского Музея»⁵⁴⁹ в 1978 году. Его автором стал Дж. Уэйуэлл. В данной книге детально рассмотрены все фрагменты круглой скульптуры, связанные с Мавзолеем. Книга о рельефных фризах была опубликована значительно позже, в

⁵⁴⁷ *Newton C. T. Essays on Art and Archaeology. London, 1880. P. 2.*

⁵⁴⁸ *Smith A. H. A Catalogue of Sculpture in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum. Vol. 2. London, 1900. Далее – „BM Sculpture”*

⁵⁴⁹ *Waywell G. The free-standing sculptures of the Mausoleum at Halicarnassus in the British Museum. London, 1978.*

2005 году, коллективом авторов, куда входили Брайан Кук, Бернард Эшмол и Доналд Стронг. Авторы этой книги занимают более умеренную позицию, допускают достоверность информации римских авторов и не отрицают участие известных скульпторов и их мастерских в работах над скульптурой Мавзолея⁵⁵⁰. Такой подход кажется наиболее адекватным.

С 1966 по 1977 усилиями датского университета города Орхус на территории Мавзолея были возобновлены раскопки под руководством Кристиана Еппесена, при участии Яна Цале, Пола Педерсена и других археологов. Результаты публиковались в отдельных статьях на страницах *American Journal of Archaeology*, а начиная с 1981 выходила серия отчетных книг (семь выпусков, в каждом из них разбирается одна тема, например находки керамики или постройки, предшествующие Мавзолею). Последний выпуск увидел свет в 2003 году. Пожалуй, это на сегодняшний день самый полный свод информации о Галикарнасском Мавзолее. Многие вопросы остались открытыми (скорее всего, ответ на них лежит не в Мавзолее, взятом отдельно, а в той эпохе, которая породила его), но данное издание закрепило основы наших знаний об этом памятнике.

4.3.2. Письменные источники о Мавзолее. Результаты раскопок

Галикарнасский Мавзолей всегда привлекал внимание как один из выдающихся памятников античного мира. Он упоминается в сочинениях многих авторов⁵⁵¹, однако эти сведения отражают, в первую очередь, восприятие и культурное значение памятника, а не его облик. Когда мы говорим о влиянии Мавзолея, то, прежде всего, имеем в виду его вхождение в списки «Семи чудес света». Составление подобных перечней было характерно для античности. Существовали списки великих эпических поэтов, мудрецов и т.д. Список «Семи

⁵⁵⁰ *Cook B.F., Ashmole D., Strong D. Relief Sculpture of the Mausoleum at Halicarnassus. Oxford, 2005. P. 28.*

⁵⁵¹ Подробный список упоминаний Мавзолея в литературе от античности до нового времени см. у *Dinsmoor W. B. The Mausoleum at Halicarnassus: II. The Architectural Design // AJA, Vol. 12, No. 2 (Apr. - Jun., 1908). P. 167.*

чудес» был своеобразным путеводителем античного мира – изначально они назывались τὰ ἑπτὰ θεάματα, т.е. семь зрелищ, «достопримечательностей» мира, название «чудеса» (θαύματα) закрепилось за ним позже. После походов Александра Македонского авторы стали включать в список все больше построек «варваров», что связано с расширением мира и переменами в восприятии иных, негреческих народов. Это отражено в «Географии» Страбона, где он, вслед за Эратосфеном, критикует тех, «кто делит все человечество на две группы — на греков и варваров, а также и тех, кто советовал Александру считать греков друзьями, варваров — врагами; было бы лучше <...> делить людей по хорошим и дурным качествам, ибо есть не только много дурных греков, но и много образованных варваров»⁵⁵².

В эпиграмме из «Греческой антологии», приписываемой Антипатру Сидонскому (II в. до н.э.), Мавзолей упоминается среди величайших сооружений мира⁵⁵³. Эти строки являются наиболее ранними из имеющихся списков «Семи чудес света». В дальнейшем состав «Чудес» продолжал меняться (например, в «Мифах» Гигина включает еще царский дворец в Экбатане⁵⁵⁴), но Галикарнасский Мавзолей всегда оставался его неотъемлемой частью.

Из античных авторов наиболее полную информацию предоставляют Витрувий (*Vitr.* II.8.10-15, VII.1.12) и Плиний Старший (*Plin.* NH. XXXVI.4.30-31). Именно их сочинения являются основными письменными источниками для реконструкций Мавзолея. Однако нельзя упускать из виду специфику этих произведений. Авторы, несомненно, имели доступ к разнообразным письменным источникам⁵⁵⁵, но могли не видеть воочию предмет своего описания. Согласно Витрувию, архитекторы Мавзолея Пифей и Сатир написали трактат⁵⁵⁶. Он, однако, не дошел до нас. Витрувий мог опираться на этот труд, поскольку в

⁵⁵² *Strab.* I.4.9

⁵⁵³ *Anthologia Graeca.* IX. 58. (The Greek Anthology. Transl. by W. R. Paton. London, 1917. Vol. III. P. 31)

⁵⁵⁴ *Hyginus.* Fabulae. 223.

⁵⁵⁵ *Furtwängler A.* „Plinius und seine Quellen über die bildende Kunst“ // *Kleine Schriften*, Bd. 2. München, 1913, S. 48-49.

⁵⁵⁶ *Vitr.* VII. praef. 12-13.

других местах он ссылается на Пифея, например, при описании храма Афины в Приене и в рассуждениях о недостатках дорического ордера⁵⁵⁷.

У Плиния встречаем описание Мавзолея с указанием размеров. Тут сразу же возникает одна весьма существенная проблема – неизвестно, в каких именно единицах измерения он сообщает обмеры сооружения. У греков не было единой системы, а Плиний не уточняет, берёт ли он свои данные прямо из собственных источников, или же пересчитывает их согласно римской системе⁵⁵⁸.

Согласно Плинию, Мавзолей имел общий периметр 440 (вариант рукописи „Codex Vambergensis”) или 411 футов (вариант всех других рукописей). Исследователи склонны считать достоверным именно первую цифру (CCCCXXXX)⁵⁵⁹, считая вариант 411 (CCCCXI) случайным искажением CCCCXL. Достоверность первого измерения была подтверждена и археологическими данными. Далее Плиний сообщает, что длина стороны от севера к югу составляла 63 фута, а два других фасада были меньше. Высота, вероятно, нижней части – примерно 11 метров. Плиний описывает и перистиль (птерон), имеющий 36 колонн. Над ним возвышалось знаменитое пирамидальное завершение, равное по высоте нижней части и имеющее 24 ступени. На вершине пирамиды стояла колесница работы Пифея. Общая высота всего сооружения составляла 140 футов⁵⁶⁰. К сожалению, Плиний не уточняет, какие именно измерения он приводит, неясно, к чему они относятся. Если предположить, что 440 футов – это периметр постройки, т.е. нижнего цоколя, тогда две большие стороны по 63 фута и две меньшие не составляют прямоугольник: $(2 \times 63) + (2 \times a) = 440$, $a = 157$. Возможно, что Плиний просто переставил местами короткие и длинные стороны, т. е. 63 фута – это размер коротких фасадов, а 157 футов – размер длинных. Также возможно, что речь идет о несовместимых измерениях, так как 440 может обозначать общий периметр не здания, а, например,

⁵⁵⁷ *Vitr.* I.1.12; IV.3.1

⁵⁵⁸ *Jenkins I.* Greek Architecture and its Sculpture. London, 2006. P. 212.

⁵⁵⁹ *Dinsmoor W. B.* Op. cit. P. 145, n. 2.

⁵⁶⁰ *Plin.* NH. XXXVI.4.30-31.

небольшого первого подъема неизвестной и не совпадающей с планом Мавзолея формы. Второй спорный момент – определение единицы измерения, о котором уже говорилось выше.

Предположительно в XII веке н.э. Мавзолей рухнул в результате землетрясений. В начале XV века рыцари-госпиталиеры забрали часть каменных блоков для строительства своей крепости⁵⁶¹. Столетием позже, в 1552, разрушители даже спустились в погребальную камеру. Об этом сообщает Клод Гишар в своей книге о погребальных обрядах греков и римлян⁵⁶², ссылаясь на очевидца по фамилии Де ля Туретт. Госпитальеры обнаружили там «некие ступени из белого мрамора»⁵⁶³. Таким образом в бодрумскую крепость Св. Петра попали материалы Мавзолея, в том числе рельефы, которыми рыцари украшали стены. В 1749 году английский художник и путешественник Ричард Дальтон зарисовал фрагменты Амазономахии, находящиеся в крепости⁵⁶⁴.

В 1846 году турецкий султан подарил обломки фриза английскому послу, так они попали в коллекцию Британского Музея. Вскоре была организована экспедиция под руководством Чарльза Томаса Ньютона (1816-1894) с целью проведения раскопок и добычи новых фрагментов. Раскопки начались в октябре 1856 года и завершились в июне 1859. Ближайшими помощниками Ньютона были архитектор Р. Пуллан и инженер Р. Смит⁵⁶⁵. Итогом экспедиции стало издание „A History of Discoveries at Halicarnassus, Cnidus, and Branchidae” в 1862 г. В этой книге Ньютон подробно изложил процесс и результаты своих раскопок на территории Бодрума/Галикарнаса и Книда (где экспедиции Ньютона удалось найти т.н. Львиную гробницу – о ней подробнее будет сказано в третьей главе). Названия, данные Ньютоном различным элементам Мавзолея, закрепились и

⁵⁶¹ *Newton C. T. Op. cit. p. 74.*

⁵⁶² *Guichard C. Funérailles & diverses manières d'ensevelir des Romains, Grecs, & autres nations, tant anciennes que modernes. Lyon, 1581.*

⁵⁶³ *Dinsmoor W. B. Op. cit. P. 153.; Newton C. T. Op. cit. P. 77.*

⁵⁶⁴ *Cook B.F. The Mausoleum Frieze: Membra Disjectanda // The Annual of the British School at Athens, Vol. 71 (1976). P. 50; рисунки были приобретены Британским Музеем.*

⁵⁶⁵ *Newton C. T. Op. cit. P. vi.*

вошли в научный обиход – например «нижний» и «верхний» штреки⁵⁶⁶ (Upper & Lower Galleries), «двор» (Quadrangle). Книга также включала в себя обзор сведений об истории и культуре Кари и описание всевозможных памятников окрестностей.

Большинство находок перевезли в Британский Музей. Ньютон надеялся, что обломки статуй и рельефов, найденные у Мавзолея, дополнят фризы из крепости⁵⁶⁷. В 1860 году он стал хранителем созданного тогда же отдела греческих и римских древностей, и под его руководством сотрудники музея попытались придать целостный облик фризам. В 1865 году экспедиция А. Билиотти продолжила раскопки в Бодруме и исследовала постройки более поздних времен, которые могли содержать в себе повторно использованные фрагменты Мавзолея. Его дневники хранятся в Британском Музее и были опубликованы значительно позже⁵⁶⁸. Они содержат достаточно ценный археологический и эпиграфический материал, а также любопытные сведения о процессе проведения экспедиции.

Надо отметить, что Ньютон проводил свои раскопки тщательнее и разумнее, чем многие его современники. Он старался фиксировать все свои наблюдения, в том числе о цвете и состоянии почвы и относительном возрасту стен⁵⁶⁹. Тем не менее, были и значительные недостатки. Ньютон скупал участки земли, на которых копал, у местного населения и был достаточно сильно ограничен в пространстве. Из-за этого у экспедиции не было возможности удалять выкопанную землю с участка, и её участники были вынуждены раскрывать маленькие участки и засыпать их обратно⁵⁷⁰ один за другим.

⁵⁶⁶ Штрек (от нем. Strecke - маршрут) – горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на земную поверхность.

⁵⁶⁷ Cook B. F. Op. cit., 50.

⁵⁶⁸ Biliotti G. M. A. Diary of the excavations on the site of the Mausoleum in 1865. // The Mausoleion at Halikarnassus: Reports of the Danish Archaeological Expedition to Bodrum. Vol. III/1. Ed. Poul Pedersen. Aarhus, 1991. P. 117-173.

⁵⁶⁹ Jeppesen K., Zahle I. Investigations on the Site of the Mausoleum 1970/1973 // AJA, Vol. 79, No. 1 (Jan., 1975). P. 68.

⁵⁷⁰ Ibid. P. 67.

В настоящее время археологи под руководством Пола Педерсена продолжают исследовать древний Галикарнас, были достигнуты существенные результаты в раскопках «дворца Мавсола» и других античных сооружений на территории крепости Св. Петра.

Мавзолей располагался в центре Галикарнаса, в самом зрелищном месте – путешественник, прибывающий с моря, в первую очередь замечал именно его. Выше уже упоминалось, что сооружение очень хорошо вписывалось в общий вид города. Это было заслугой строительной программы Мавсола. Но при выборе места руководствовались не только стремлением к эффектности и зрелищности.

Уже в ходе первых раскопок Ньютон нашел каменную урну (*soros*) и несколько предметов более раннего происхождения, чем Мавзолей⁵⁷¹. По датировке он соотносил их с алебастровым сосудом, носящим имя Ксеркса. Были найдены остатки погребальных камер, вероятно, относящихся к периоду, предшествующему времени Мавсола⁵⁷². К сожалению, из-за методики исследований, Ньютону не удалось систематизировать находки и восстановить точную последовательность слоев. Однако он сделал предположение, что Мавзолей был построен на участке, который ранее уже неоднократно использовался в качестве некрополя⁵⁷³, поскольку весь фундамент пронизан остатками подземных ходов, тоннелей, камер.

Вполне вероятно, что Мавсол, желая доказать легитимность и преемственность своей власти (и власти династии), выбрал для своей гробницы место, которое имеет давно определившееся культовое значение. Кроме того, известно, во время строительства часть имеющихся построек была уничтожена⁵⁷⁴, что можно трактовать по-разному. С одной стороны, это могло быть вполне естественным обновлением архитектуры города. С другой, могло быть жестом, направленным против тех, кто были здесь похоронены. Однако второй вариант

⁵⁷¹ *Newton C. T. Op. cit. P. 122-124.*

⁵⁷² *Ibid. P. 125.*

⁵⁷³ *Ibid. P. 209.*

⁵⁷⁴ *Jeppesen K., Zahle I. The Site of the Mausoleum at Halicarnassus Reexcavated // AJA, Vol. 77, No. 3 (Jul., 1973). P. 337.*

кажется менее убедительным. Гекатомниды делали опору на традиционные культы Карики (эта тема будет подробнее раскрыта в разделе 4.3.6, на примере святилища в Лабрандах). Пока в связи с Лабрандой мы имеем достаточно много исторических сведений о важности святилища, о Галикарнасском некрополе мы можем только строить догадки.

Для организации пространства в Галикарнасе широко применялись террасы. Об этом организующем принципе неоднократно писал Пол Педерсен⁵⁷⁵, проводив параллели с планировкой Пергама. Подобная же система террас применялась в Лабрандском святилище⁵⁷⁶. В Галикарнасе было несколько маленьких и две больших террас – на одной из них возвышался храм Ареса, на другой – Мавзолей. Эта терраса, общей площадью около 25000 м² (242 x 105 м), была окружена стеной, сложенной из белого мрамора. Ньютон многократно отмечал высокое качество материала и кладки этой стены⁵⁷⁷. Все найденные стены у Ньютона обозначаются термином «перибол», однако это не совсем верное обозначение, поскольку не все они являлись окружением священного участка. Педерсен делит стены по своим функциям на две группы⁵⁷⁸. Первая группа – стены террасы, удерживающие слой почвы. Вторая группа – стены теменоса. Археологические данные показали, что во времена Мавсола (а предположительно, и раньше), большая часть территории террасы не была застроена, образуя священный участок (теменос). Поскольку часть террасы была создана искусственным путем, стена не только отмечала сакральное пространство, но и удерживала насыпь. Высота террасы составляла примерно семь метров⁵⁷⁹, что позволяло еще больше выделить Мавзолей на фоне города. Стремление к вертикальности было

⁵⁷⁵ Pedersen P. The Maussoleion at Halikarnassos Vol. III/I: The Maussoleion Terrace and Accessory Structures. Hojbjerg, 1991. P. 93-108; он же Pergamon and the Ionian Renaissance // *Istanbuler Mitteilungen* 54. (2004). P. 409-434.

⁵⁷⁶ Henry O. Karia, Karians and Labraunda & Necropolis of Labraunda // *Mylasa / Labraunda*. Istanbul, 2010. P. 102

⁵⁷⁷ Newton C. T. Op. cit. P. 131 и др.

⁵⁷⁸ Pedersen P. Op. cit. P. 10.

⁵⁷⁹ Üzel A. The Display of Hekatomnid Power in Karian Settlements Through Urban Imagery. p. 76

характерно для конструкции этого памятника – скорее всего именно это имел в виду Марциал, называя его «висящим в эфире»⁵⁸⁰.

Фундамент Мавзолея был высечен из «живого камня», из коренной породы (в данном случае – из смеси осадочных и вулканических пород) и был укреплен крупными блоками черного андезита⁵⁸¹. Археологические данные внесли определенную ясность в текст Плиния: и Ньютон, и Еппесен совершили обмеры, их результаты несколько отличались друг от друга, но составляли приблизительно 38,5 x 32,5 м, дающие в периметре ~142 м, что примерно равно плиниевским 440 футам.

На приведенной схеме (Рис. 4.20) виден фундамент Мавзолея (в трудах Ньютона – „Quadrangle”). По всему периметру расположены небольшие столбы неизвестного назначения (на схеме обозначены цифрами 0). Ньютон считал, что они служили для укрепления почвы. Еппесен и Цале отвергли эту теорию и предложили свою, согласно которой эти столбы играли роль в строительных работах, однако детали исследователями не уточняются. Ядро Мавзолея составляют погребальная камера (4) и примыкающий к ней дромос (9). Вход в камеру закрывал массивный каменный блок, который опускался на свое место с помощью системы веревок и противовесов. Лестница, ведущая ко входу в погребальную камеру, была засыпана землей. Ньютон предполагал, что это было сделано сразу после похорон Мавсола, ибо края ступеней были острыми и ровными, следовательно, они не подвергались внешнему влиянию⁵⁸².

Датская экспедиция начала 70-х годов добилась больших успехов в раскрытии подземных систем, обозначенных нижним, верхним и коротким штреками (Lower, Upper, Short). Ньютон считал, что они служили дренажной системой, защищающей Мавзолей от осадков и почвенных вод. Нижний штрек огибает весь фундамент. Доступ в штрек обеспечивался через вертикальные

⁵⁸⁰ *Martial. Liber de Spectaculis.1.:* «...Пусть и карийцы свой Мавзолей, висящий в эфире, меры не зная хвалам, не превозносят до звезд,» перевод Ф. Петровского.

⁵⁸¹ *Jeppesen K., Zahle I. Op. cit., 37.*

⁵⁸² *Newton C. T. Op. cit. P. 139.*

шахты. Высота прохода – в среднем 1,6 м⁵⁸³. Из погребальной камеры две отводные каналы попадали в него. Еппесен и Цале не стали оспаривать функцию системы, но выдвинули предположение, что штреки были вырыты еще *до строительства* Мавзолея⁵⁸⁴. Основной «уликкой» являются столбы, упомянутые выше (0), потому что в некоторых местах они перекрывают штреки, следовательно, они появились позже. Соответственно, дренажные системы защищали какое-то другое здание, на месте которого был воздвигнут Мавзолей. Археологи предполагают, что старое здание было уничтожено, ибо строители Мавзолея боялись обвалов тоннелей. С системами подземных ходов было связано отверстие в погребальной камере.

Верхний штрек начинается за пределами фундамента, начинается на юго-западе и ведет на восток. Он имеет сходную с нижним конструкцию. В одном месте перекрыт фундаментом, соответственно тоже предшествует Мавзолею. В восточной части участка Ньютон открыл остатки гробницы⁵⁸⁵, через который проходит верхний штрек – это очередная зацепка для понимания хронологической последовательности построек на данной территории.

Еппесен и Цале допускают, что штреки использовались не для дренажа, а, наоборот, для обеспечения запаса воды, необходимой для погребальных обрядов. На север от Мавзолея располагался некрополь древнего Галикарнаса, и в 1973 году им даже удалось раскрыть подземную гробницу с дромосом в 50 метрах от усыпальницы Мавсола⁵⁸⁶.

Перед погребальной камерой, у западной лестницы, были найдены остатки животных. Ньютон упоминает о них и правильно определяет их жертвенную функцию, однако подробно не рассматривает их⁵⁸⁷. Лишь во время повторных раскопок был проанализирован этот материал Флемингом Хойлундом⁵⁸⁸. Он

⁵⁸³ *Jeppesen K., Zahle I. Op. cit. P. 71.*

⁵⁸⁴ *Ibid. P. 72.*

⁵⁸⁵ *Newton C. T. Op. cit. P. 148.*

⁵⁸⁶ *Jeppesen K., Zahle I. Op. cit. P.74.*

⁵⁸⁷ *Newton C. T. Op. cit. P. 139.*

⁵⁸⁸ *Højlund F. The Maussoleion Sacrifice // AJA, Vol. 87, No. 2 (Apr., 1983). P. 145.*

определил, что все животные (как минимум пять быков, 25 овец и коз и другие, а также 26 куриных яиц) были принесены в жертву за короткий отрезок времени, после чего место засыпали землей (закрыв этим вход в погребальную камеру и скрыв лестницу). Кости животных были распределены ровно, следуя определенному, неизвестному нам принципу⁵⁸⁹.

4.3.3. Реконструкция Мавзолея

Надземная часть Мавзолея состояла из трех частей. Основной задачей при реконструкции было определение соотношений всех составляющих, а именно: 1, высокого цоколя, 2, ионического перистиля с целлой («птерон»), 3, пирамидального завершения. Помимо этого необходимо распределить богатый скульптурный материал, включая три рельефных фриза (Амазономахия, Кентавромахия и состязание колесниц), рельефные кессоны и огромное число круглой скульптуры разных размеров. Отдельно стоит проблема полихромии Мавзолея – она была заложена уже на материальном уровне, поскольку при строительстве использовали каменные породы разных цветов и раскрашивали скульптуры.

Сведения Плиния помогут составить общую картину, но снова не до конца понятно, что он именно имеет в виду, приводя тот или иной размер. Он сообщает, что одна из частей достигает высоту 25 локтей (11,5 м), а пирамида равна по высоте зданию под ним. Общую высоту сооружения он определяет в 140 футах (примерно 42 м).

Из современных реконструкций наибольшей популярностью пользуются варианты Хёпфнера, Уэйвелла и Еппесена (**Рис 4.21**). Еппесен руководил повторными раскопками 1970-ых годов. Уэйвелл – крупный специалист по скульптуре, автор каталога скульптуры Мавзолея (1978). Хёпфнеру принадлежит ряд работ, посвященных реконструкциям выдающихся (и часто – утерянных) памятников: храму Артемиды в Магнезии, Родосскому Колоссу, Пергамскому

⁵⁸⁹ Ibid. P. 152.

алтарю, и т.д. Пока Еппесен и Уэйвелл в своих реконструкциях опираются на археологический материал, Хёпфнер (вслед за Кришеним⁵⁹⁰), в свою очередь, исходит из теории пропорций и принципов архитектуры. Разумеется, эти варианты сложились не сразу, а развивались параллельно с появлением новых сведений – любопытно сравнить реконструкцию Еппесена, составленную в 1958 году⁵⁹¹, то есть, до его бодрумской экспедиции, и предложенные им же схемы 70-х годов, не имеющие друг с другом практически ничего общего, кроме личности автора.

К 70-ым годам уже были полностью отвергнуты реконструкции с удвоенной колоннадой или с преломленной пирамидой. Но вопрос о том, совпадает ли нижний и верхний периметры цоколя, остался, хоть и в менее радикальном виде. В своих реконструкциях, Еппесен и Уэйвелл отстаивают ступенчатый подиум, располагая на выступах круглую скульптуру. В реконструкции Еппесена две, у Уэйвелла три ступени, но Еппесен представляет стену целлы с дополнительным выступом. Интерколумний таким образом составляет 3 метра (10 футов). Хёпфнер реконструирует Мавзолей с более широким интерколумнием (3,15 м.) и оставляет цоколь неразделенным. Вместо размещения круглой скульптуры по ступеням цоколя Хёпфнер располагает их вокруг здания на небольших постаментах, однако это археологически не доказано.

Над подиумом возвышалось 36 ионических колонн. При реконструкции ордера, помимо археологических данных, нам помогают другие работы мастера Пифея, в первую очередь, – храм Афины в Приене, построенный им уже после Мавзолея (ок. 340-330 гг. до н.э.). Он представлял собой изящный периптер (6 x 11 колонн) с глубоким пронаосом (дистиль в антах). Это здание является образцом пропорций и канона: например, соотношение длинной и короткой сторон составляет ровно 2:1⁵⁹². Интерколумнии были равными по всем сторонам,

⁵⁹⁰ *Jenkins I. Op. cit. P. 220.*

⁵⁹¹ *Jeppesen K. Paradeigmata: Three Mid-fourth Century Main Works of Hellenic Architecture Reconsidered. Aarhus, 1958, ch. 1.*

⁵⁹² *Jenkins I. Op. cit. P. 241.*

что позволяло выстроить храм по «сетке», каждая единица которой являлась квадратом. Даже плиты, которыми был вымощен храм, соответствовали этой сетке⁵⁹³. Базы колонн покоились на квадратных постаментах (как в храме Артемиды в Эфесе). Высота колонн составляла около 11,5 м. Исследователи отмечают также сходство капителей храма Афины в Приене и Галикарнасского Мавзолея⁵⁹⁴. Архитрав не имел скульптурных элементов, но кессонированный потолок был украшен 26 рельефными вставками⁵⁹⁵.

Можно предположить, что Пифей был намерен воплотить свои идеи о правильных пропорциях и в ордере Мавзолея, выстраивая птерон по сетке. Еппесен долгое время придерживался этой теории, однако в своих поздних работах отходит от этой позиции и утверждает, что по короткой стороне интерколумний составлял 3 метра, а по длинной стороне – 2,78 метров⁵⁹⁶, что нарушает гармонию здания и противоречит нашим знаниям о Пифее. Если допустить, что он и его мастерская принимали участие в строительстве Мавзолея, то логично предполагать, что именно в оформлении периптера (самой «греческой» части здания) они не получили никаких конкретных указаний от заказчика.

Поэтому оптимальным решением кажется соединение правильного, канонического ордера со ступенчатым цоколем, то есть, примерно то, что Еппесен предлагал в своих ранних реконструкциях.

4.3.4. Воплощение династической программы Гекатомнидов

Что позволяло Мавзолею стать столь сложным памятником? Как создавалась программа его убранства? В данном отношении на первый план выдвигаются Пифей и Сатир. Подобные идеи высказывал и Дж. Уэйуэлл,

⁵⁹³ *Coulton J. Greek Architects at Work: Problems of Structure and Design. London, 1977. P. 70.*

⁵⁹⁴ *Jenkins I. Op. cit. P. 242.*

⁵⁹⁵ Ныне в собрании Британского Музея.

⁵⁹⁶ *Jeppesen K. „Das Maussoleion von Halikarnass: Forschungsbericht 1997” // Proceedings of the Danish Institute at Athens 2, Aarhus, 1998. P. 161.*

описывая ход строительства и организацию мастерской⁵⁹⁷. «Портфолио» Пифея впечатляет: он упоминается и как архитектор Мавзолея, написавший о нем трактат, и как автор венчающей колесницы, а также его имя связывают с храмом Афины в Приене. О Сатире достоверных сведений меньше, к тому же, имя достаточно распространенное. Он был соавтором утраченного сочинения о Мавзолее. Велик соблазн отождествлять его с Сатиром Паросским, подписавшим базу статуй Ады и Идриея (сестры и брата Мавсола, его наследников) в Дельфах⁵⁹⁸. Архитектор IV века до н.э. был не просто строителем, а высококвалифицированным художником, который занимался и скульптурой, и непосредственно строительными работами, контролировал все этапы, технические и художественные⁵⁹⁹. Уэйуэлл предполагает, что «творческий тандем» Пифея и Сатира, налаженная работа их мастерской обеспечивали целостность архитектурного облика и скульптурного убранства Мавзолея⁶⁰⁰, позволяли создать величественный памятник, отвечающий и своей культовой функции, и политическим стремлениям династии – которая, в некотором смысле, стала одной из культовых функций усыпальницы.

Но не является ли предполагаемая скульптурная программа лишь конструкцией многих поколений ученых? Если при попытках воссоздания, например, архитектурного облика Мавзолея (задача которая, впрочем, тоже имеет уже 500-летнюю историю) исследователь может полагаться на результаты археологии, то при анализе содержания, программы, все доказательства являются косвенными.

Больше всего подвергались критике попытки придать особое, «програмное» значение амазоно- и кентавромахии. Фрэнк Тарбелл справедливо замечает, что привычные трактовки амазономахии (противостояние греков персам; триумф

⁵⁹⁷ *Waywell G.B.* The sculptors of the Mausoleum at Halicarnassus. // *Sculptors and Sculpture of Caria and the Dodecanese*. Ed. Ian Jenkins and G.B. Waywell. London: British Museum Press, 1997. P. 60-61

⁵⁹⁸ *Hornblower S.* Mausolus... P. 241.

⁵⁹⁹ *Coulton J.J.* Ancient Greek Architects at Work: Problems of Structure and Design. London: Elek, 1977. P. 16.

⁶⁰⁰ *Waywell G.B.* Op. cit. P. 64.

«греческого» над «варварским») неуместны для таких негреческих по сути памятников, как Галикарнасский мавзолей или ликийский героон в Трисе (Гельбаша), но искать иную подоплеку отказывается⁶⁰¹. Он выступает против «надуманных» объяснений и считает, что эти сюжеты были распространены потому, что предоставляли мастерам широкие выразительные возможности⁶⁰². Тарбелл, с одной стороны, прав в том, что к IV веку до н.э. такие сюжеты, как амазономахия, стали «общим местом», но, с другой стороны, это еще не является достаточным контраргументом. Хорнблоуэр в целом отстаивает наличие программы, но тоже считает, что выбор обоснован популярностью данных сюжетов, а также их высокой пригодностью для заполнения длинного фриза⁶⁰³, при анализе возможных коннотаций мифологических битв называет обнаруживаемые связи «незначительными»⁶⁰⁴.

Статуи и скульптурные группы получают, как правило, более высокую оценку, чем рельефы, то есть вырисовывается некая иерархия скульптурных элементов Мавзолея. Схема простая (в чем-то даже упрощенная) – устанавливается прямая связь между масштабом, материалом, качеством исполнения вещи и ее роли в предполагаемой программе. Смысловым центром программы становятся «галерея предков» – символ могущества династии, и колесница – отсылающая зрителей к личному восхождению (героизации? обожествлению?) самого Мавсола. Фриз с состязанием колесниц тоже расширяет погребальную тему. Сцены царской аудиенции и охоты были сгруппированы на нижних ярусах подиума. Рельефные фризы раскрывали мифологические параллели – правда, в особой трактовке.

В интерколумниях птерона располагались колоссальные статуи представителей династии – именно из числа этих изображений происходит т.н. «Мавсол» Британского музея (**Рис. 4.22**). Скорее всего никогда не узнаем,

⁶⁰¹ *Tarbell F. B. Centaureomachy and Amazonomachy in Greek Art: The Reasons for Their Popularity. // AJA, Vol. 24, No. 3 (Jul. – Sep., 1920). P. 229.*

⁶⁰² *Ibid.* P. 230-231.

⁶⁰³ *Hornblower S. Op. cit. P. 267.*

⁶⁰⁴ *Ibid.* P. 268.

является ли данная статуя действительно его портретом, однако и дорогой материал (тело – пентелийский, голова – паросский мрамор), и высочайшее качество скульптуры, мастерство передачи черт лица говорят о том, что перед нами изображение человека самого высокого статуса. Известно несколько изображений членов династии. Уже при жизни Мавсола воздвигались его статуи – в Кавне и в Эритрее⁶⁰⁵, в Эритрее же была поставлена статуя Артемисии; а миласский юноша, обезобразивший статую Гекатомна, был наказан и лишен имущества⁶⁰⁶. Выше уже упоминались дельфийские статуи Ады и Идриея. Их же встречаем на небольшом вотивном рельефе из Тегеи, посвященном Зевсу Лабрандскому (в собрании Британского музея)⁶⁰⁷ (Рис. 4.24). На основе этих сведений можно предположить, что воздвижение собственных статуй, а также статуй своих предшественников, было распространенной практикой карийских правителей IV века до н.э. Причем женские и мужские представители рода находились на одном уровне. Например, на тегейском рельефе, сестра и брат Ада и Идрией (по обычаю Гекатомнидов – супруги) изображены равными по статусу.

По фрагментам скульптур Уэйуэлл реконструирует пять мужских и пять женских фигур, а также три неустановленного пола⁶⁰⁸, которые соответствуют по масштабу «Мавсолу». Очевидно, что в галерее должны были присутствовать основатель династии Гекатомн, его сестра-жена, сам Мавсол, Артемисия, а также остальные дети Гекатомна, которые наследовали власть: Идрией, Ада, Пиксодар и его каппадокийская жена Афнеида⁶⁰⁹. Всего интерколумний было 36, однако неизвестно, были ли они все заполнены статуями предков. Так или иначе, необходимо понять, чьи изображения были еще включены в галерею.

О непосредственных предках Гекатомна имеется весьма скудный набор

⁶⁰⁵ *Jeppesen K.* The Maussolleion at Halikarnassos. Reports of the Danish Archaeological Expedition to Bodrum. Vol. 5: The Superstructure. A comparative analysis of the architectural, sculptural, and literary evidence. Nøjbjerg-Aarhus: Jutland Archaeological Society: Aarhus University Press, 2002. P. 175.

⁶⁰⁶ *Hornblower S.* Op. cit. P. 68.

⁶⁰⁷ *Jeppesen K.* The Maussolleion... Vol. 5. P. 171.

⁶⁰⁸ *Ibid.* P. 177.

⁶⁰⁹ *Strab.* XIV, II.17

сведений: известно лишь имя его отца, Гиссалдома. Внимание привлекает другая династия, правящая Карией столетием раньше – Лигдамиды. Этому роду принадлежала Артемисия I, военачальница, отличившаяся в греко-персидских войнах: «после кончины своего супруга она взяла верховную власть в свои руки», а ее «корабли после сидонских были самыми лучшими во всем флоте, и советы, которые Артемисия давала царю [Ксерску I], из всех советов участников похода были наиболее полезными»⁶¹⁰. Уже упоминалось, что при раскопках Мавзолея был найден алебастровый сосуд с именем Ксеркса I⁶¹¹ – этот предмет мог быть частью трофейной «коллекции» и должен был подтверждать преемственность и связь Лигдамидов и Гекатомнидов. Параллели между династиями прослеживались и на уровне имен, ведь и там, и там встречаем Артемисии и Мавсолы. Таким образом, включение представителей знатной карийской семьи в родословную Гекатомнидов кажется эффективным решением. Отсылки к величию предков, проекция их достижений на современность являлись мощным орудием пропаганды, а Мавсол, искусный политик, не пренебрегал ими. Например, в одной надписи из Милас, его именуют благодетелем города, «из-за собственных качеств и из-за добродетелей его отца, Гекатомна и его предков»⁶¹².

Династия действительно нуждалась в легитимизации и укреплении своей власти, их положение было далеко не однозначным. Они отличились, по всей видимости, еще до деятельности Гекатомна – если допустить, что Гекатомниды могли претендовать на звание «царя карийцев» (καρῶν βασιλεύς), то легче понять, почему Артаксеркс II в 390-ые годы до н.э. выдвинул именно этот род на пост сатрапа, а не какой-либо другой. Они могли себя спокойно чувствовать во внутренних областях Карики, в родных Миласах, однако Мавсол перенес свою резиденцию в побережный Галикарнас. Необходимо подчеркнуть существенные различия между этими двумя регионами. Галикарнасский полуостров представлял

⁶¹⁰ *Hdt.* VII.99.

⁶¹¹ *Newton C.T.* A History of Discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae. Vol. 1. London: Day & Son, 1862. P. 91-92.

⁶¹² *Hornblower S.* Op. cit. P. 68; *Jeppesen K.* The Mausolleion... Vol. 5. P. 171.

собой в этническом и культурном отношении весьма неоднородную территорию, присутствовал очень сильный греческий элемент, здесь же жили и пока еще не ассимилированные лелеги. Синойкизм (Галикарнас и шесть других поселений образовали новую столицу Карию, а сам Мавсол претендовал на звание основателя) был частью политической экспансии Гекатомнидов. Галикарнас, а также шесть других поселений образовали новую столицу Карию, а сам Мавсол претендовал на звание основателя. Таким образом, династии приходилось вести борьбу на два фронта – они хотели подчинить себе новые города и территории, с некарийскими населением и культурой, но при этом они ни в коем случае не должны были потерять поддержку тыла, т.е. традиционного карийского общества. Складывалась система взаимного влияния – ведь внедрение карийского элемента в население, по мнению Хорнблэуэра, «было сопровождено введением греческих политических учреждений, которые с тех пор фигурируют в галикарнасской эпиграфике»⁶¹³; но также известно, что Мавсол играл определенную роль в культе Зевса Карийского в Миласах и выполнял аналогичную функцию в святилище Зевса Лабрандского. При этом засвидетельствованы случаи покушения на него. Одно произошло в городе Ясос, а второе – как раз в святилище в Лабранде, во время праздника⁶¹⁴.

Галикарнасский мавзолей представляет собой сложное сочетание династического памятника, героона и усыпальницы Мавсола – карийского царя и персидского сатрапа, но при этом в его идеологической программе ощущается сдвиг акцента именно в сторону локальной значимости. Он был «царь, который стал сатрапом, а не сатрап, который стал царем»⁶¹⁵. Можно предположить, что если бы Мавсол хотел подчеркнуть лояльность Ахеменидам и свое высокое положение в имперской иерархии, он выбрал бы иную форму усыпальницы – мог бы ориентироваться на готовый тип гробницы Кира в Пасаргадах, как это делали

⁶¹³ *Hornblower S. Mausolus...* P. 102.

⁶¹⁴ *Jeppesen K. The Mausolleion...* Vol. 5. P. 176; *Ефремов Н.В.* Династия Гекатомнидов в современных им греческих надписях // Вопросы эпиграфики. Вып. 4. /Отв. ред. А.Г. Авдеев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 143-147.

⁶¹⁵ *Hornblower S. Mausolus...* P. 62.

представители полиэтнической элиты Ахеменидской державы. Примерами таких решений могут служить «гробница-пирамида» в лидийских Сардах, или «гибридная» постройка Таш Куле [Taş Kule] близ Фокеи, о которых мы писали в главе 3. Надо отметить, что эти постройки были воздвигнуты как минимум на столетие раньше Мавзолея, в период, когда влияние Ахеменидов было значительно сильнее, чем в середине IV века до н.э. Это в очередной раз показывает особое положение Карики эпохи Гекатомнидов.

4.3.5. Другие погребальные сооружения Карики

Прежде чем перейти к разбору этой темы, необходимо пояснить некоторые особенности изучаемого материала.

На сегодняшний день не существует общепринятой типологии карийских гробниц. Это обусловлено разнородностью и плохим состоянием памятников, отсутствием точных датировок и атрибуций. Заслуживает внимание монография Оливье Анри, посвященная карийским погребальным сооружениям VI-II вв. до н.э.⁶¹⁶. Он выделяет шесть типов, однако критерии их неясны, отнесение тех или иных памятников к одному типу происходит скорее интуитивно. Действительно, тяжело систематизировать этот материал, включающий в себя самые разные памятники. Причем отличаются они не только по структуре и материалам, но и по назначению и содержанию – тумулусы, скальные гробницы-фасады (например, т.н. Berber İni⁶¹⁷), свободно стоящие саркофаги, «Львиная гробница» в Книде или Галикарнасский Мавзолей... Более перспективным подходом кажется частное объединение памятников в гибкие группы, позволяющее свободное привлечение произведений соседних регионов. По сути типы Анри являются подобными группами, хотя и порождены стремлением к типологии.

⁶¹⁶ Henry O. *Tombes de Carie: Architecture funéraire et culture Carienne VIe–IIe siècle av. J.-C.* Rennes, 2009.

⁶¹⁷ Henry O. *Hekatomnos, Persian Satrap or Greek Dynast? The Tomb at Berber İni // Hellenistic Caria.* Bordeaux, 2010. P. 103-120.

Один из любопытных гробниц IV века до н.э. – так называемый „Built Tomb” в святилище в Лабрандах. Она занимает самое видное место в комплексе, расположена на горе, возвышающейся над террасами святилища (Рис. 4.25). Это двухэтажная постройка. Нижний этаж, который наполовину врезан в скалу, занимает небольшая передняя комната и большая погребальная камера (Рис. 4.26). Археологические находки показывают, что гробница использовалась несколькими поколениями. По структуре похожа на гробницу в Бечине, но есть одна весьма существенная отличительная черта, что станет повсеместной для гробниц IV века – погребальная камера перекрыта полуциркульным ложным сводом. По всей вероятности сохранившаяся часть – это лишь цоколь более масштабного здания. На это указывают конструктивные особенности, например наличие невысокого второго яруса, который должен был укрепить переходную часть сооружения.

В 2010 г. в центре современного Миласа (древние Милясы, родовой город Гекатомидов) была открыта погребальная камера, типологически близкая описанной выше гробнице. К сожалению, обнаружили ее «черные археологи», выкопавшие тоннель и прорубившие стену гробницы, нанеся тем самым большой вред уникальным настенным росписям (изображениям плакальщиц). Однако, они не смогли унести огромный рельефный саркофаг высокого художественного уровня.

Гробницу сразу же нарекли усыпальницей Гекатомна, однако, пока рано делать выводы об ее принадлежности. На данный момент нет научных публикаций, посвященных гробнице, поскольку еще не завершены консервация и предварительное исследование памятника. Тем не менее, по имеющимся фотографиям можно судить об общем облике погребальной камеры.

Дополнительную «интригу» вносит в эту историю то, что погребальная камера находится под зданием неустановленного назначения, от которого сохранились лишь подиум и одна колонна (в народе постройка получила название „Uzun yuva” – «Высокое гнездо»). На высокий подиум с единственной колонной,

стоящий в сердце города, уже давно обратили внимание исследователи⁶¹⁸, выдвигались разные предположения о его назначении (дело осложнялось тем, что подиум был вторично использован в римское время – коринфская колонна с гнездом айста как раз принадлежит этому периоду).

Согласно наиболее распространенному мнению, это храм Зевса Карийского. Незадолго до обнаружения гробницы, Франком Румшайдом было выдвинуто иное предположение, согласно которому здание трактуется как незаконченное *первое* монументальное надгробие Мавсола, предшествующее Мавзолею в Галикарнасе⁶¹⁹. В свете нового открытия необходимо пересмотреть функцию этой постройки и определить ее связь с погребальной камерой под ней. Есть вероятность, что она составляла надземную, венчающую часть памятника.

Подземная часть гробницы состоит из дромоса (длина – примерно 8 м.) и погребальной камеры (**Рис. 4.27**). Стены облицованы продолгими крупными каменными блоками, переходящими в ложный свод. Вход в погребальную камеру обрамлен тонким порталом. Архитектурные элементы достаточно лаконичные. По сути «украшением» служит сама кладка, искусно обработанные, тесанные камни, имеющие свою архитектуру – размер блоков боковых стен сокращается от низа кверху. Два ряда блоков, замыкающих ложный свод, более тонкие, их вытянутый формат подчеркивает плавное движение по дромосу. Характер кладки напоминают “Built Tomb” в Лабрандах.

В погребальной камере стоял уже упомянутый саркофаг.

На стороне «А» (которой саркофаг повернут ко входу) изображена сцена пира, на стороне «Б» сцена охоты на льва (**Рис. 4.28, 2.29**).

По всей вероятности, один и тот же персонаж изображен в качестве центральной фигуры на обеих сторонах (**Рис. 4.30, 4.31**). На стороне «А» он возлежит на клине. В левой руке он держит блюдо. Детально проработаны его

⁶¹⁸ В т.ч. ранние путешественники, например *Roscoe R. A description of the East, and some other countries, vol. 2. London: W. Bowyer, 1745, pp. 59-63.*

⁶¹⁹ *Rumscheid F. Mausollos and the “Uzun Yuva” in Mylasa: an unfinished Proto-Mausolleion at the heart of a new urban centre? // Hellenistic Karia: Proceedings of the First International Conference on Hellenistic Karia. Talence, 2010. P. 69–103.*

длинные волосы и борода. Эти черты сближают его с т.н. Мавсолом из Галикарнасского Мавзолея (среди других участников сцен тоже можно проследить соответствия, хотя, возможно, сходства тут не настолько очевидны, как в случае с центральной фигурой). Слева к нему приближаются два мужчины (с бородой и короткими волосами), а у ног клине стоит мальчик (сын?). Справа сидит женщина с покрытой головой (жена?), а за ней приближаются еще две женщины. Их позы и одеяния сходны с изображениями на «Саркофаге плакальщиц» из царского некрополя в Сидоне, хранящемся в Археологическом музее Стамбула (ок. 360 г. до н.э.). Практически аналогичную сцену обнаруживаем на так называемом «Саркофаге сатрапа», который тоже происходит из Сидона и датируется V веком до н.э. Возлежачий мужчина держит блюдо и рог, в который слуга наливает питье. Женщина сидит напротив, а не за спиной, как на саркофаге из Миласа.

Стилистический анализ по имеющимся фотографиям, на наш взгляд, сближает миласский саркофаг с памятниками, относящимися преимущественно к 350-340 гг. до н.э. Например, надгробная стела из Пергамского музея: имеется сходная трактовка драпировок и одежды (естественно падающие, но достаточно простые и схематичные складки), выразительные овалы лиц, трактовка бороды мужчины справа. При этом, отметим, борода «Гекатомна», насколько нам известно, не имеет явных аналогий в греческом искусстве этого периода – она является в определенной мере творческим изобретением художника миласского саркофага.

А в целом рельеф восходит к определенно «восточной» традиции изображения царского пиршества⁶²⁰, одним из наиболее показательных и древних примеров можно считать пир Ашшурбанипала (т.н. «Пир в саду») из Северного дворца в Ниневии. Царь возлежит на ложе в кругу придворных, напротив него

⁶²⁰ Об иконографии возлежания и пиров в искусстве Древнего мира см. например *Fehr B. Orientalische und griechische Gelage. Bonn, 1971; Dentzer J. M. "Aux Origines de l'iconographie du banquet couche" // Rivista di Archeologia, 1971. P. 215-258.*

сидит царица. Ашшурбанипал держит в вытянутой правой руке блюдо⁶²¹. Вспоминается описание из «Киропедии» Ксенофонта: «виночерпии мидийских царей умело, не проливая ни капли, разливают вино, держат фиалу тремя пальцами и подают ее самым изящным образом пирующему»⁶²². Как правило, такая манера характерна для персидско-анатолийского круга – на «греческих» памятниках фиалу держат по-другому⁶²³. В лидийских памятниках иконография тоже распространена⁶²⁴.

Фигуры детей отчасти соответствуют образам слуг-мальчиков, однако трактованы в другом ключе. Их связь с центральной фигурой рельефа (мужчиной, возлежащим на клине) является более тесной, более явленной. Их фигуры конкретизируются за счет дополнительных атрибутов. Если голубь в руке девочки может быть просто заимствованием из репертуара аттических надгробий, то диадему можно считать атрибутом, обусловленным желанием заказчика. Есть, правда, одна аттическая стела из Метрополитен-музея, на котором встречается этот же набор дополнительных предметов, хотя диадема – спорная. Но диадема украшает и голову второго ребенка – мальчика⁶²⁵, стоящего у подножья клине. Так или иначе, все-таки в образах детей, ровно как и в других изображенных фигурах, есть стремление к конкретизации, к подчеркиванию связи этих персонажей.

Вполне вероятно, что в случае с Галикарнасским Мавзолеем мы имеем дело с подобной конструкцией, только выполненной в ином, более грандиозном масштабе, и оформленной с более пышным декором. Ядро Мавзолея составляла погребальная камера с ложным сводом. В камере размещался саркофаг, а перед

⁶²¹ Рельеф находится в Британском Музее, датируется ок. 645 г. до н.э.

⁶²² Xen. Сугор. I.3.8. Комментарии к этому мотиву: Miller M.C. „Manners Makyth Man”: Diacritical Drinking in Achaemenid Anatolia // Cultural Identity in the Ancient Mediterranean. /ed. E.S. Gruen. Los Angeles: Getty Research Institute, 2011. P. 97-98.

⁶²³ Ср. напр. с рельефом из Тасоса (Иония) – Археологический музей Стамбула, №1947. Ridgway B.S. The Banquet Relief from Thasos // AJA, Vol, 71 (1967). P. 307-309.

⁶²⁴ Ramage N. H. „A Lydian Funerary Banquet” // Anatolian Studies, Vol. 29, 1979. P. 92.

⁶²⁵ «Пухлость» этого мальчика не просто подчеркивает его еще детскую пластику, а как будто предвосхищает некую «гекатомнидскую» тучность – ср. с телесной мощностью статуи «Мавсола» из Британского музея.

ней находилось помещение для подарков и жертв⁶²⁶, к которому вела широкая лестница. Однако есть одно существенное отличие от описанной выше схемы карийских гробниц: Мавзолей скорее всего не предполагал возможности новых захоронений, поскольку вход в погребальную камеру был закрыт мощным каменным блоком, а лестница засыпана⁶²⁷. Тем не менее, идея династической преемственности, величия рода Гекатомнидов, отразилась в скульптурном убранстве Мавзолея: в «галерее предков», статуях реальных и мифических предшественников Мавсола, размещенных в интерколумниях периптера.

Вырисовывается двоякая картина. С одной стороны, вполне вероятно, что основной проект постройки предшествует Мавзолею и относится примерно к 370-360 годам. С другой стороны, саркофаг будто был создан уже в 340-330 годы до н.э., т.е. в пост-мавсоловское время. Можно предположить, что проект был задуман как первая усыпальница и династический памятник Мавсола, однако не был закончен, в связи с переносом столицы в Галикарнас (и, соответственно, воздвижением великого Мавзолея). Позже, уже в 340-330 годы, гробница была использована другим членом семьи Гекатомнидов – например Пиксодаром.

Так или иначе, этот памятник явно связан с династией, и прекрасно вписывается в контекст IV века до н.э., однако точная атрибуция и датировки еще требуют дальнейшей работы.

Хотелось бы кратко рассмотреть несколько памятников, на которые, в свою очередь, повлиял Галикарнасский Мавзолей. Причем речь идет не только об архитектурных и скульптурных решениях, но и об идеологическом содержании, программе. Разумеется, можно провести параллель между любыми двумя погребальными сооружениями, но предполагаем, что в приведенных ниже случаях эта связь существеннее и теснее. Эти сооружения выходят за основные

⁶²⁶ *Højlund F.* Op. cit. P. 145–152.

⁶²⁷ *Newton C.T.* A History of discoveries... P. 139.

хронологические рамки нашего исследования, тем не менее, представляют большой интерес.

Один из этих памятников – Львиная гробница в Книде. Она состояла из цоколя, целлы с дорическими колоннами и из пирамидального завершения, на вершине которого была расположена большая скульптура льва (название гробницы обусловлена именно этим львом). Примечательно, что огромный лев был изготовлен из одного блока пентелийского мрамора. Внутри, в области живота, скульптура полая, но несмотря на это, ее вес составляет около 7 тонн⁶²⁸.

Сама постройка имела достаточно большие размеры – это был квадрат с 12-метровыми сторонами. Внутри гробницы располагалась погребальная камера в форме толоса с ложным сводом. В ней находились 11 или 12 погребений воинов, расположенные по радиусам круга. Разные исследователи датируют памятник по-разному. Й. Федак относит его к концу IV – начала III века до н.э. а Кук к III или II веку⁶²⁹, Дженкинс датирует гробницу ок. 300 г до н.э.⁶³⁰. Самая поздняя датировка – II в. до н.э., была предложена Кришеным, на основании сходства ордера с булевтерием в Милете⁶³¹, построенной между 175-164 гг. до н.э. Так или иначе, в общей структуре Львиной гробницы прочитывается влияние Галикарнасского Мавзолея. Однако наследие карийских монументальных гробниц искусно соединено с традицией греческих мемориально-триумфальных памятников, как, например, монументальная статуя льва в Херонее⁶³², или в Амфиполе⁶³³.

Погребальное сооружение раннего III века до н.э. в Белеви тоже восходит к Галикарнасскому Мавзолею, даже в более явной форме, чем Львиная гробница. Однако он представляет собой более простой вариант, выполнен в ином ключе, к тому же он незавершен. Его квадратная основа высечена из камня (известняка) в

⁶²⁸ *Jenkins I.* Op. cit. P. 229.

⁶²⁹ *Webb P. A.* Hellenistic Architectural Sculpture (Figural Motifs in Western Anatolia and the Aegean Islands). Wisconsin, 1996. P. 121.

⁶³⁰ *Jenkins I.* The Lion of Knidos. London, 2008. P. 32.

⁶³¹ *Jenkins I.* Greek Architecture and its Sculpture... P. 231.

⁶³² *Lethaby W.R.* Greek Lion Monuments // The Journal of Hellenic Studies, Vol. 38. 1918. P. 37-44.

⁶³³ *Bronner O.* The lion monument at Amphipolis. Cambridge: Harvard University Press, 1941.

склоне холма, и была облицована мраморными блоками – это составляло цокольную часть сооружения. По своим размерам этот памятник лишь немногим уступал своему предшественнику – каждая сторона составляла примерно 29,7 метров⁶³⁴, а высота подиума – 10,7 метров. Внутри находилась погребальная камера с ложным сводом. Над ней возвышался коринфский перистиль, с восьми колоннами по всем сторонам. Внутри перистиля располагалась целла, напоминающая скорее внутренний двор. Мавзолей в Белеви остался незаконченным и мы не знаем, имел ли он пирамидальное завершение⁶³⁵. Дошедшие до нас фрагменты декора и круглой скульптуры (лежащий лев) предполагают сходную с Мавзолеем скульптурную программу. Особое внимание заслуживает саркофаг, который теперь находится в Эфесском Музее (в городе Сельчук)⁶³⁶. На длинной стороне саркофага изображены клине, стол и подставка для ног. По верхней части клине проходит фриз с одиннадцатью сиренами, играющими на музыкальных инструментах (причем саркофаг тоже не доведен до конца – сирены оставлены в разных стадиях проработки). На крыше саркофага возлежит мужчина, но к сожалению его лик был утрачен или не завершен. В руке держит блюдо.

Точно неизвестно, для кого и когда был воздвигнут мавзолей в Белеви. Характер архитектурных элементов (особенно капителей) не позволяют отнести его к более раннему периоду, чем конец IV – начало III в. до н.э.⁶³⁷. Масштаб памятника наводит на мысль о том, что здесь должен был покоиться человек высоког статуса.

⁶³⁴ *Krinzinger F., Ruggendorfer P., Heinz R.*, „Das Mausoleum von Belevi” // *Anzieger der Akademie der Wissenschaften, Wien*, 136 (2001). P. 149.

⁶³⁵ *Webb P. A.* Op. cit. P. 76.

⁶³⁶ Selçuk Museum, Inv. 1610.

⁶³⁷ *Praschniker C., Theuer M.* Forschungen in Ephesos, Bd. 6: Das Mausoleum von Belevi. Wien, 1979, S. 118–119 & 190–191.

4.3.6. Святилище в Лабрандах: монументальный комплекс эпохи Гекатомнидов

Святилище в Лабрандах, важнейший и древний культовый центр Карики, в эпоху Гекатомнидов было значительно расширено. Однако покровительство династии обозначало не только возведение новых зданий: из места отправления локального культа Лабранды превратились в символ могущества династии. Эта тема неоднократно рассматривалась исследователями, но некоторые моменты требуют уточнения. Поэтому хотелось бы дать краткий обзор основных проблем, связанных с развитием лабрандского святилища и его связей с династией Гекатомнидов. Помимо этого, хотелось бы высказать несколько соображений по поводу иконографии культовой статуи Зевса Стратия/Лабрандского, установленной Гекатомнидами. Этот вопрос, на наш взгляд, еще не получил должного рассмотрения.

Топоним Лабранда, засвидетельствованный в греческих и латинских текстах в нескольких вариантах написания⁶³⁸, имеет лувическое происхождение. Он обозначает «местность, богатую *labra-*», определенным видом растений⁶³⁹. Эта связь была утрачена, и античные авторы, описывая святилище Зевса Лабрандского, соотносили название места с лабрисом, двусторонним топором, одним из атрибутов чтимого здесь бога (Plut. Quaes. Gr. 45), или с присылаемой им «свирепой» (λάβρος) грозой (Ael. NA 12.30). Впрочем, именно возможная связь с лабрисом, с лабиринтом, а также сообщение Геродота о том, что карийцы пришли в Анатолию с эгейских островов (Hdt. 1.172) привели к началу раскопок на территории святилища в 1948 году. Предводитель экспедиции, шведский археолог Аксель Перссон, надеялся найти архив карийских текстов, а в них – ключ к расшифровке линейного «Б»⁶⁴⁰. Количество находок с карийскими текстами

⁶³⁸ Самые распространенные варианты: Labranda, Labraunda, Lambraunda, Labraynda.

⁶³⁹ Herda A. Greek (and our) Views on the Karians // Luwian Identities. Culture, Language and Religion Between Anatolia and the Aegean. Mouton A., Rutherford I., Yakubovich I. (eds.). Leiden – Boston, 2013. P. 433, n. 39.

⁶⁴⁰ Hellström P. Labraunda. A Guide to the Karian Sanctuary of Zeus Labraundos. Istanbul, 2007. P. 49.

оказалось достаточно маленьким, а самыми ранними находками долгое время, вплоть до сезона 2012 года⁶⁴¹, были фрагменты керамики VII века до н.э. Поиски эгейской связи постепенно уступили место поискам анатолийских корней, но вопрос о начале культовой деятельности в Лабрандах остается открытым.

Святылище находится на верхней центральной точке большой долины, на высоте 650 метров над уровнем моря⁶⁴². На первых этапах оно было связано с природными явлениями – карийцы (или их предки), можно сказать, «служили богам своим, на высоких горах и на холмах, и под всяким ветвистым деревом» (Втор. 12.2). Геродот упоминает священную платановую рощу (*Hdt.* 5.119). Центральной точкой святылища могла быть т.н. «Расколота скала» (“Split Rock”) – огромный валун местного гнейса округлой формы, рассеченная на две части (**Рис. 4.32**). Рядом возвышается еще одна скала (часть коренной породы). В обеих скалах были прорезаны ступени для подъема и квадратные ниши для даров.

Приспособление природных форм и применение скальной архитектуры для культовых целей является общей чертой древних народов, населяющих гористые регионы. Это встречается у хеттов, урартийцев, фригийцев⁶⁴³. Из-за сходства лабрандского комплекса с фригийскими святылищами под открытым небом возникло предположение, что «Расколота скала» и ее окружение могли служить местом почитания Кибелы: близость источника, культовые ниши и находка небольшой терракотовой статуэтки Кибелы на троне (V век до н.э.) подтверждают эту идею. По мнению Л. Карлссона, основным мотивом древнейшего лабрандского культа был священный брак (*ἱερός γάμος*) между женским божеством (Кибелой, отождествляемой с «Расколотой скалой») и мужским – богом грозы⁶⁴⁴. В последних отчетах Шведского археологического института

⁶⁴¹ *Henry O. et al.* Labraunda 2012 – Rapport preliminaire // *Anatolia Antiqua*, XXI (2013). P. 285-355.

⁶⁴² *Karlsson L.* The Sanctuary of the Weather God of Heaven at Karian Labraunda. A Bronze Age cult exposé for Robin Hägg // *Perspectives on ancient Greece.: Papers in celebration of the 60th anniversary of the Swedish Institute in Athens.* Stockholm, 2013. P. 178.

⁶⁴³ *Berndt-Ersöz S.* Phrygian Rock-Cut Shrines... P. 143.

⁶⁴⁴ *Karlsson L.* Op. cit.

термин «святилище Кибелы» применяется уже по умолчанию⁶⁴⁵. В этих же отчетах опубликованы первые результаты недавно начатых работ на этом участке. Самые ранние находки датируются серединой V тысячелетия, есть фрагменты керамики Бронзового века – разумеется, это еще не говорит о наличии здесь святилища. Однако есть надежда, что дальнейшие раскопки прольют свет на ранние этапы истории этого места.

С большой вероятностью можем говорить, что во второй половине VII века до н.э. в Лабрандах уже присутствует святилище⁶⁴⁶, но занимает сравнительно небольшую территорию. Рядом с «природными» элементами появляются новые, рукотворные: укрепляется терраса и в конце VI века до н.э. возникает первый храм. Возможно, что это связано с изменениями культа, но о точном характере архаических лабрандских практик пока не можем судить. Новый храм не обозначает, что зона «Расколотой скалы» теряет свою значимость, но определенные сдвиги акцентов можно предположить. Оформление террасы, более четкое выделение теменоса, появление построек указывают на стремление организовать движение по святилищу.

В IV веке на территории Лабранд проводятся строительные работы. За сравнительно короткий период времени в святилище был воздвигнут ряд новых зданий, большинство из которых можно напрямую (благодаря votivным надписям) связать с Мавсолом и Идриеем. Территория была расширена на юг за счет двух новых террас, сообщение между которыми осуществлялось посредством монументальных лестниц. Очевидно, движение участников религиозных праздников играло важную роль в лабрандском ритуале – святилище было кульминационной точкой шествия от города Миласы, который был связан с Лабрандой «Священной дорогой» длиной в 60 стадиев (Strab. 14.2.23). Дорога имела каменное покрытие, а на всей ее протяжении были источники,

⁶⁴⁵ *Henry O. et al. Labraunda 2012... P. 293.*

⁶⁴⁶ *Hellström P. Sculpture from Labraynda // Sculptors and Sculpture of Caria and the Dodecanese /Ed. Jenkins I., Waywell G.B. London, 1997. P. 297; Baran A. The Archaic Temple of Zeus Labraundos // Anadolu/Anatolia, 30 (2006). P. 22.*

оформленные небольшими постройками⁶⁴⁷. На территории самого святилища постройки (пропилеи, стои, андроны, прочие здания) задавали «зигзагообразную» траекторию движения, ведущего к храму, с постепенным подъемом. Понтус Хельстрем сравнивает эту схему с планировкой святилища в Дельфах и допускает, что Гекатомниды могли сознательно ориентироваться на нее⁶⁴⁸.

Заслуживают внимание пиршественные залы, андроны, построенные Мавсолом (андрон Б) и Идриеем (андрон А) (Рис. 4.33, 4.34, 4.35). Оба здания созданы по схожей схеме. Они представляют собой прямоугольные постройки, сочетающие в себе черты разных ордеров: на фасаде две *ионические* колонны в антах поддерживают *дорический* антаблемент. Внутри зданий располагался большой зал с 20 клине. Упомянутые votивные надписи высечены по архитраву. Вынесение личных имен и посвятительных формул на такую центральную позицию считалось проявлением «варварского высокомерия» Гекатомнидов, но в статье Г. Умхольц было убедительно доказано, что лаббранские андроны вписывается в традицию личных посвящений⁶⁴⁹.

Повышенное внимание Гекатомнидов к Лабрандскому святилищу позволяет предположить, что в IV веке до н.э. в ритуалах появляется новый элемент, акцентирующий роль царя (возможно, царя-жреца). Насколько это является нововведением, или усилением/возобновлением старых традиций, неизвестно.

Лабранды, как религиозный центр в IV веке до н.э., были связаны с почитанием мужского божества, который в античных источниках именуется исключительно как Зевс. С ним связывают два эпитета. Один из них относится к топониму Лабранды. Второй – «Стратий», распространенный в эллинистических культах – определяет воинственный характер бога. Однако античные авторы применяют эти определения непоследовательно. Геродот сообщает (*Hdt.* V.119),

⁶⁴⁷ Baran A. The Sacred Way and the Spring Houses of Labraunda Sanctuary // Labraunda and Karia, Proceedings of the International Symposium Commemorating Sixty Years of Swedish Archaeological Work in Labraunda. Karlsson L., Carlsson S. (eds). Uppsala, 2011. P. 51-98.

⁶⁴⁸ Hellström P. The Architectural Layout of Hecatomnid Labraunda // *Revue Archéologique*, Nouvelle Série, Fasc. 2, 1991. P. 308.

⁶⁴⁹ Umholtz G. Architraval Arrogance? Dedicatory Inscriptions in Greek Architecture of the Classical Period // *Hesperia*, 71 (2002). P. 261-293.

что карийцы, после поражения в битве с персами (497 г. до н.э.), искали убежище на территории святилища Зевса Стратия (ἐς Διὸς στρατίου ἱρόν) в Лабрандах. Страбон сначала называет бога по имени местности – Зевс Лабрандский, но потом пишет, что в *лабрандском* храме стоит древняя деревянная статуя Зевса Стратия (ξόανον Διὸς Στρατίου). В этом же пассаже автор упоминает две другие важные святыни, находящиеся в Миласах: Зевса Осого и Зевса Карийского (*Strab.* 14.2.23). Неудивительно, что в более позднем тексте Элиана возникает путаница – он отождествляет Зевса Стратия с Зевсом Карийским, но упоминает и Зевса Лабрандского (*Ael.* NA 12.30).

Справедливо предполагать, что за греческим названием «скрывается» местный вариант общеанатолийского бога грозы (не является ли «народная этимология» Клавдия Элиана отголоском этой традиции?). Его карийское имя, возможно, засвидетельствовано на обломке горловины аттического чернофигурного кратера, найденного в Ясосе (*C.Ia 3*⁶⁵⁰). Буквы нацарапаны поверх фриза с бегущими животными (кабанами и собаками). По мнению Адиего надпись имеет прочтение ?] areš | šanne mlne | siykloś | šann | trqude | k̂λmuδ [?⁶⁵¹

Слово trqude интерпретируется как имя бога, соответствующее Тархунту, и, судя по посвятельному характеру надписи, приводится в дательном падеже⁶⁵².

Правомерно возникает вопрос – сколько и каких богов почитали карийцы, как они понимали эту многоименность? Очевидно, что Зевс Осого отличался от бога/богов Лабранд и другого миласского святилища: по функциям и атрибутам он связан с морем⁶⁵³. Но чем отличаются друг от друга Зевс Лабрандский и Зевс Карийский? Являются ли они разными сущностями? И как они соотносятся с Зевсом Стратием греческой традиции?

⁶⁵⁰ *Karlsson L.* The Sanctuary of the Weather God... Fig. 11.

⁶⁵¹ *Adiego I.J.* The Carian Language. Leiden – Boston, 2007. P. 147.

⁶⁵² *Ibid.* P. 286.

⁶⁵³ *Кушбали Т.* Погребальные сооружения Карики IV века до н.э. // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Сборник научных статей, вып. 2. / Под ред. А.В. Захаровой. С-Пб., 2012. С. 31.

Главным аспектом можно считать «принадлежность» божества – то, к какому святилищу и общине оно «прикреплено». Исследователи отмечают важную роль общин (κοινά) в социальной жизни Карики, которые способствовали длительному существованию территориального размежевания культов, ведь именно святилища выступали одним из организующих факторов. Ломонье, автор монографии о карийской религии, утверждает, что мы имеем дело с божествами разных уровней – Зевс Карийский был «общекарйским» божеством и был тождествен верховному божеству лидийцев и мисийцев, имеющих «долю как братья»⁶⁵⁴ в миласском святилище (*Strab.* 14.2.23); Зевс Лабрандский был богом общины Милас (или одной из общин города)⁶⁵⁵. Хорнблоуэр, в своей монографии о Мавсоле, посвящает целую главу разбору κοινά⁶⁵⁶.

Необходимо сделать небольшое отступление историографического характера. У обоих авторов нет четкого определения «карйской общины». Под этим термином понимают и небольшие, локальные объединения населенных пунктов, и крупные «над-общинные» союзы, некую «Карийскую лигу» – οἱ Κάρεις⁶⁵⁷. Сама идея о существовании общего объединения кажется верной – в античной традиции карийцы часто выступают «единым фронтом» (*Hom. Il.* II.865; *Hdt.* V.119). Однако на данный момент существует недостаточно материалов, относящихся к IV, а тем более, к VI-V векам до н.э. Слово κοινόν, возможно, встречается в двух надписях времени Гекатомнидов, однако только по реконструкции Хорнблоуэра⁶⁵⁸. Кажется более вероятным, что термин был привнесен родосцами в III веке до н.э. В этом заключается парадокс изучения

⁶⁵⁴ Необходимо отметить, что лидийцы могли иметь там долю в VI веке до н.э. не как «братья», а как бы как «братья старшие». Согласно Геродоту, мать Креза была карийкой (*Hdt.* I.92), а карийцы были его подданными (*Hdt.* I.28). Крез славился своими богатыми дарами, посылаемыми во все крупные святилища (*Hdt.* I.92) – можно предположить, что свою долю в миласском храме лидийцы получили именно таким образом. После падения Лидийского царства и установления власти Ахеменидов в Малой Азии, Кария входила в состав сатрапии Лидия/Спарда. Вполне возможно, что лидийско-карйские связи в Миласах продолжали действовать и на этом этапе, в форме сатрапальных вотивов.

⁶⁵⁵ *Laumonier A. Les cultes indigenes en Carie. Paris, 1958. P. 39-40.*

⁶⁵⁶ *Hornblower S. Mausolus... P. 52-78.*

⁶⁵⁷ *Ibid. P. 55.*

⁶⁵⁸ *Ibid. P. 55-56, n. 28.*

ранних форм карийских объединений: суждения высказываются исследователями либо «ретроспективно», на основе богатого эпиграфического материала эллинистического времени (своеобразная «обратная разработка», reverse engineering), либо с ссылками на более древнюю (отчасти – гипотетическую) «коренную» традицию. «Карийская лига» Хорнблоуэра смоделирована по образцу и современного ей Ионийского союза, и Хрисаорейского союза эллинистического времени. Разумеется, нельзя исключать, что Мавсол и/или карийцы могли ориентироваться на опыт соседей. Тем не менее, общественный строй Карики доэллинистического времени требует дальнейших исследований: идея о существовании союзов и объединений в корне правильная, но необходимо найти новую модель для ее описания.

Теперь возвращаемся к теме «карийских Зевсов». С учетом всего вышесказанного, божество номинально могло быть одним и тем же – в IV веке речь идет о «Зевсе Стратиие лабрандского святилища» и «Зевсе Стратиие миласского святилища».

Храм, выстроенный Идриеем на месте (или даже со включением) старого продолжал хранить древний культовый образ (ксоан, деревянная статуя или идол) Зевса Стратия, упоминаемый Страбоном. Можно предположить, что Гекатомниды (а конкретно – Мавсол), помимо построек, посветили и новую статую. Архитравная надпись андрона Б гласит:

Μαύσσωλλος Ἐκατόμνω [ἀνέθηκε τὸν ἀ]νδρῶνα [κα]ὶ τὰ ἐνεόντα Διὶ Λαμβραύνδωι (ILabraunda 14 = РНІ 260081), т.е. Мавсол, сын Гекатомна, посвящает этот андрон и имеющееся [внутри] Зевсу Лабрандскому. Уточнение „τὰ ἐνεόντα“, возможно, указывает именно на статую. Местом же для образа служила прямоугольная «апсида» в восточной части здания.

Ни ксоан, ни новая статуя не дошли до нас, однако об их облике можем судить по косвенным данным. Любопытно, что на миласских монетах римского времени предпочитали изображать нарочито архаический (или архаизированный)

ксоан⁶⁵⁹. Но на монетах IV века до н.э. бог имеет иной вид. Если принять, что изображается не просто бог, а именно конкретная его статуя (связанная с конкретным правителем), то нумизматический материал может служить фундаментом для гипотетической реконструкции.

Основной тип чекана Мавсола включал голову Аполлона⁶⁶⁰ на аверсе и изображение культовой статуи Зевса на реверсе. Зевс изображен в рост, в профиль. На одну ногу опирается, другая же изображена в движении. Бог в левой руке держит длинное копье, а в правой – свой основной атрибут – лабрис, двусторонний топор (cf. *Plut. Quaes. Gr.* 45). Он облачен в длинный хитон и гиматий, образующий крупные горизонтальные складки в области живота. Отметим, что известная статуя «Мавсола»⁶⁶¹, найденная при раскопках Мавзолея в Галикарнасе имеет сходную позу (опирается на правую ногу, а левую выставляет вперед) и ровно такое же одеяние. Остатки рук позволяют судить о том, что они находились близко к телу. Левое предплечье было вытянуто. Неизвестно, держал ли «Мавсол» какие-либо предметы. Реконструкция утраченных рук по схеме, близкой к культовому образу Зевса Лабрандского кажется заманчивой, но не имеет никакого основания (тем более – с лабрисом и

⁶⁵⁹ Предположительно такой же образ присутствует и на утраченном рельефе, который Дж. Вуд, предводитель эфесских раскопок, видел «в саду турецкого джентльмена в Миласах» (*Wood J. T. Discoveries at Ephesus: including the site and remains of the great temple of Diana. Boston, 1877: 270, III. B, 271*).

⁶⁶⁰ В рамках данного исследования нет возможности остановиться на этом образе, но необходимо отметить, что Аполлон, наравне с Зевсом, играл важную роль в сложении синкретических культов на территории Малой Азии и «брал на себя» часть функций анатолийских богов. См. подробнее: *Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М., 2009. С. 47-49.* Что же касается Карии IV века до н.э.: «аполлоновская» тематика прослеживается во многих аспектах деятельности Мавсола (*Konuk K. Coinage and Identities under the Hekatomnids // Henry O. (ed.). 4th Century Karia: Defining a Karian Identity Under the Hekatomnids. Paris, 2013. P. 107-108*), и, предположительно, он отождествлял себя с солнечным богом (*Hornblower S. Mausolus... P. 261*).

⁶⁶¹ В собрании Британского Музея: инв. номер 1857, 1220.232 / BM-1001; по каталогу *Waywell G. B. The Free-Standing Sculptures of the Mausoleum at Halicarnassus. London, 1978: no. 26.* Статуя скорее всего изображает одного из предшественников Мавсола, например его отца, Гекатомна, и стояла в т.н. «галерее предков» Мавзолея (*Кишбали Т. П. Программа скульптурного убранства Галикарнасского мавзолея // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Сборник научных статей, вып. 3. / Под ред. А.В. Захаровой. С-Пб., 2013. С. 62-63*). В настоящее время исследователи видят изображение Мавсола в сидящей на троне мужской фигуре (1857, 1220.235 / BM-1044; *Waywell, 1978: no. 33*).

копьем!). Так или иначе, имеется иконографическое сходство на уровне позы и одеяния. Возможно, эти черты являлись признаками власти в глазах современников и широко применялись для изображения «царя божеств» (Зевса Лабрандского) или же – обожествленного царя.

Более точное представление об облике новой культовой статуи дает голова Зевса из Милас, находящаяся в Музее изящных искусств Бостона (инв. номер 04.12). Памятник датируется 350-340 гг. до н.э., т.е. был создан во время правления Гекатомнидов (и, вполне возможно, по их же заказу). По стилистическим признакам данное произведение является вольной интерпретацией головы Зевса Олимпийского Фидия⁶⁶². На верхней части головы находится отверстие для крепления еще одной детали – высокого полуса. На монетах бог изображен без головного убора.

Еще одним источником реконструкции облика культовой статуи Зевса Лабрандского является рельеф из Тегеи – верхняя часть стелы с эдиктом (в собр. Британского Музея: инв. ном. 1914, 0714.1). В центре изображен Зевс Лабрандский, в фас, с лабрисом и копьем. На его груди находится девять выпуклых полусфер, образующих треугольник – подобно пекторальным украшениям культовой статуи Атремиды Эфесской. Бога фланкируют изображения Ады и Идриея (фигуры подписаны: Syll.³ 225). Царская чета стоит в молитвенной позе. Идрией поднимает правую руку вверх, обращаясь к богу, а в левой держит копье или длинный скипетр⁶⁶³. На наш взгляд, важно отметить визуальное сходство Идриея с богом (прическа, борода). Хельстрем, на основании этого рельефа, а также из-за ширины прямоугольной ниши-«апсиды», предполагает, что в андронах стояла именно подобная триада⁶⁶⁴: в андроне Б Мавсол и Артемисия, в андроне А – Идрией и Ада. Появление изображений царей

⁶⁶² *Vermuelen C.* Large and Small Sculptures in the Museum of Fine Arts, Boston // *The Classical Journal*, Vol. 63, No. 2 (Nov., 1967). P. 49-69

⁶⁶³ Чекан Идриея отличается от монет Мавсола одной единственной деталью: в руках Зевса Лабрандского вместо копья помещается длинный скипетр (*Konuk K.* Coinage and Identities... P. 109-110).

⁶⁶⁴ *Hellström P.* Sculpture from Labraynda // *Sculptors and Sculpture of Caria and the Dodecanese.* Jenkins I., Waywell G.B. (eds.). London, 1997. P. 110.

неудивительно: статуи Гекатомнидов часто ставились и в самой Карии⁶⁶⁵, и в других местах, например в Дельфах⁶⁶⁶ (Syll.³ 225).

Устойчивыми атрибутами бога выступают только одеяния, лабрис и (частично) копье. Головной убор и пекторальные украшения встречаются не на всех изображениях – они свидетельствуют либо об иконографических вариантах, либо о неправильной атрибуции всех памятников как Зевса Лабрандского. Полос, пожалуй, кажется самым критичным пунктом, требующим дальнейших исследований. Возможно, что включение тех или иных «дополнительных» элементов был связан с желанием царя подчеркивать определенные функции бога. Это тоже указывало бы на возрастание роли правителя в культуре Зевса Стратия в Лабрандах.

Таким образом, изменения, которым в IV веке до н.э. подвергаются Лабранды, являются примером объединения двух тенденций – эллинизации и обращения к местным культам, т.е. можно говорить о своеобразной «гекатомнидизации». Помимо обустройства святилища, представители династии активно разрабатывают визуальный язык репрезентации собственной власти, призванный подчеркивать их особую, исключительную связь с божествами. Для адекватной передачи этого содержания широко применяются формы эллинизированного искусства. В целом современные исследователи подошли к правильному пониманию этих явлений, но ряд деталей, а также ряд фундаментальных понятий необходимо уточнить, чтобы найти «Карию Гекатомнидов» между анатолийской древностью и эллинизмом последующих веков.

4.4. Выводы

В данной главе были рассмотрены памятники, созданные в IV веке до н.э. в Ликии и Карии. За достаточно короткий период времени в этих двух областях

⁶⁶⁵ *Ma J. Statues and Cities: Honorific Portraits and Civic Identity in the Hellenistic World. Oxford, 2013. P. 80.*

⁶⁶⁶ *Ibid. P. 27.*

Малой Азии разрабатываются и внедряются новые (и переосмысленные старые) архитектурные формы, призванные увековечить имя и род заказчиков.

В Ликии этот период активности падает на первую треть IV века до н.э., когда в основных центрах создаются монументальные гробницы местных правителей и выдающихся деятелей. «Монумент Нерейд», несомненно, задает мощный импульс в начале века. Усыпальница Эрбинны занимает видное место в городском ансамбле, ее рельефы имеют как актуальные политические, так и культово-мифологические коннотации, а благодаря своему эклектичному архитектурному облику она как бы одновременно обращается и к местной традиции, и смотрит в сторону эллинского мира. Соперничество между разными частями (восточной и западной) Ликии стимулировало процесс развития архитектуры.

В IV в. до н.э. в Карию наблюдается тоже рост числа погребальных сооружений, выстроенных по условной схеме «гробница с подземной погребальной камерой и надземной постройкой». Предположительно, эта схема восходит к гробницам VI в. до н.э. (например, гробница в Бечина), возведение которых не представлялось возможным в V в., в условиях подчинения Карию персам. Новый подъем связан с ослаблением влияния империи Ахеменидов и с укреплением местной династии⁶⁶⁷. Апогеем строительной деятельности в этот период и вершиной собственно погребального зодчества Карию стал Мавзолей в Галикарнасе, объединивший черты традиционных карийских гробниц с достижениями греческой архитектуры и пластики.

Восстановить изначальный облик Галикарнасского Мавзолея невозможно с полной уверенностью. Тем не менее, попытки реконструкции не являются лишь некой интеллектуальной игрой. Памятник такого уровня и значения, как Мавзолей, всегда остается актуальным для изучения культуры и истории Древнего мира. Он может послужить отправной точкой для самых разных исследований.

⁶⁶⁷ *Hornblower S. The Greek World 479–323 BC... P. 175.*

В настоящее время наиболее перспективным направлением кажется анализ Мавзолея в широком контексте, с привлечением погребальных сооружений разных регионов, с целью изучения их взаимосвязей. Для этого необходим мощный историко-культурный фундамент, позволяющий свободно оперировать составляющими выстраиваемой системы. Один из основных тезисов нашего исследования подразумевает, что Мавзолей является порождением локальной культуры, вобравшей в себя из своего окружения разные элементы. Особая важность династии Гекатомнидов для истории Карики этого периода очевидна.

Галикарнасский Мавзолей стал для греко-римского мира вершиной и символом монументальных гробниц, но он берет свое начало в недрах культуры древней Анатолии. Его масштаб, находчивость строительных и декоративных решений, примиряющие и соединяющие влияния запада и востока, позволили ему, кроме того, стать одним из важнейших памятников мировой архитектуры, а его название стало нарицательным и широко употребляемым по сей день.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Народы древней Анатолии образовали особое, самостоятельное пространство в динамичной системе культурных связей Древнего мира. Однако характер и направленность взаимодействий с соседними регионами, и непосредственно внутри самих анатолийских областей, менялись от периода к периоду. Наследие разных групп населения накладывалось друг на друга, и именно это стало одним из самых важных факторов в жизни местных народов, находившихся «в постоянном контакте с другими группами – современными и предшествующими им»⁶⁶⁸. В этом отношении «хююки» (тур. *höyük / hüyük*, «насыпь, холм, курган»), с множеством памятников из последовательных периодов, являются символом анатолийского археологического ландшафта.

С каждым народом и с каждым комплексом связан огромный круг вопросов, требующих специального изучения. Сегодня наследием этого региона занимаются многие ученые – археологи, историки, лингвисты, искусствоведы. В нашей работе мы обращаемся к наследию данного региона в целом, и пытаемся понять его специфику, не только применительно к одному, отдельно взятому этапу, а на протяжении очень длительного периода времени.

В работе были рассмотрены и интерпретированы комплексы, обладающие особыми функциями, особым расположением, конфигурацией и оформлением. Нас интересовали постройки, попадающие под расплывчатое определение «монументальной архитектуры»: храмы, дворцы, гробницы, символически насыщенные ансамбли внутри поселений, комплексы святилищ. Эти сооружения являются осязаемым, вещественным воплощением ценностей, идеалов, уклада жизни общества. Разумеется, формы «обычной» жилищной архитектуры тоже важны для понимания древних обществ, однако этот материал известен

⁶⁶⁸ *Steadman S.R., McMahon G.* Introduction // *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia: 10,000-323 BCE* / Ed. S.R. Steadman, G. McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 4.

значительно хуже, и его изучение требует специальной археологической подготовки и иных (не только искусствоведческих) подходов.

В тот временной отрезок, который мы условно обозначили как «доэллинистический» (примерно X-IV вв. до н.э.) на территории Малой Азии сосуществовали культуры, оставившие интереснейшие архитектурные комплексы: фригийская, лидийская, ликийская, карийская. Все эти культуры носят название отдельных народов, однако нельзя однозначно утверждать, что та или иная архитектурная традиция является исключительным достоянием только одного народа. На территории Малой Азии можно выделить еще и другие культуры, однако мы решили ограничиться теми, которые оставили особенно заметный след в истории архитектуры древнего мира. Несмотря на большое формальное разнообразие памятников, есть ряд аспектов, позволяющий рассматривать данный временной отрезок как особую эпоху, а вышеупомянутые культуры – как представителей особого анатолийского художественного пространства I тысячелетия до н.э. Малая Азия эпохи эллинизма будет обладать уже другой спецификой.

Данный период сравнительно редко рассматривался комплексно⁶⁶⁹: например, крайне мало работ, где анализировались бы и фригийский, и, например, ликийский материал, хотя, казалось бы, это сравнение могло быть плодотворным. Существует некий «историографический водораздел» на уровне середины VI века до н.э., хотя, как нам кажется, захват Малой Азии Ахеменидским Ираном не привел к кардинальному перелому в художественной жизни региона.

Помимо материалов I тысячелетия до н.э., в нашу работу были включены наиболее примечательные и важные архитектурные комплексы эпох, предшествующих X-IV веков до н.э. Это было необходимо и важно, во-первых, как апробация методов на обширном материале с целью выявления основных векторов культурного влияния и взаимодействия; во-вторых, для выявления и

⁶⁶⁹ Поэтому мы считаем работу Э. Акургала «Искусство Анатолии от Гомера до Александра» важной вехой – *Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin: de Gruyter, 1961.*

исследования возможного влияния этих древнейших культур на доэллинистическом этапе.

Естественно, что при такой обширной теме историография была ориентирована не на частные проблемы тех или иных комплексов, а скорее отражать общее состояние изучения региона. Предпринятый нами анализ истории открытий, научного освоения культур и художественного наследия древней Анатолии способствует лучшему пониманию основных проблем региона. Поскольку практически любое исследование древнего искусства начинается с археологических изысканий, мы обратились, прежде всего, к этой проблематике.

В первой главе работы был дан экскурс по истории изучения региона. Прослеживая основные этапы сложения «региональной научной дисциплины», можно обратить внимание на то, что Малая Азия сравнительно поздно становится самостоятельной единицей изучения. Работа с памятниками происходила в рамках разных дисциплин («библейской», классической археологии и т.д.). В конце XIX-начале XX вв., благодаря открытию анатолийских культур бронзового века (раскопки Трои, хеттских городов и памятников), возникла возможность выделения самостоятельных анатолийских культур. Постепенно росло понимание того, что некоторые памятники, рассматриваемые в рамках, например, греческого искусства, имеют и дополнительные составляющие. Как нам кажется, успехи археологии бронзового века являлись импульсом для более плодотворного изучения последующих периодов: исследование памятников железного века, например, раскопки Гордиона во Фригии, происходило уже в другой атмосфере, а также стали появляться новые интерпретации известных памятников.

Вторая глава нашего исследования посвящена древнейшим архитектурным памятникам Малой Азии. Этот текст предваряет основную часть работы (главы о доэллинистической Анатолии), но он обладает и собственной значимостью. В этой главе был рассмотрен процесс возникновения и развития монументальной архитектуры на всей интересующей нас территории. Уже в эпоху неолита возникают особые сооружения, отличающиеся по некоторым признакам от обычных жилищ (хотя на первых этапах они типологически тесно связанные с

ними). Комплекс Гёбекли-Тепе – ключевой памятник этой эпохи. Эти овальные сооружения с опорами (часто с пластическим декором) были не простыми домами, а, скорее всего, использовались в ритуальных целях и для особых событий. Постройки Чатал-Хююка показывают, как дома обогащаясь символически, превращаются в прото-святилища. Домашние святилища впоследствии стали устойчивым (хотя и не всегда прослеживаемым) атрибутом разных анатолийских культур.

В этой главе был также рассмотрен вопрос о принципах планировки поселений. Зонирование территории и определение места разных построек в комплексе стали такими же важными аспектами выделения архитектурных сооружений, особых по значимости, как их украшение и масштаб. Это явление получило дальнейшего развития на следующем историческом этапе.

В архитектуре II тысячелетия до н.э. особое внимание уделено памятникам хеттского круга – именно они составляют большую часть материала, известного по археологическим раскопкам. Это отражает историческую действительность: хетты доминировали в Анатолии на протяжении длительного периода, и их культура была воспринята и повлияла на соседние подвластные им, или же просто территории, попадающие в ареал культурного притяжения. Архитектурного материала, не связанного с хеттами, сравнительно мало от этого периода.

Синтезируя достижения Древнего Востока, хеттам удалось создать свою архитектурную традицию. Нами был рассмотрен хорошо известный комплекс Хаттусы и другие важные по значению памятники хеттов. Были проанализированы основные группы монументальных построек: храмы и святилища, ворота и другие сооружения. Мы обратили внимание на отсутствие монументальных гробниц правителей – их место занимают здесь особые святилища. Все эти сооружения создаются по достаточно устойчивым типам (например, храм с прямоугольным внутренним двором), разработанным хеттскими зодчими.

Далее мы дали анализ памятников доэллинистического периода.

В защищенной нами дипломной работе о Мавзолее в Галикарнасе, в качестве одного из возможных векторов дальнейших поисков было выделено «углубление в малоазийский контекст, путем изучения памятников архитектуры Лидии, Фригии, Ликии и других территорий». Именно эта идея легла в основу нашей работы и ее разработке были посвящены 3 и 4 главы, ставшие ядром исследования.

В первой половине I тысячелетия до н.э. в архитектуре народов, обитающих на территории Анатолии, находим некоторые черты, присущие исключительно той или иной группе населения. Разнообразные архитектурные памятники фригийского царства представляют большой интерес, ввиду самостоятельного пути в культурном развитии этих земель. Фригийцы во многом демонстрируют свою преемственность и связь с культурой II тысячелетия, применяли хорошо известные типы (например, мегароны), однако всегда вносили что-то свое. Мы выделили два аспекта, характерных для фригийского искусства: «монументализацию природных форм» (под это понятие попадают, в определенной мере, и тумулусы, и скальные фасады) и особый орнаментальный язык, пронизывающий не только керамику и предметы художественного металла, но и все архитектурные сооружения. Модификация природных и создание скальных фасадов является очень интересным и самобытным явлением, которое, несомненно, потребует дальнейших исследований и осмысления в контексте общеанатолийской скальной архитектуры, известная еще во II тысячелетии до н.э.

На протяжении VIII-V вв. до н.э. постепенно возникают общие тенденции, связанные, в первую очередь, с влиянием греков, а, начиная с середины VI века до н.э., и с влиянием Ахеменидского Ирана.

Вопрос о влиянии греческого искусства остается сложным и во многом дискуссионным. На ранних этапах (IX-VII вв. до н.э.) сходства, например, фригийских и греческих памятников, лучше объясняются не прямым влиянием одного народа на другой, а скорее тем, что оба искусства формируются параллельно, в общем культурном пространстве. «Эстетическое доминирование» греческого искусства в циркумэгейском ареале (включающего западную

Анатолию, и имеющем сильное влияние в центральной Анатолии, и распространившемся на более отдаленные территории) наступило скорее во второй половине VI-V вв. до н.э. Греческое же искусство было притягательным, оно могло стать и отражением причастности к высокой культуре.

Вопрос «иранизации», т.е. влияние Ахеменидской Персии, тоже сложен. Здесь необходимо разделить влияние политическое, культурно-историческое и художественное. Персы, овладевшие этими территориями, не старались «насаждать» свои культурные коды, но они внесли большой вклад в сложение особого анатолийского искусства (в т.ч. и в круг памятников, называемый греко-персидским). Эти две волны влияния (греческая и персидская) на территории Малой Азии не находились в противоречии, а скорее дополняли друг друга.

На примерах фригийских, лидийских, ликийских и карийских памятников были прослежены эти сложные процессы. Стало ясно, что в первой половине I тысячелетия до н.э. эти народы находились в тесных контактах друг с другом. В анатолийском художественном ареале возникают общие типы, однако эти типы имеют региональные своеобразия и «индивидуальные» решения архитектурных комплексов. Например, курганные захоронения встречаются у народов I тысячелетия до н.э., с погребальной камерой, повторяющей архитектуру локального дома, но у фригийцев он сооружается из дерева, пока у лидийцев – из тесаного камня.

В заключительной части работы, посвященной IV веку до н.э., мы сосредоточили внимание на двух регионах, обладающих особым и богатым архитектурным наследием: на Ликии и Карию. После длительного подготовительного процесса, IV век был ознаменован всплеском строительной активности, связанной с выдвиганием на первый план влиятельных местных родовых династий в западных областях Малой Азии. Культово-мемориальные комплексы, создаваемые в этот период, являлись логическим завершением, кульминацией процессов предшествующих периодов. Эти сооружения в дальнейшем оказали сильное влияние на художественное мышление, архитектуру и искусство в эпоху эллинизма.

В работе были рассмотрены три ликийских ансамбля: Монумент Нереид в Ксанфе, героон Перикла в Лимире и героон в Трисе. Первые два – образцы монументальной усыпальницы правителя. Оба памятника активно применяют греческий архитектурный язык, но трактуют его свободно и на свой лад. Присутствуют и архитектурные «цитаты», например отсылки к знаменитым афинским сооружениям, и связь с локальными традициями. Героон в Трисе функционирует иначе – он является выделенным участком городского некрополя, в котором весьма отчетливо читаются следы периодических пиров и праздников, связанных как с прошлым (с памятью о «героизированном» предке), так и с настоящим. Эти три ликийских памятника (особенно Монумент Нереид и героон в Трисе) также являются важнейшими памятниками архитектурной скульптуры.

В связи с Ликией снова заявила о себе характерная «анатолийская» тема скальной архитектуры, начатая разговором об искусстве хеттов и фригийцев. Ликийцы создали огромное количество скальных гробниц, имитирующих настоящие постройки. Среди них можно выделить два направления: гробницы, повторяющие формы и приемы ликийских деревянных построек, и гробницы, применяющие греческие ордерные элементы. Скальные гробницы получили развитие и на других территориях Малой Азии, и были чрезмерно популярны в последующие эпохи. Речь не только о влиянии Ликии на данный процесс, но и об общей природной обстановке в Анатолии, благоприятной для развития этого направления – примеры скальных рельефов и во II, и в первой половине I тысячелетия до н.э. демонстрируют это. Однако Ликию определенно можно считать ведущей территорией для этого направления.

Второй раздел четвертой главы посвящен архитектурным памятникам Карии, созданным в эпоху династии Гекатомнидов. Этот могучий род, чьи представители являлись и «царями карийцев», и персидскими сатрапами, проводил масштабные строительства, связанные с их политической программой. Ключевым (и в некотором смысле итоговым) памятником был Мавзолей в Галикарнасе, которому посвящена основная часть данного раздела. Помимо этого сооружения, в конце главы рассматриваются и другие карийские гробницы, а

также комплекс святилища Зевса в Лабранде – основного религиозного центра Карики эпохи Гекатомнидов.

Изучение культуры древней Анатолии, в целом, в настоящее время выходит на новый этап: растущий корпус памятников требует постоянного пересмотра наших представлений о явлениях, протекавших в этом регионе, что способствует постановке новых вопросов. Новые материалы обрабатываются тщательно и подробно, а исследователям, отталкиваясь от памятников, удается переходить к обсуждению общих концептуальных проблем. Тем не менее, остро ощущается нехватка общих синтезирующих работ, которые смогли бы стать основой дальнейших исследований. В процессе работы были предприняты попытки соединить имеющегося материала и обратить внимание на фундаментальные проблемы художественной культуры древней Анатолии. Таким образом, наше исследование является предваряющим шагом в этом направлении.

Библиография

1. *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. Москва, 1982.
2. *Ардзинба В.Г.* Хеттский строительный ритуал // ВДИ, №1, 1982. С. 109–119.
3. *Ардзинба В.Г.* «Послесловие о некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии» в кн. *Маккуин Дж.Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. Москва: Наука, 1983.
4. *Баранов А.Д.* Политическая и социальная история Ликии в V-IV вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012.
5. *Беликов А.М.* Догреческий Милет как перекресток культур и цивилизаций (середина IV – конец II тыс. до н.э.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2010.
6. *Бородай С.Ю., Якубович И.С.* Корпусные методы дешифровки анатолийских иероглифов // Вопросы языкового родства. Международный научный журнал, №11, 2014.
7. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. Сб. статей. / Под ред. И.С. Кона; пер. Ю.А. Асеева. М.: Прогресс, 1977. С.115–142.
8. *Ванеян С.С.* Тело символа. Архитектурный символизм в зеркале классической методологии. М., 2010.
9. *Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 171–181.
10. *Гаврилин К.Н.* К вопросу об этрусско-финикийских взаимосвязях в архаический период // *Συββίτια*. Памяти Юрия Викторовича Андреева /Отв. ред. В.Ю. Зувев. СПб.: Алетейя, 2000. С. 151-157.
11. *Гаврилин К.Н.* Типологические особенности дворцово-культовой архитектуры архаического Рима (*regia et sacellum* / дворец и святилище) // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГХПУ, 2009, №1, Ч. 1.
12. *Гаврилин К.Н.* Из истории архаической архитектуры Этрурии и Лация: формирование храма // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГХПУ, 2009, №3.
13. *Гаврилин К.Н.* Искусство раннего Рима и Южной Этрурии эпохи расцвета (VI-V вв. до н.э.) по материалам коропластики. М.: Прогресс-Традиция, 2015.
14. *Гиоргадзе Г.Г.* «Текст Анитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов // ВДИ, 1965, №4. С. 87–111.
15. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.

16. *Ефремов Н.В.* Династия Гекатомнидов в современных им греческих надписях // Вопросы эпиграфики. Вып. 4. /Отв. ред. А.Г. Авдеев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 82–165.
17. *Иванчик А.И.* Келены – Апамея Киботос. Результаты исследований в Южной Фригии // Monumentum Gregorianum. Сборник научных статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина. Отв. ред. А.И. Иванчик, М., 2013. С. 358–377.
18. История Древнего Востока. Под. ред. В.И. Кузищина. Москва: Высшая Школа, 2003.
19. *Касьян А.С., Сидельцев А.В.* Хеттский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. / Под. ред. Ю.Б. Корякова и А.А. Кибрика. М.: Academia, 2013. С. 26–75.
20. *Кишбали Т.* Погребальные сооружения Карию IV века до н.э. // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Сборник научных статей, вып. 2. / Под ред. А.В. Захаровой. С-Пб., 2012. С. 29–33.
21. *Кишбали Т. П.* Программа скульптурного убранства Галикарнасского мавзолея // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Сборник научных статей, вып. 3. / Под ред. А.В. Захаровой. С-Пб., 2013. С. 60–64.
22. *Кишбали Т.П.* «Монументальное доказательство»: Арчибальд Сейс и начало анатолийской археологии // Вестник ПСТГУ, Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2015. Вып. 3 (19). С. 145–152.
23. *Клукхорст А.* Ликийский язык // Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. / ред. колл.: Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик. М.: Academia, 2013. С. 131–154.
24. *Корниенко Т.В.* Гёбекли Тепе — неординарный археологический памятник Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита: к вопросу об интерпретации // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. Вып. IV. / Под ред. А.С. Балахванцева. Москва, 2009. С. 59–64
25. *Корниенко Т.В.* Первые храмы Месопотамии: формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб.: Алетейя, 2006.
26. *Круглов Е.А.* Социальное развитие Карию в I половине IV в. до н.э. (эллинизация или эллинизация?) // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья / ред. Э.Д. Фролов. Барнаул, 1989. С. 56–67
27. *Круглов-Мавридис Е.А.* Мавзолей и архаическая культура Карию. // Идеология и политика в античной и средневековой истории / ред. Ю.Г. Чернышов. Барнаул, 1995. С. 26–37.

28. *Кузьмин Ю.Н.* Аргеады, персы и имя Amnytas в Ликийи // Иран и античный мир. Политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Тезисы докладов меж. нар. научной конференции... /Отв. ред. Э.В. Рунг, О.Л. Габелко. Казань: Казанский университет, 2011. С. 49.
29. *Маккуин Дж.Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. /Пер. с англ. Ф.Л. Мендельсона. Под ред. и с послесл. В. Г. Ардзинба. М.: Наука, 1983.
30. *Максимова М.И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. М.-Л.: Наука, 1956.
31. *Меллинк М.Дж.* Троя II в контексте раннего бронзового века в Анатолии. /пер. С.Ю. Сапрыкина // ВДИ, 1989, №4. С. 175–180.
32. *Налимова Н.А.* Особенности архитектуры героона Перикла в Лимире: локальные традиции и «классические» влияния // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013, № 2 (1). С. 182–188.
33. *Налимова Н.А.* Хаттуса в Новохеттский период: сакральная топография и образы защиты // Исторические Исследования, №2, 2015. С. 294–309.
34. *Немировский А.А., Сафронов А.В.* Кто погубил Хаттусу? // Материалы девятнадцатых чтений памяти И. М. Тронского "Индоевропейское языкознание и классическая филология - XIX". СПб. : Наука, 2015. С. 699-713.
35. *Никулина Н.М.* Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана. По материалам глиптики V-IV вв. до н.э. М.: Искусство, 1994.
36. *Никулина Н.М.* Искусство Эгейского мира и его связи с искусством Древнего Востока // ВДИ, 1977, №3. С. 133–145
37. *Никулина Н.М.* Храм как эпицентр духовной жизни города. Типология древнего храма и его значение в формировании городского ансамбля в III-I тыс. до н.э. // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога. Под ред. Э.В. Сайко. М., 1996. С.103–111.
38. *Откупщиков Ю.В.* Догреческий субстрат: у истоков европейской цивилизации. Л., 1988.
39. *Сапрыкин С.Ю.* Греческие полисы Причерноморья (эпоха архаики и классики) // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 74–80.
40. *Соловьева С.С.* Троянское, Фригийское и Лидийское царства // Источниковедение истории Древнего Востока. М.: Высшая школа, 1984. С. 183–188.
41. *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М.: Русский фонд содействия образования и науке, 2015.
42. *Хакимов Г.А.* «Время большой длительности» Ф. Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания // Вопросы философии 8., 2009. С. 145.

43. Эпос о Гильгамеше /пер. И.М. Дьяконова. Серия «Литературные памятники». Л., 1961 (репринт: С-Пб., 2006).
44. 4th Century Karia. Defining a Karian identity under the Hekatomnids /ed. Henry O. Istanbul-Paris, 2013.
45. Across: The Cyclades and Western Anatolia during the 3rd Millennium BC. /eds. Şahoğlu V., Sotirakopoulou P. Istanbul: Sakip Sabanci Muzesi, 2011.
46. *Adiego I. J.* The Carian Language. Leiden-Boston: Brill, 2007.
47. *Adler F.* Das Mausoleum zu Halikarnass. Berlin, 1909.
48. *Åkerström Å.* Die architektonischen Terrakotten Kleinasiens. Lund, 1966.
49. *Akkermans P.M.M.G., Schwartz G.M.* The Archaeology of Syria. From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies (ca. 16,000-300 BC), Cambridge World Archaeology Series. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
50. *Akurgal E.* Chronologie der Phrygischen Kunst // *Anadolu/Anatolia IV*, 1959, S. 115–121.
51. *Akurgal. E.* Griechische Reliefs des VI. Jahrhunderts aus Lykien. Berlin, Archäologisches Institut des Deutschen Reiches, 1942.
52. *Akurgal E.* Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin: de Gruyter, 1961.
53. *Akurgal E.* Die Kunst der Hethiter. Berlin: de Gruyter, 1961.
54. *Akurgal E.* Orient und Okzident. Die Geburt der griechischen Kunst. Baden-Baden: Holle, 1966.
55. *Akurgal E.* Phrygische Kunst. Ankara: Archäologisches Institut der Universität Ankara, 1955.
56. *Akurgal E.* Remarques stylistiques sur les reliefs de Malatya. Istanbul: Pulhan Matbaasi, 1946.
57. *Akurgal E.* Späthethitische Bildkunst. Ankara: Archäologisches Institut der Universität Ankara, 1949.
58. *Anatolia's Prologue. Kültepe, Kanish, Karum.* /Ed. F. Kulakoglu, S. Kangal. Istanbul, 2010.
59. *Ancient Greek Hero Cult. Proceedings of the Fifth International Seminar on Ancient Greek Cult etc.* /Ed. R. Hägg. Stockholm, 1999.
60. *Antonaccio C. M.* An archaeology of ancestors: tomb cult and hero cult in early Greece. Lanham, 1995.
61. *The Archaeology of Phrygian Gordion, Royal City of Midas* /Ed. C.B. Rose. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012.
62. *Architecture and Society in Hecatomnid Caria* /eds. Linders T., Hellström P. Uppsala, 1989.
63. *Aro S.* Art and Architecture (Chapter 7) // *The Luwians.* /Ed. H.C. Melchert. Leiden-Boston: Brill, 2003. P. 281–333.
64. *Assman, J.* Die Macht der Bilder. Rahmenbedingungen ikonischen Handelns im alten Ägypten // *Genres in Visual Representations (Visible Religion. Annual for Religious Iconography, Vol. VII).* Leiden: Brill, 1990. S. 1–20.

65. *Ateşlier S.* Lydian Architectural Terracottas // The Lydians and Their World = Lidyalılar ve Dünyaları /Ed. N.D. Cahill. Istanbul, 2010. P. 225–232.
66. *Bachmann M.* Divine Staging. The Civil Engineering Peculiarities of the Hittite Spring Sanctuary at Eflatun Pinar // Proceedings of the Second International Congress on Construction History. Exeter: Short Run Press, 2006. P. 251–265.
67. *Baird D.* The Late Epipaleolithic, Neolithic, and Chalcolithic of the Anatolian Plateau // A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East. /Ed. D.T. Potts. Ch. 23. Oxford: Blackwell, 2012. P. 432–442.
68. *Banning E.B.* So Fair a House: Göbekli Tepe and the Identification of Temples in the Pre-Pottery Neolithic of the Near East // Current Anthropology Vol. 52, No. 5, 2011. P. 619–660.
69. *Baran A.* The Archaic Temple of Zeus Labraundos // Anadolu/Anatolia, 30, 2006. P. 21–46.
70. *Baran A.* Karian Architecture Before the Hekatomnids. // Die Karer und die Anderen. Internationales Kolloquium an der Freien Universität Berlin etc. /Hrsg. Frank Rumscheid. Bonn, 2009. S. 291–313.
71. *Baran A.* The Sacred Way and the Spring Houses of Labraunda Sanctuary // Labraunda and Karia, Proceedings of the International Symposium Commemorating Sixty Years of Swedish Archaeological Work in Labraunda. Karlsson L., Carlsson S. (eds). Uppsala, 2011. P. 51–98.
72. *Barnett R.D.* Phrygia and the peoples of Anatolia in the Iron Age // Cambridge Ancient History II/3.2. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 417–442.
73. *Barringer J.M.* The Hunt in Ancient Greece. Baltimore-London: John Hopkins University Press, 2001.
74. *Baughan E.* Lydian Burial Customs // The Lydians and Their World = Lidyalılar ve Dünyaları /Ed. N.D. Cahill. Istanbul, 2010. P. 273–304
75. *Baughan E.P.* Persian Riders in Lydia? The painted frieze of the Aktepe tomb kline // Bollettino di Archeologia Online, I, 2010. P. 24–36.
76. *Baughan E.P.* Couched in Death. *Klinai* and Identity in Anatolia and Beyond. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2013.
77. *Bean G.E.* Lycian Turkey. An Archaeological Guide. London: Benn, 1978.
78. *Beckman G.* Gilgamesh in Hatti // Hittite Studies in Honor of Harry A. Hoffner Jr.: On the Occasion of His 65th Birthday. /Ed. G. Beckman, R. Beal, G. McMahon. Winona Lake: Eisenbrauns, 2003. P. 37–57.
79. *Beckman G.* Intrinsic and Constructed Sacred Space in Hittite Anatolia // Heaven on Earth. Temples, Ritual, and Cosmic Symbolism in the Ancient World. Chicago: University of Chicago Press, 2013. P. 153–173.

80. *Beckman G.* The Hittite Gilgamesh // The Epic of Gilgamesh. /Ed. B.R. Foster. New York: Norton, 2001. P. 157–166.
81. *Berndt-Ersöz S.* Kybele on Fire! The Significance of the Goddess in the Ionian Revolt // Perspectives on Ancient Greece. Papers in celebration of the 60th anniversary of the Swedish Institute at Athens /Ed. A.-L. Schallin. Stockholm, 2013. P. 153–171.
82. *Berndt-Ersöz S.* Phrygian Rock-Cut Shrines. Structure, Function and Cult-Practice. Leiden-Boston: Brill, 2006.
83. *Biliotti G. M. A.* Diary of the excavations on the site of the Mausoleum in 1865. // The Mausoleion at Halikarnassus: Reports of the Danish Archaeological Expedition to Bodrum. Vol. III/1. Ed. Poul Pedersen. Aarhus, 1991. P. 117–173.
84. *Bittel K.* Hattusa. Capital of the Hittites. New York, 1970.
85. *Boardman J.* Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze to Late Classical. London: Thames & Hudson, 1970.
86. *Boardman J.* The Diffusion of Classical Art in Antiquity. Princeton: Princeton University Press, 1994.
87. *Boardman J.* Greek Sculpture: The Late Classical Period. London: Thames & Hudson, 1995.
88. *Boëthius A.* Etruscan and Early Roman Architecture. Harmondsworth: Penguin, 1978.
89. *Borchhardt J.* Myra: Eine lykische Metropole in antiker und byzantinischer Zeit. Berlin: Gebr. Mann, 1975.
90. *Borchhardt J.* Ekrem Akurgal (30.3.1991-1.11.2002) // Archiv für Orientforschung, Bd. 50 (2003/2004). P.495.
91. *Bossert H. Th.* Alt Kreta: Kunst und Kunstgewerbe im ägäischen Kulturkreise. Berlin: Wasmuth, 1921.
92. *Bossert H. Th.* Altanatolien. Kunst und Handwerk in Kleinasien von den Anfängen bis zum völligen Aufgehen in der griechischen Kultur. Berlin: Wasmuth, 1942.
93. *Bradley R.* Altering the Earth: Origins of Monuments in Britain and Continental Europe. Edinburgh: Society of Antiquaries of Scotland, 1993.
94. *Braudel F.* Les Mémoires de la Méditerranée. Paris: de Fallois, 1998. *Англ. перевод:* The Mediterranean in the Ancient World. / Transl. by S. Reynolds. London: Penguin, 2001.
95. *Briant P.* From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire. /Transl. P.T. Daniels. Winona Lake: Eisenbrauns, 2002
96. *Bridges R.A.* The Mycenaean Tholos Tomb at Kolophon // Hesperia, Vol. 43., No. 2 (Apr. – Jun., 1974). P. 264–266.
97. *Brown B.A.* Monumentalizing Identities: North Syrian Urbanism, 1200–800 BCE. PhD Dissertation, University of California, Berkeley, 2009.

98. *Bryce T.* Lycian Tomb Families and Their Social Implications // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, Vol. 22, No. 3 (Oct., 1979). P. 296–313.
99. *Bryce T.* The Other Pericles // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, Bd. 29, H. 3 (3rd Qtr., 1980). P. 377-381.
100. *Bryce T.R.* The Lycians - Volume I: The Lycians in Literary and Epigraphic Sources. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1986.
101. *Bryce T.* Life and Society in the Hittite World. Oxford: Oxford University Press, 2002.
102. *Bryce T.* The Kingdom of the Hittites. Oxford: Oxford University Press, 2005.
103. *Bryce T.* The World of the Neo-Hittite Kingdoms. Oxford: Oxford University Press, 2012.
104. *Burkert W.* Greek Religion. Harvard, 1985.
105. *Butler H.C.* Sardis. Vol. 1., Pt. 1.: The Excavations. 1910-1914. Leyden: Brill, 1922.
106. *Cahill N.* Tas Kule: A Persian-Period Tomb near Phokaia // *AJA*, Vol. 92, No. 4 (Oct., 1988). P. 481–501
107. *Cahill N.* The City of Sardis // *The Lydians and Their World = Lidyalılar ve Dünyaları* /Ed. N.D. Cahill. Istanbul, 2010. P. 75–81.
108. *Çambel H.* Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Vol. II: Karatepe-Arslantaş. The Inscriptions: Facsimile Edition. Berlin-New York: de Gruyter, 1999.
109. *Caneva I., Palumbi G., Pasquino A.* The Ubaid Impact on the Periphery: Mersin-Yumuktepe During the Fifth Millennium BC // *After the Ubaid: Interpretating Change from the Caucasus to Mesopotamia at the Dawn of Urban Civilization (4500-3500 BC)*. *Varia Anatolica XXVII*. Paris, 2012. P. 353–389.
110. *Caneva I., Sevin V.* Mersin-Yumuktepe: A Reappraisal. Lecce, 2004.
111. *Carpenter R.* Greek Sculpture. A Critical Review. Chicago, 1960.
112. *Carruba O.* Neues zur Frühgeschichte Lykiens // *Fremde Zeiten*. Festschrift für Jürgen Borchhardt. Bd. 1. S. 25–39.
113. *Carstens A.M.* Tomb Cult on the Halikarnassos Peninsula. // *AJA*, Vol. 106, No. 3 (Jul., 2002). P. 391–409.
114. *Carstens A.M.* Tombs of the Halikarnassos Peninsula – The Late Bronze Age and Early Iron Age // *Halikarnassian Studies*, Vol. V. /Ed. P. Pedersen. Odense: University Press of Southern Denmark, 2008. P. 52–116
115. *Carstens A.-M.* Tracing Elite Networks. A View from the Grave // *Euploia. La Lycie et la Carie antiques. Dynamiques des territoires, échanges et identités*. Bordeaux : Ausonius, 2013. P. 101-109
116. *Casabonne O.* La Cilicie à l'époque achéménide. Paris: De Boccard, 2004.

117. *Casabonne O.* Présence et influence Perses en Cilicie à l'époque achéménide: iconographie et représentations // *Anatolia Antiqua*, T. 4, 1996. pp. 121–145
118. *Celik B.* A New Stele Base of the Late Hittite Period from Siverek-Sanlıurfa // *Anatolia*, 28 (2005). P. 17–24.
119. *Chandler R.* Travels in Asia Minor: or an account of a tour made at the expense of the Society of Dilettanti. Oxford: Clarendon Press, 1775
120. *Chandler R., Revett N., Pars W.* Ionian Antiquities: published with permission of the Society of the Dilettanti. London, 1769
121. *Chavalas M.W.* Assyriology and Biblical Studies: A Century and a Half of Tension // *Mesopotamia and the Bible: Comparative Explorations.* /eds. Chavalas M.W., Younger K.L. London: Sheffield Academic Press, 2002. P. 21–67.
122. *Childs W.A.P.* The city-reliefs of Lycia. Princeton: University Press, 1978.
123. *Cook B.F.* The Mausoleum Frieze: Membra Disjectanda // *The Annual of the British School at Athens*, Vol. 71 (1976). P. 49–54
124. *Cook B.F., Ashmole D., Strong D.* Relief Sculpture of the Mausoleum at Halicarnassus. Oxford, 2005.
125. *Cook R.M., Dupont P.* East Greek Pottery. London: Routledge, 1998
126. *Cornelius I.* The Iconography of Ugarit // *Handbook of Ugaritic Studies (Handbook of Oriental Studies Series)* /Ed. W.Watson, N. Wyatt. Leiden-Boston: Brill, 1999. P. 586–602
127. *Coulton J.* Greek Architects at Work: Problems of Structure and Design. London, 1977.
128. *Crawford H.G. Jr.* Ekrem Akurgal, 1911-2002 // *American Journal of Archaeology*, Vol. 109, No. 3 (Jul., 2005). P. 561–563
129. *Cummer W.W.* Phrygian roof-tiles in the Burdur Museum // *Anadolu* 14 (1970). P. 29–54
130. *Das hethitische Felsheiligtum Yazilikaya.* Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1975.
131. *Davesne A., Lemaire A., Lozachmeur H.* Le site archéologique de Meydancikkale (Turquie): du royaume de Pirindu à la garnison ptolémaïque // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 131e année, N. 2, 1987. P. 359–383.
132. *Davis D.W.* Shifting Sands. The Rise and Fall of Biblical Archaeology. Oxford: Oxford University Press, 2004
133. *Die Karer und die Anderen / Rumscheid F. (ed.).* Bonn, 2009.
134. *Dinsmoor W. B.* The Mausoleum at Halicarnassus: II. The Architectural Design // *AJA*, Vol. 12, No. 2 (Apr. - Jun., 1908). P. 141–171
135. *Dinsmoor W.B.* The Architecture of Ancient Greece: An Account of its Historic Development.

136. *Dongen E. van.* The Concept of “the Near East”: A Reconsideration // *Kulturkontakte in antiken Welten: vom Denkmodell zum Fallbeispiel.* /Hrsg. von R. Rollinger, K. Schnegg. Leuven-Paris: Walpole, 2014. P. 258–259.
137. *Draycott C.* Dynastic Definitions: Differentiating Status Claims in the Archaic Pillar Tomb Reliefs of Lycia // *Anatolian Iron Ages 6: The Proceedings of the Sixth Anatolian Iron Ages Symposium held at Eskişehir-Turkey, 16-19 August 2004.* /Ed. A. Sagona & A. Çilingiroğlu. Leyden: Peeters, 2007. P. 103–134.
138. *Draycott C., Summers G.* Sculpture and Inscriptions from the Monumental Entrance to the Palatial Complex at Kerkenes Dağ, Turkey. Chicago: Oriental Institute, 2009.
139. *Drews R.* The End of the Bronze Age. Changes in Warfare and the Catastrophe ca. 1200 B.C. Princeton: Princeton University Press, 1993.
140. *Du Prey P.* Hawksmoor’s London Churches. Chicago, 2000.
141. *Düring B.S.* De heilige Huisjes van Çatalhöyük // *TMA (Tijdschrift voor Mediterrane Archeologie)*, 36, 2006. P. 9–13
142. *Düring B.S.* The Prehistory of Asia Minor. From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2010
143. *Dusinberre E.R.M.* Aspects of Empire in Achaemenid Sardis. Cambridge, 2003.
144. *Ehringhaus H.* Das Ende, das ein Anfang war: Felsreliefs und Felsinschriften der luwischen Staaten Kleinasien vom 12. bis 8./7. Jahrhundert v. Chr. Mainz: Nünnerich-Asmus, 2014.
145. *Erbil Y., Mouton A.* Water in Ancient Anatolian Religions: An Archaeological and Philological Inquiry on the Hittite Evidence. *Journal of Near Eastern Studies*, Vol. 71, No. 1 (April 2012). P. 53–74.
146. *Ezer S.* Kültepe-Kanesh in the Early Bronze Age // *Current Research at Kültepe-Kanesh: An Interdisciplinary and Integrative Approach ...* London: Lockwood Press, 2014. P. 5–24.
147. *Fedak J.* Monumental Tombs of the Hellenistic Age: A Study of Selected Tombs from the Pre-Classical to the Early Imperial Era. Toronto: University of Toronto Press, 1990.
148. *Fellows C.* An Account of Discoveries in Lycia, being a Journal kept during a Second Excursion in Asia Minor. London, 1841.
149. *Fellows C.* An Account of the Ionic Trophy Monument excavated at Xanthus, London, 1848.
150. *Fellows C.* The Xanthian Marbles; their Acquisition and Transmission to England. London, 1843.
151. *Fergusson J.* The Mausoleum at Halicarnassus restored in conformity with the recently discovered remains. London, 1862.
152. *Fink A.* Where Was the Statue of Idrimi Actually Found? The Later Temples of Tell Atchana (Alalakh) Revisited // *Ugarit-Forschungen* 39 (2007). P. 161–245.

153. *Frankfort H.* The Art and Architecture of the Ancient Orient. 4th, revised ed. London: Penguin, 1970.
154. *Furtwängler A.* Die antiken Gemmen. Leipzig, 1900.
155. *Galán J.M.* Victory and Border: Terminology related to Egyptian imperialism in the XVIIIth Dynasty. Hildesheim: Gerstenberg, 1995
156. *Garstang J.* Land of the Hittites: An Account of Recent Discoveries and Explorations in Asia Minor, with Descriptions of the Hittite Monuments. London, 1919.
157. *Garstang J.* Prehistoric Mersin. Yümük Tepe in Southern Turkey. Oxford, 1953.
158. *Gates J.E.* “The Ethnicity Name Game: What Lies Behind “Graeco-Persian”?” // *Ars Orientalis*, Vol. 32 (Medes and Persians), 2002. P. 105–132.
159. *Gavrilin K.* Il Tempio Di Veio: Il problema della riconsruzione dell’ acroteria scultorea // *Tarihten Bir Kesit Etrüskler (2-4 Haziran 2007, Bodrum), Sempozyum Bildirileri*. Ankara: TTK, 2008. P. 199-209.
160. *Genz H., Mielke D.P.* Research on the Hittites: A Short Overview // *Insights into Hittite History and Archaeology* / Ed. Genz H., Mielke D.P. Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2011.
161. *Gilibert A.* Syro-Hittite Monumental Art and the Archaeology of Performance. Berlin-New York: de Gruyter, 2011.
162. *Glatz C.* Empire as Network: Spheres of material interaction in Late Bronze Age Anatolia // *Journal of Anthropological Archaeology* 28 (2009). P. 127–141.
163. *Goedegebuure P.M.* Hittite iconoclasm: Disconnecting the icon, Disempowering the Referent // *Iconoclasm and Text Destruction in the Ancient Near East and Beyond*. /ed. N.N. May. Chicago, 2012. P. 429–430. (407–452).
164. *Goetze A.* Kulturgeschichte Kleinasiens. München: C.H. Beck, 1957.
165. *Gopnik H.* Why Columned Halls? // *The World of Achaemenid Persia. History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East* /Ed. J. Curtis, St. J. Simpson. London: I.B. Tauris, 2010. P. 195–206.
166. *Gordon E.I.* The Meaning of the Ideogram d KASKAL.KUR = “Underground Water-Course” and its Significance for Bronze Age Historical Geography. *Journal of Cuneiform Studies* 21 (1967): 70–88.
167. *Gorny R.L.* Çadır Höyük // *The Oriental Institute 2006-2007 Annual Report*. Chicago:
168. *Gorny R.L.* Zippalanda and Ankuwa: The Geography of Central Anatolia in the Second Millenium B.C. // *Journal of the American Oriental Society*, Vol. 117, No. 3 (Jul. - Sep., 1997). P. 549–557.
169. *Greaves A.M.* Trans-Anatolia: Examining Turkey as a Bridge between East and West // *Anatolian Studies*, 57, 2007. P. 1–15

170. *Greaves A.M.* Miletos: A History. London-New York: Routledge, 2002.
171. *Greenewalt Jr. C.H.* Sardis: A First Millenium B.C.E. Capital in Western Anatolia // The Oxford Handbook of Ancient Anatolia. / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 1112–1130.
172. *Gunter A.C.* Gordion Excavations Final Reports III: The Bronze Age. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991.
173. *Güterbock H.G.* Toward a Definition of Hittite // *Oriens*, Vol. 10, No. 2 (Dec. 31, 1957). P. 233–239
174. *Güterbock H.G., Mellink M., Vermeule E.T.* The Hittites and the Aegean World // *AJA* 87 (1983). P. 133–143.
175. *Hamilton W. J.* Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia : with some account of their antiquities and geology. London: Murray, 1842.
176. *Hanfmann G.M.A.* On Lydian Sardis // From Athens to Gordion: The Papers of a Memorial Symposium to Rodney S. Young. /Ed. K. DeVries. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1980. P. 99–132.
177. *Hanfmann G.M.A.* Sardis from Prehistoric to Roman Times 1958-1975: Results of the Archaeological Exploration of Sardis. Cambridge-London: Harvard University Press, 1983.
178. *Hanfmann G.M.A., Ramage N.H.* Sculpture from Sardis: The Finds Through 1975-1978. Cambridge: Harvard University Press, 1978.
179. *Harmanşah Ö.* Monuments and Memory: Architecture and Visual Culture in Ancient Anatolian History // The Oxford Handbook of Ancient Anatolia. / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 623–651.
180. *Harmanşah Ö.* Place, Memory and Healing: An Archaeology of Anatolian Rock Monuments. New York, 2014.
181. *Harmanşah Ö.* Of Rocks and Water: An Archaeology of Place. Ed. Ö. Harmanşah. Oxford: Oxbow Books/Joukowski Institute Publications, 2014.
182. *Harmanşah Ö.* Stone Worlds: technologies of rock-carving and place-making in Anatolian landscapes // Cambridge Handbook of the Bronze Age – Iron Age Mediterranean World. /eds. A.B. Knapp. P. van Dommelen. Cambridge, 2015. P. 379–394.
183. *Haspels E.C.H.* I Am the Last of the Travelers: Midas City Excavations and Surveys in the Highlands of Phrygia. /eds. D. Berndt, H. Çambel. Istanbul: Archaeology and Art Publications, 2012.
184. *Hawkins J. D.* The hieroglyphic inscription of the Sacred Pool Complex at Hattusa (Stüdien zu den Boğazköy-Texten, Beiheft 3). Wiesbaden, 1995.

185. *Hawkins J.D.* Luwians versus Hittites // Luwian Identitites. Culture, Language and Religion Between Anatolia and the Aegean. /Ed. A. Mouton, I. Rutherford, I. Yakubovich. Leiden-Boston: Brill, 2013. P. 25–40
186. Hekatomnid Caria and the Ionian renaissance /ed. Isager J.. Odense, 1994.
187. Hellenistic Karia: Proceedings of the First International Conference on Hellenistic Karia /eds. van Bremen R., Carbon J.-M. Oxford, 2010.
188. *Hellström P.* The Architectural Layout of Hekatomnid Labraunda // *Revue Archéologique, Nouvelle Série, Fasc. 2*, 1991. P. 297-308.
189. *Hellström P.* Sculpture from Labraynda // *Sculptors and Sculpture of Caria and the Dodecanese* /Ed. Jenkins I., Waywell G.B. London, 1997. P. 109-113.
190. *Hellström P.* Labraunda. A Guite to the Karian Sanctuary of Zeus Labraundos. Istanbul, 2007.
191. *Henry O.* Hekatomnos, Persian Satrap or Greek Dynast? The Tomb at Berber İni // *Hellenistic Caria*. Bordeaux, 2010. P. 103-120.
192. *Henry O.* Hellenistic Monumental Tombs: The Π-shaped tomb from Labraunda and Karian parallels // *Labraunda and Karia; Proceedings of the International Symposium* . Uppsala, 2011. P. 159-177.
193. *Henry O.* Necropolis of Labraunda // *Mylasa & Labraunda*. Istanbul, 2010. P. 71-128.
194. *Henry O.* Tombes de Carie: Architecture funéraire et culture Carienne VIe–IIe siècle av. J.-C. Rennes, 2009.
195. *Henry O.* Wood Reflections on Stone Tombs. // *Tatarli, the Return of Colours*. /Ed. L. Summerer & A. von Kienlin. Istanbul, 2010. P. 296-315
196. Henry O., Ingvarsson-Sundström A. The story of a tomb at Labraunda // *Labraunda and Karia etc.* P. 177-199.
197. *Henry O. et al.* Labraunda 2012 – Rapport préliminaire // *Anatolia Antiqua*, XXI (2013). P. 285-355.
198. *Hodos T.* Lycia and Classical Archaeology: The Changing Nature of Archaeology in Turkey // *Classical Archaeology in Context. Theory and Practice in Excavation in the Greek World* /Ed. D. Haggis, C. Antonaccio. Berlin: de Gruyter, 2015. P. 87-118.
199. *Hoffmann H.* Foreign Influence and Native Invention in Archaic Greek Altars // *AJA*, Vol. 57, No. 3 (Jul., 1953). P. 189-195
200. *Hoffner H.A.* Proclamation of Anitta of Kussar // *The Context of Scripture*, vol. 1, Leiden: Brill, 1997. P. 182-84.
201. *Højlund F.* The Maussolleion Sacrifice // *AJA*, Vol. 87, No. 2 (Apr., 1983). P. 145-152
202. *Hornblower S.* Mausolus. Oxford: Clarendon Press, 1982.
203. *Hornblower S.* The Greek World 479-323 BC. London-New York, 2011.

204. *Hout T. van den*. Tombs and memorials: The (Divine) Stone House and Hegur Reconsidered // Recent Developments in Hittite Archaeology and History ... /Ed. H.G. Güterbock et al. Winona Lake: Eisenbrauns, 2002. P. 73-91.
205. *Hrozný B*. Die Lösung der hethitischen Problems // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft 56, 1915, 17-50.
206. *Hrozný B*. Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1917.
207. *Hülden, O*. 2006. Graber und Grabtypen im Bergland von Yavu (Zentrallykien): Studien zur antiken Grabkultur in Lykien. Bonn: Habelt, 2006.
208. *Hülden O*. Considerations on the Tumuli of Lycia in the Pre-classical Period // *Anatolia Antiqua*, Tome 19, 2011. P. 495-514
209. *Huxley, G.L*. The Early Ionians. London, 1966.
210. *Il Ö*. Tumuli Asie Minoris. Untersuchung zu den phrygischen und lydischen Tumulusgräbern der Eisenzeit im zentralen und westlichen Kleinasien. Dissertation. Ruprecht-Karls-Universität, Heidelberg. 2009.
211. *Isager S*. „The Pride of Halicarnassos. Editio Princeps of an Inscription from Salmakis” // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 123 (1998). P. 1-23
212. *Jenkins I*. Greek Architecture and its Sculpture. London, 2006.
213. *Jenkins I*. Greek Architecture and its Sculpture. London, 2006.
214. *Jenkins I*. The Lion of Knidos. London, 2008.
215. *Jeppesen K*. Das Maussolleion von Halikarnass: Forschungsbericht 1997 // *Proceedings of the Danish Institute at Athens 2*, Aarhus, 1998. P. 161–233
216. *Jeppesen K*. Paradeigmata: Three Mid-fourth Century Main Works of Hellenic Architecture Reconsidered. Aarhus, 1958.
217. *Jeppesen K., Zahle I*. Investigations on the Site of the Mausoleum 1970/1973 // *AJA*, Vol. 79, No. 1 (Jan., 1975). P. 67-79
218. *Jeppesen K., Zahle I*. The Site of the Mausoleum at Halicarnassus Reexcavated // *AJA*, Vol. 77, No. 3 (Jul., 1973). P. 336-338
219. *Joukowsky M*. Prehistoric Aphrodisias: an Account of the Excavations and Artifact Studies. Vol. 1: Excavations and Studies. Providence: Brown University, 1985.
220. *Kaptan D*. The Daskyleion Bullae: Seal Images from the Western Achaemenid Empire. Leiden: NINO, 2002.
221. *Karlsson L*. The Sanctuary of the Weather God of Heaven at Karian Labraunda. A Bronze Age cult exposé for Robin Hägg // *Perspectives on ancient Greece.: Papers in celebration of the 60th anniversary of the Swedish Institute in Athens*. Stockholm, 2013. P. 171-187.

222. *Keen A. G.*, The Dynastic Tombs of Xanthos: Who Was Buried Where? // *Anatolian Studies*, Vol. 42 (1992). P. 53-63
223. *Keen A.G.* Dynastic Lycia: A Political of History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers, c. 545-362 B.C. Leiden-Boston: Brill, 1998.
224. *Kelly-Buccellati M.* Ein hurritischer Gang in die Unterwelt // *MDOG*, 134, 2002. P. 131-148.
225. *Kleiner G.* Alt-Milet. Wiesbaden, 1966.
226. *Klengel E., Klengel H.* Die Hethiter. Geschichte und Umwelt. Eine Kulturgeschichte Kleinasiens von Catal Hüyük bis zu Alexander dem Großen. Wien-München: Schroll, 1970.
227. *Knapp, Bernard A.* Monumental Architecture, Identity and Memory // *Proceedings of the Symposium: Bronze Age Architectural Traditions in the Eastern Mediterranean: Diffusion and Diversity* (Gasteig, Munich, 7-8 May, 2008). Weilheim: Verein zur Förderung der Aufarbeitung der Hellenischen Geschichte e.V., 2009. P. 47-59
228. *Kolb, Michael J.* The Genesis of Monuments among the Mediterranean Islands // *The Archaeology of Mediterranean Prehistory*. Ed. Emma Blake & A. Bernard Knapp. Malden: Blackwell, 2004. P. 156-179
229. *Konuk K.* Erbbina in Karia // *Ancient History, Numismatics and Epigraphy in the Mediterranean World. Studies in memory of Clemens E. Bosch and Sabahat Atlan and in honour of Nezahat Baydur*, Istanbul, 2009. P. 193-199.
230. *Konuk K.* Asia Minor to the Ionian Revolt // *The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage* /Ed. W. Metcalf. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 43-60.
231. *Konuk K.* Coinage and Identities under the Hekatomnids // *4th Century Karia: Defining a Karian Identity Under the Hekatomnids* /Ed. Henry O. Paris, 2013. P. 101-122.
232. *Korfmann M.* Demircihüyük I: die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975-78. Architektur, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein: P. von Zabern, 1983.
233. *Koşay, H.* Die Ausgrabungen von Alacahöyük. Ankara: TTKY, 1944.
234. *Kozłowski S., Kempisty A.* Architecture of the Pre-Pottery Neolithic Settlement in Nemrik, Iraq // *World Archaeology*, Vol. 21, No. 3, Architectural Innovation (Feb., 1990). P. 348-362.
235. *Kreul A.* Die Barockbaumeister Fischer von Erlach. Wiesbaden, 1988.
236. *Krinzinger F., Ruggendorfer P., Heinz R.*, Das Mausoleum von Belevi // *Anzienger der Akademie der Wissenschaften*, Wien, 136 (2001). P. 143-167.
237. *Kulakoğlu F.* Kültepe-Kaneş: A Second Millenium B.C.E. Trading Center on the Central Plateau // *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia*. /Ed. S.R. Steadman, G. McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 1012-1030.
238. *Kull B.* Demircihüyük V: die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975-78. Die mittelbronzezeitliche Siedlung. Mainz am Rhein: P. von Zabern, 1988.

239. Labraunda and Karia, Proceedings of the International Symposium Commemorating Sixty Years of Swedish Archaeological Work in Labraunda /eds. Karlsson, L., Carlsson, S. Uppsala, 2011.
240. *Lamb W.* Excavations at Thermi in Lesbos. Cambridge: Cambridge University Press, 1936.
241. *Lamb W.* Some Early Anatolian Shrines // *Anatolian Studies*, VI (1956). P. 87-94
242. *Laroche-Traunecker F.* Les édifices d'époque archaïque et gréco-perse de Meydancikkale (Gülнар) // *Les Grands Ateliers d'architecture dans le monde égéen du VIe siècle av. J.-C.* /Éd. J. des Courtils, J.-Ch. Moretti. Istanbul: Institut Français d'Études Anatoliennes-Georges Dumézil, 1993. P. 13-28.
243. *Larsen M.T.* The "Babel/Bibel" Controversy and its Aftermath // *Civilizations of the Ancient Near East*. Vol. I. New York : Charles Scribner's Sons, 1995. P. 95-106.
244. *Laumonier A.* Les cultes indigenes en Carie. Paris, 1958.
245. *Lloyd S.* Ancient Turkey: A Traveller's Guide. Oakland: University of California Press, 1989/1999.
246. *Lloyd S, Mellaart J.* Beycesultan. Vol. 1: The Chalcolithic and early Bronze age levels. London, 1962.
247. *Lloyd S., Mellaart J.* Beycesultan Excavations. Second Preliminary Report, 1955 // *Anatolian Studies*, Vol. 6 (1956). P. 101-135.
248. *Love for Lydia: A Sardis Anniversary Volume Presented to C.H. Greenewalt, Jr.* /Ed. N.D. Cahill. Cambridge-London: Harvard University Press, 2008.
249. *Lubotsky A.* The Old-Phrygian Areyastis-inscription // *Kadmos*, 27/1 (1988). P. 9-26.
250. *Luwian Identities. Culture, Language and Religion Between Anatolia and the Aegean.* /Ed. A. Mouton, I. Rutherford, I. Yakubovich. Leiden-Boston: Brill, 2013.
251. *Ma J.* Statues and Cities: Honorific Portraits and Civic Identity in the Hellenistic World. Oxford, 2013.
252. *Mac Sweeney N.* Community Identity and Archaeology. Dynamic Communities at Aphrodisias and Beycesultan. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011.
253. *Marek C., Frei P.* Geschichte Kleinasiens in der Antike. München: Beck, 2010.
254. *Marsadolov L.* The Cimmerian Traditions of the Gordion Tumuli (Phrygia) Found in the Altai Barrows (Bashadar, Pazyryk) // *Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age*. BAR International Series 890. Oxford: Archeopress, 2000. P. 247-258.
255. *Maundrell H.* A Journey from Aleppo to Jerusalem at Easter 1697 A.D. Oxford, 1703.
256. *McEnroe J.C.* Architecture of Minoan Crete. Constructing Identity in the Aegean Bronze Age. Austin: University of Texas Press, 2010
257. *Mee C.* Anatolia and the Aegean in the Late Bronze Age // *Aegeum* 18, 1998. P. 137-148.

258. *Mellaart J.* Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. New York: McGraw-Hill, 1967
259. *Mellaart J.* Excavations at Hacilar. 2 vols. Edinburgh, 1970.
260. *Mellaart J.* Excavations at Hacilar. Third Preliminary Report, 1959 // *Anatolian Studies*, Vol. 10 (1960). P. 83-104
261. *Mellaart J.* The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // *AJA*, 62, 1, Jan. 1958. P. 9–33
262. *Mellaart J.* The Late Bronze Age Monuments of Eflatun Pinar and Fasillar near Beysehir // *Anatolian Studies*, Vol. 12 (1962). P. 111-117.
263. *Mellink M.* Anatolia // *CAH*, Vol. IV. Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 B.C. / Ed. Boardman J. et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 211-233
264. *Mellink M.* Anatolia and the bridge from east to west in the Early Bronze Age // *TÜBA-AR*, 1, 1998. P. 1-8.
265. *Mellink M.* Anatolia: Old and New Perspectives // *Proceedings of the American Philosophical Society*, Vol. 110, No. 2, Archaeology: Horizons New and Old (Apr. 22, 1966). P. 111-129.
266. *Mellink M.* Fouilles d'Elmali, en Lycie du Nord (Turquie). Découvertes préhistoriques et tombes à fresques... // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 123e année, N. 3, 1979. P. 476-496.
267. *Mellink M.* The Native Kingdoms of Anatolia // *CAH*, Vol. III, Pt. 2. The Assyrian and Babylonian Empires and other States of the Near East, from the 8th to the 6th Centuries BC. Chap. 34a. /Ed. Boardman J. et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 619-665
268. *Mellink M.J.* A Hittite Cemetery at Gordion. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1956.
269. *Mellink M.J.* Excavations at Karataş-Semayük and Elmali, Lycia, 1971 // *AJA*, Vol. 76., No. 3, Jul., 1972. P. 257-269.
270. *Mellink M.* The Painted Tomb at Karaburun (Elmalı). Problems of Conservation and Iconography // *KST*, II, 1988. P. 271-277.
271. *Mellink M.* Homer, Lycia, and Lukka // *The Ages of Homer: A Tribute to Emily Townsend Vermeule* /Ed. J.B Carter S.P. Morris. Austin: University of Texas Press, 1998. P. 33-42.
272. *Metzger H.* Sur deux groupes de reliefs «gréco-perses» d'Asie Mineure // *L'antiquité classique*, T. 40, fasc. 2, 1971. P. 505-525.
273. *Mielke D.P.* Hittite Cities: Looking for a Concept // *Insights into Hittite History and Archaeology* / Ed. D.P. Mielke, H. Genz. Leuven: Peeters, 2011. P. 153-194.
274. *Mielke D.P.* Key Sites of the Hittite Empire // *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia*. /Ed. S.R. Steadman, G. McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 1031-1054.
275. *Momigliano N. et al.* Settlement history and material culture in southwest Turkey: Report on the 2008–2010 survey at Çaltılar Höyük (northern Lycia) // *Anatolian Studies* 61, 2011. P. 61-121.

276. *Muhly J.D.* Greece and Anatolia in the Early Iron Age: The Archaeological Evidence and the Literary Tradition // Symbiosis, Symbolism, and the Power of the Past: Canaan, Ancient Israel and their Neighbours from the Late Bronze Age through Roman Palestine /Ed. W.G. Dever, S. Gitin. Winona Lake: Eisenbrauns, 2003. P. 23-36.
277. *Muscarella O.W.* Fibulae Represented on Sculpture // Journal of Near Eastern Studies, Vol. 26, No. 2, Apr., 1967. P. 82-86.
278. *Naginski E.* Sculpture and Enlightenment. Los Angeles, 2009.
279. *Naumann R.* Architektur Kleinasiens von ihren Anfängen bis zum Ende der hethitischen Zeit. 2., erweiterte Auflage. Tübingen: Wasmuth, 1971.
280. *Nelson M.C.* Pylos, Block Masonry and Monumental Architecture in the Late Bronze Age Peloponnese // Power and Architecture: Monumental Public Architecture in the Bronze Age Near East and Aegean. /eds. J. Bretschneider, J. Driessen, K. van Lerberghe. Leuven: Peeters, 2007. P. 143-160.
281. *Neve P.* Hattusa – Stadt der Götter und Tempel. Mainz: Zabern, 1996.
282. *Newton C. T.* A History of Discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae. London, 1862.
283. *Newton C. T.* Essays on Art and Archaeology. London, 1880.
284. *Noack F.* Die Baukunst des Altertums. Berlin: Fischer & Franke, 1910.
285. *Noll R.* Das Heroon von Gölbaşı-Trysa. Ein fürstlicher Grabbezirk griechischer Zeit in Kleinasien. Wien: Kunsthistorisches Museum, 1971.
286. *Nylander C.* Ionians in Passargadae: Studies in Old Persian Architecture. Uppsala, 1970.
287. *Oberleitner W.* Das Heroon von Trysa: ein lykisches Fürstengrab des 4. Jahrhunderts v. Chr. Mainz am Rhein, 1994.
288. *Ökse A.T.* Open-air Sanctuaries of the Hittites // Insights into Hittite History and Archaeology / Ed. Genz H., Mielke D.P. Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2011. P. 219-240.
289. *Oppenheim A.L.* Ancient Mesopotamia. Portrait of a Dead Civilization. 2nd revised ed. Chicago-London: University of Chicago Press, 1977.
290. *Orthmann W.* Untersuchungen zur späthethitischen Kunst. Bonn: Habelt, 1971.
291. *Osborne J.F., Summers G.D.* Visibility Graph Analysis and Monumentality in the Iron Age City at Kerkenes in Central Turkey // Journal of Field Archaeology, Vol. 39, No. 3, 2014. P. 292-309.
292. *Özdoğan M.* Amidst Mesopotamia-Centric and Euro-Centric Approaches: The Changing Role of the Anatolian Peninsula between the East and the West // Anatolian Studies, 57, 2007. P. 17-24.

293. *Özgüç T.* New Observations on the Relationship of Kültepe with Southeast Anatolia and North Syria during the Third Millenium BC // *Ancient Anatolia. Aspects of Change...* /Ed. J.V. Canby, E. Porada, B.S. Ridgway, T. Stech. Madison: University of Wisconsin Press, 1986. P. 31-47.
294. *Özyar A.* A Prospectus of Hittite Art Based on the State of our Knowledge at the Beginning of the 3rd Millenium AD // *Strukturierung und Datierung in hethitischen Archäologie.* /Hrsg. von D.P. Mielke, U-D. Schopp, J. Seeher. Istanbul: Ege Yayınları, 2006, S.125-148.
295. *Palagia O.* *Personal Styles in Greek Sculpture.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
296. *Paton W.R.* Excavations in Caria // *JHS* No. 8 (1887). P. 64-82.
297. *Paton W.R.* Excavations in Caria // *The Journal of Hellenic Studies*, Vol. 8 (1887). P. 64-80.
298. *Pedersen P.* *The Maussoleion at Halikarnassos* Vol. III/I: *The Maussoleion Terrace and Accessory Structures.* Hojbjerg, 1991.
299. *Pedley J.G.* *Ancient Literary Sources on Sardis.* Cambridge: Harvard University Press, 1972.
300. *Perrot G., Chipiez Ch.* *L'Histoire de l'Art dans l'Antiquité.* Paris: Hachette et Cie.:
T. III : Phénicie, Cypre (1885), T. IV : Judée, Sardaigne, Syrie, Cappadoce (1887),
T. V : Perse, Phrygie, Lydie et Carie, Lycie (1890).
301. *Pollitt J. J.* *Art in the Hellenistic Age.* Cambridge, 1986.
302. *Popko M.* *Religions of Asia Minor.* Warsaw: Dialog, 1995.
303. *Popko M.* *Zippalanda: Ein Kulturzentrum im hethitischen Kleinasien.* Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1994.
304. *Pucci M.* *Functional Analysis of Space in Syro-Hittite Architecture.* Oxford: Archaeopress, 2008.
305. *Radt W.* *Siedlungen und Bauten auf der Halbinsel von Halikarnassos. Unter besonderer Berücksichtigung der archaischen Epoche*, 3, Beiheft MDA(I). Tübingen, 1970.
306. *Radt W.* *Siedlungen und Bauten auf der Halbinsel von Halikarnassos unter besonderer Berücksichtigung der archaischen Epoche.* Tübingen, 1970.
307. *Raimond E.A.* *Hellenization and Lycian Cults during the Achaemenid Period // Persian Responses: Political and Cultural Interaction With(in) the Achaemenid Empire.* /ed. Ch. Tulpin. Swansea: Classical Press of Wales, 2007. P. 143-162.
308. *Ramage A.* *Lydian Houses and Architectural Terracottas.* Cambridge (Mass.), 1978.
309. *Ramage A.* *Lydian Houses and Architectural Terracottas.* Cambridge-London: Harvard University Press, 1978.
310. *Ramsay W.M.* *Sepulchral Customs in Ancient Phrygia // JHS*, Vol. 5 (1884). P. 241-262.
311. *Ratté C.* *Lydian Architecture. Ashlar Masonry Structures at Sardis.* Cambridge: Harvard University Press, 2011.

312. *Reinholdt C. et al.* The Aegean and Western Anatolia: Social Forms and Cultural Relationships // *Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus.* /eds. Aruz J., Wallenfels R. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 255-270.
313. Religion in the Emergence of Civilization: Catalhöyük as a Case Study. / Ed. I. Hodder. Cambridge, 2010
314. *Ridgway B. S.* Fourth-Century Styles in Greek Sculpture. Madison: University of Wisconsin Press, 1997.
315. *Ridgway B.S.* Prayers in Stone. Greek Architectural Sculpture ca. 600-100 B.C.E. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1999.
316. *Riegl A.* Der moderne Denkmalkultus: Sein Wesen und seine Entstehung. Vienna: W. Braumüller, 1903.
317. *Robertson D.S.* Greek and Roman Architecture. Cambridge: Cambridge University Press, 1980
318. *Robinson T.* Erbinna, The „Nereid Monument” and Xanthus. // *Ancient Greeks West & East.* Ed. Gocha R. Tsetsckhladze. Leiden-Boston-Köln, 1999. P. 361-377.
319. *Roller L.E.* In Search of God the Mother: The Cult of Anatolian Cybele. Berkeley: University of California Press, 1999.
320. *Roller L.E.* Midas and the Gordian Knot // *Classical Antiquity*, Vol. 3, No. 2 (Oct., 1984). P. 256-271.
321. *Roller L.E.* Phrygian Semi-Iconic Idols from Gordion // *Anatolian Iron Ages 7: The Proceedings of the Seventh Anatolian Iron Ages Colloquium held at Edirne, 19-24 April 2010* / Ed. A. Çilingiroğlu, A. Sagona. Leuven-Paris-Walpole: Peeters, 2012. P. 221-252.
322. *Roos P.* The Rock Tombs of Caunos. Vol. I-II. Göteborg: Paul Åströms Förlag, 1972.
323. *Roos P.* Survey of Rock-Cut Chamber-Tombs in Caria. Vol. I: South-Eastern Caria and the Lyco-Carian Borderline. Göteborg: Paul Åströms Förlag, 1985.
324. *Roos P.* Survey of Rock-Cut Chamber-Tombs in Caria. Vol. II: Central Caria. Göteborg: Paul Åströms Förlag, 2006.
325. *Roosevelt C.H.* Iron Age Western Anatolia: The Lydian Empire and Dynastic Lycia // *A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East.* Ch. 34. /Ed. D.T. Potts. Oxford: Blackwell, 2012. P. 896–913.
326. *Roosevelt C.H., Luke C.* Mysterious Shepherds and Hidden Treasures: The Culture of Looting in Lydia, Western Turkey // *Journal of Field Archaeology*, Vol. 31, No. 2 (Summer, 2006). P. 185-198.
327. *Rumscheid F.* Maussollos and the “Uzun Yuva” in Mylasa: an unfinished Proto-Maussolleion at the heart of a new urban centre? // *Hellenistic Karia: Proceedings of the First International Conference on Hellenistic Karia.* Talence, 2010. P. 69–103.

328. *Sagona A., Zimansky P.* Ancient Turkey. London-New York: Routledge, 2009.
329. *Sams G.K.* Anatolia: The First Millennium B.C.E. in Historical Context // The Oxford Handbook of Ancient Anatolia. / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 604-611.
330. *Sams G.K.* Aspects of Early Phrygian Architecture at Gordion // Anatolian Iron Ages 3: The Proceedings of the Third Anatolian Iron Ages Colloquium held at Van, 6-12 August 1990 / Ed. A. Çilingiroğlu, D.H. French. P. 211-220.
331. *Sasson J.M.* Prologues and Poets. On the Opening Lines of the Gilgamesh Epic // Beyond Hatti. A Tribute to Gary Beckman. /Ed. B.J. Collins. P. Michalowski. Atlanta: Lockwood Press, 2013. P. 265-277.
332. *Sayce A.H.* On the Monuments of the Hittites // Transactions of the Society of Biblical Archeology, VII 2, 1881. P. 248-308.
333. *Sayce A.H.* Preface // *Schliemann H.* Troja: Results of the Latest Research and Discoveries on the Site of Homer's Troy, and in the Heroic Tumuli and Other Sites etc. London: Murray, 1884.
334. *Sayce A.H.* The "Higher Criticism" and the Verdict of the Monuments. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1894,
335. *Sayce A.H.* The Hittites. The Story of a Forgotten Empire. Oxford: The Religious Tract Society, 1890.
336. *Schachner Ş., Schachner A.* Eine spät-hethitische Grabstele aus Maraş im Museum von Antakya // *Anatolica*, No. 22, 1996, S. 203-226.
337. *Schlosser J.* Die Kunstliteratur. Wien, 1924
338. *Schmidt K.* Göbekli Tepe – the Stone Age Sanctuaries. New results of ongoing excavations with special focus on sculptures and high reliefs // *Documenta Praehistoricae XXXVII* (2010). P. 239-256
339. *Schmidt K.* Göbekli Tepe. A Stone Age Sanctuary in South- Eastern Anatolia. Berlin: Ex Oriente, 2012.
340. *Schmidt K.* Göbekli Tepe: a Neolithic Site in Southeastern Anatolia // The Oxford Handbook of Ancient Anatolia. / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 917-933
341. *Schmidt K.* Göbekli Tepe: Eine Beschreibung der wichtigsten Befunde erstellt nach den Arbeiten der Grabungsteams der Jahre 1995–2007. // *Erste Tempel – Frühe Siedlungen: 12000 Jahre Kunst und Kultur. Ausgrabungen und Forschungen zwischen Donau und Euphrat.* Oldenburg: Isensee Verlag, 2009, S. 3-39.

342. *Seeher J.* Forty Years in the Capital of the Hittites: Peter Neve Retires from His Position as Director of the Hattuša-Boğazköy Excavations // *The Biblical Archaeologist*, Vol. 58, No. 2, Anatolian Archaeology: A Tribute to Peter Neve (Jun., 1995). P. 63-67.
343. *Seeher J.* Hattusha. A day in the Hittite Capital. *Ancient Anatolian Towns: 2*. Istanbul, 2011.
344. *Sherratt A.* What can archaeologists learn from Annalists? // *Archaeology, Annales and Ethnohistory*. / Ed. A. Bernard Knapp. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 135-142.
345. *Simpson E.* The Phrygian Artistic Intellect // *Source*. Vol. VII, No. 3/4, 1988. P. 24-42.
346. *Simpson E.* The Gordion Wooden Objects. Vol. 1: The Furniture from Tumulus MM. Leiden-Boston: Brill, 2011.
347. *Smith E.B.* Egyptian Architecture as Cultural Expression. New York: Appleton-Century, 1938.
348. *Smith A.H.* Catalogue of Greek Sculpture in the British Museum. Vol. 2. London: British Museum, 1892
349. *Smith, B.E.* Architectural Symbolism of Imperial Rome and the Middle Ages. Princeton: Princeton University Press, 1956
350. *Spencer N.* Early Lesbos between East and West: A 'Grey Area' of Aegean Archaeology // *The Annual of the British School at Athens*. Vol. 90, 1995. P. 269–306.
351. *Spencer N.* Time, Tradition and Society in Greek Archaeology: Bridging the 'Great Divide'. London: Routledge, 1995.
352. *Steadman S. R.* Isolation vs. interaction: Prehistoric Cilicia and its role in the Near Eastern world system. PhD Dissertaion. Berkeley. 1994.
353. *Stevenson J.J.* A Restoration of the Mausoleum at Halicarnassus. London, 1909.
354. *Stinson P.T.* Lale Tepe: A Late Lydian Tumulus near Sardis. 2. Architecture and Painting // *Love for Lydia: A Sardis Anniversary Volume Presented to C.H. Greenewalt, Jr.* /Ed. N.D. Cahill. Cambridge-London: Harvard University Press, 2008. P. 25-47.
355. *Strawn B.A.* What is Stronger than a Lion? Leonine Image and Metaphor in the Hebrew Bible and the Ancient Near East. Saint-Paul: Academic Press Fribourg, 2005
356. *Stronach D., Summers G.D.* The Ashlar Building at Kerkenes Dağ : An interim report // *Anatolia Antiqua*, Tome 11, 2003. P. 111-129.
357. *Summerer L.* From Tatarlı to Munich: The Recovery of a Painted Wooden Tomb Chamber in Phrygia // *The Achaemenid Impact on Local Populations and Cultures in Anatolia* /Ed. I. Delemen et al. Istanbul, 2007. P. 129-156.
358. *Summerer L.* Imaging a Tomb Chamber: The Iconographic Program of the Tatarlı Wall Paintings // *Ancient Greece and Ancient Iran: Cross-Cultural Encounters*. Athens: National Hellenic Research Foundation, 2008. P. 265-299.

359. *Summerer L.* Indigenous Responses to Encounters with the Greeks in Northern Anatolia: The Reception of Architectural Terracottas in the Iron Age Settlements of the Halys Basin // Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence /Ed. P.G. Bilde, J.H. Petersen. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 2008. P. 263-286
360. *Summers G.D.* The Identification of the Iron Age City on Kerkenes Dağ in Central Anatolia // Journal of Near Eastern Studies, Vol. 56, No. 2 (Apr., 1997). P. 81-94.
361. *Summers G.D., Summers F.* The Kale at Kerkenes Dağ: An Iron Age Capital in Central Anatolia // Cities and Citadels in Turkey: From the Iron Age to the Seljuks /Ed. S. Redford, N. Ergin. Leuven-Paris-Walpole: Peeters, 2013. P. 137-159
362. *Taşyürek O.A.* Some New Assyrian Rock Reliefs in Turkey // Anatolian Studies, 75, 1975. P. 169-180
363. *Tekoglu R., Lemaire A., Ipek, K. Tosun.* La bilingue royale louvito-phénicienne de Çineköy // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 144e année, N. 3, 2000. P. 961-1007.
364. *Texier C.* Description de l'Arménie et de la Perse, de la Mésopotamie: géographie, géologie, monuments anciens et modernes, moeurs & coutumes. Vols. 1-2. Paris: Firmin-Didot, 1842-1852
365. *Texier C.* Description de l'Asie Mineure: faite par ordre du gouvernement français en 1833-1837. Vols. 1-3. Paris: Firmin-Didot, 1839-1849.
366. The Ancient Languages of Asia Minor /ed. R.D. Woodward. Cambridge, 2008.
367. The Architecture of Ancient Israel from the Prehistoric to the Persian Periods /Ed. A. Kempinski, R. Reich. Jerusalem: Israel Exploration Society, 1992.
368. The Luwians /Ed. H.C. Melchert. Leiden-Boston: Brill, 2003.
369. The Lydians and Their World = Lidyalılar ve Dünyaları /Ed. N.D. Cahill. Istanbul, 2010.
370. The New Chronology of Iron Age Gordion. / Ed. C.B. Rose, G. Darbyshire. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011.
371. The Oxford Handbook of Ancient Anatolia. / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011
372. The Oxford Handbook of Ancient Iran / Ed. D.T. Potts. Oxford: Oxford University Press, 2013.
373. The Oxford Handbook of the Archaeology of the Levant (c. 8000-332 BCE) / Ed. M.L. Steiner, A.E. Killbrew. Oxford: Oxford University Press, 2014.
374. The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean / Ed. E.H. Cline. 2012.
375. *Thomas E.* Monumentality and the Roman Empire. Architecture in the Antonine Age. Oxford, 2007.
376. *Umholtz G.* Architraval Arrogance? Dedicatory Inscriptions in Greek Architecture of the Classical Period // Hesperia, 71 (2002). P. 261-293.

377. *Ünal, Ahmet*. "You Should Build for Eternity": New Light on the Hittite Architects and their Work // *Journal of Cuneiform Studies*, Vol. 40/1 (1988). P. 97-106.
378. University of Chicago, 2007. P. 18-32.
379. *Ussishkin D*. The Syro-Hittite Ritual Burial of Monuments // *Journal of Near Eastern Studies*, Vol. 29, No. 2 (Apr., 1970). P. 124-128.
380. *Üzel A*. The Display of Hekatomnid Power in Karian Settlements Through Urban Imagery. (M.A. thesis). Berlin: Graduate School of Social Sciences, 2007.
381. *Vassileva M*. King Midas' Ass's Ears Revisited // *Ancient West & East*, vol. 7. Leuven-Paris-Walpole: Peeters, 2008. P. 237-248.
382. *Waelkens M*. Die kleinasiatischen Türsteine. Mainz, 1986; *Roosevelt C.H*. Symbolic Door Stelae and Graveside Monuments in Western Anatolia // *AJA*, Vol. 110, No. 1 (Jan., 2006). P. 65-91.
383. *Warner J. L*. Elmali-Karataş II: The Early Bronze Age Village of Karataş. Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1994.
384. *Warner J*. The Megaron and Apsidal House in Early Bronze Age Western Anatolia: New Evidence from Karataş. // *AJA*, Vol. 83, No. 2 (Apr., 1979). P. 133-147.
385. *Waywell G*. The free-standing sculptures of the Mausoleum at Halicarnassus in the British Museum. London, 1978.
386. *Webb P. A*. Hellenistic Architectural Sculpture (Figural Motifs in Western Anatolia and the Aegean Islands). Wisconsin, 1996.
387. *Webb P. A*. Hellenistic Architectural Sculpture (Figural Motifs in Western Anatolia and the Aegean Islands). Wisconsin, 1996.
388. *Weiskopf M*. The so Called „Great Satrap's Revolt”, 366-360 B.C. *Zeitschrift für Alte Geschichte*, Heft 63. Stuttgart, 1989.
389. *Weißl M*. Torgottheiten. Studien zum sakralen und magischen Schutz von griechischen Stadt- und Burgtoren unter Einbeziehung der benachbarten Kulturen. PhD dissertation. Universität Wien, 1998.
390. *Werner K*. The Megaron during the Aegean and Anatolian Bronze Age: A Study of Occurrence, Shape, Architectural Adaptation, and Function. SIMA CVIII. Jonsered: Paul Åströms Förlag, 1993.
391. *Winter N.A*. Greek Architectural Terracottas from the Prehistoric to the End of the Archaic Period. Oxford, 1993.
392. *Wright G.R.H*. Ancient Building in South Syria and Palestine. 2 vols. Leiden-Köln: Brill, 1985.
393. *Wright W*. The Empire of the Hittites: With decipherment of Hittite inscriptions by Prof. A.H. Sayce etc. 2nd ed. London: James Nisbet & Co., 1886.

394. *Yakar J.* History of the Field: Archaeology of the Anatolian Plateau // The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East. / Ed. E.M. Meyers. New York-Oxford: Oxford University Press, 1997, Vol. 3. P. 63-67
395. *Yakar J.* The Twin Shrines of Beycesultan // *Anatolian Studies*, Vol. 24 (1974). P. 151-161.
396. *Yakar J.* באנאטוליה קרקעיים-תת מבנים — וכרונולוגיה אינטרפרטציה // Subterranean Structures in Anatolia: Problem of Interpretation and Chronology // *Eretz-Israel: Archaeological, Historical and Geographical Studies*. Vol. 15. 1980. P. 17-21. [на иврите]
397. *Yakubovich I.* Sociolinguistics of the Luvian Language. Leiden: Brill, 2010.
398. *Yegül F.* The Temple of Artemis // *The Lydians and Their World = Lidyalılar ve Dünyaları* /Ed. N.D. Cahill. Istanbul, 2010. P. 363-388.
399. *Young R.S.* The Gordion Excavations Final Reports. Vol. 1: Three Great Early Tumuli. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
400. *Young R.S.* The Nomadic Impact: Gordion // *Dark Ages and Nomads c. 1000 B.C. Studies in Iranian and Anatolian Archaeology* /Ed. M. Mellink. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut, 1964. P. 52-57.
401. *Zimmerman T.* Anatolia as a Bridge from North to South? Recent Research in the Hatti Heartland // *Anatolian Studies*, 57, 2007. P. 65-75.
402. *Zimmer-Vorhaus C.* Hittite Temples: Palaces of the Gods // *Insights into Hittite History and Archaeology* / Ed. Genz H., Mielke D.P. Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2011. P. 195-218.